

Трое из леса

Юрий НИКИТИН

Трое в Песках

«ЭКСМО»

1993

Никитин Ю. А.

Трое в Песках / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 1993 — (Трое из леса)

ISBN 5-699-15434-5

Трое дикарей-невров, вышедших из дремучего Леса, сражаются со всем миром за счастье и Правду. Они уничтожили державу киммеров, но теперь знают — не каганы, вожди, цари и короли правят миром. А управляют миром маги, колдуны, волхвы, для которых цари и императоры — лишь инструменты. И теперь Трое из Леса идут на новую битву, в новом мире — мире Песков, куда перенес их ковер-самолет.

ISBN 5-699-15434-5

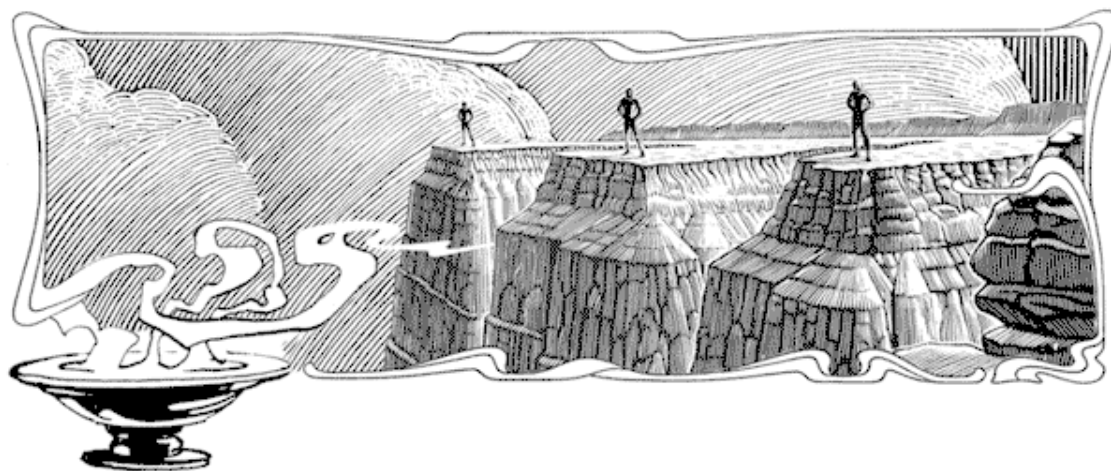
© Никитин Ю. А., 1993

© Эксмо, 1993

Содержание

Часть I	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	26
ГЛАВА 5	31
ГЛАВА 6	37
ГЛАВА 7	45
ГЛАВА 8	51
ГЛАВА 9	57
ГЛАВА 10	64
ГЛАВА 11	71
ГЛАВА 12	77
ГЛАВА 13	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Юрий НИКИТИН ТРОЕ В ПЕСКАХ

Часть I

ГЛАВА 1

Великий маг Гольш бросил рассеянный взгляд из окна, вздрогнул. Из безоблачного синего неба падал на вымощенную каменными плитами площадку неопрятный ковер. Края обвисли под тяжестью сосулек, изгрызенных солнцем, на ковре прижались друг к другу трое звероватого вида людей. Гольш разглядел волчьи шкуры, оружие, странные волосы двух варваров – а это явно варвары! – у одного красные, как затухающее пламя, у другого – цвета раскаленного песка, горы которого тянулись от его башни на сотни конских переходов. Третий лежал вниз лицом: красный, как свежесваренный рак, похожий на человека с заживо содранной шкурой.

Ковер – не ковер, а большая мокрая тряпка – шлепнулся на ровные каменные плиты. Варвары вывалились, на сером камне остались красные следы. От ковра повалил пар. Двое звероватых с трудом подняли под руки третьего, двигались как застывающие в ночной холод мухи. Под ногами образовались лужи, окрасились в багровый цвет. Серая шерсть душегреек слиплась красными сосульками.

Все трое шатались, озирались угрюмо и злобно. Жизни в каждом осталось на одно дуновение, но звериная мощь таилась в каждом движении, – таких Гольш не встречал. Говорят, таковы варвары, но те за краем стремительно раздвигающегося цивилизованного мира. Гольш не сводил пораженного взгляда с варвара слева, не померещилось: волосы в самом деле красные, как пламя! Таких не бывает вовсе, как и не бывает золотых волос до плеч, как у другого, что справа. Третий – его держали под руки – словно вынырнул из ковша с расплавленным металлом: багровый, пышущий жаром. Руки его висели бессильно, но огромный топор не выпустил!

Краснокожий медленно разогнулся, смахнул кровь со лба. Гольш зябко передернул плечами. У ворот стоит человек, который вчера был и сегодня еще остается свирепым зверем!

Все трое двинулись к воротам. Гольш преодолел оцепенение, вскинул сжатые кулаки и громко произнес заклятие, запирающее вход в башню. Много на свете соблазнов, много чудес. И так потратил полжизни на глупости, вспомнить стыдно. На столе второй месяц ждут таблички из обожженной глины, что повезло найти в песках. Если удастся прочесть, то, возможно, именно там узнает секрет вечной жизни и абсолютной власти.

Мрака бил озноб, зубы лязгали так, что перекусил бы рукоять секиры. Таргитай закрывался ладонью от нещадного блеска, что излучала золотая башня. Гигантская, вся словно из золотых глыб, вырастала прямо из такого же золотого песка, уходила в непривычно оранжевое, будто раскаленное небо. Олег переступал с ноги на ногу. Вода на горячих плитах шипела и уходила паром. Разбитые в кровь, толстые, как олады, губы на обезображенном лице шевельнулись с трудом:

– Боги... Такого мира не может быть... Ни Лес, ни Степь...

Таргитай сказал хриплым измученным голосом:

– Кругом Песок... Это мир Песка!

– Такого мира не может быть, – повторил Олег несчастным голосом.

– Есть.

– Может, мы уже... Или нам мерещится?

Мрак остался висеть на плече Олега, черные, как уголья, глаза все чаще туманились от боли и слабости, но страшным усилием стряхивал черное забытие – руку Ящера, владыки подземного мира. Перед глазами колыхалась широкая спина Таргитая, на перевязи висел меч с

блистающей рукоятью, страшный меч бога войны, доставшийся им так тяжело. Таргитай хромает, одно плечо держит выше; на ковре раны перестали кровоточить, но сейчас снова потянулись кровавые следы.

На похуевшем измученном лице Таргитая появилась слабая улыбка.

– Удача наконец-то улыбнулась...

– Улыбнулась? – прохрипел Мрак. – Или оскалила – зубы?

Олег сказал потрясенно:

– Мир Песка... Золотая башня... Кто там живет, не знаю, но нас наверняка заметил. Не уйти.

– Кто собирается уходить? – зло сказал Мрак. – Куда?

Он шатнулся вперед, Олег вынужденно пошел вслед за Таргитаем. Башня приближалась, от нее веяло сухим жаром. Дрожь отпустила Олега, злой холод наконец ушел. Из ледяного мира поднебесной тверди попали в раскаленный мир!

– Наши жизни в наших руках, – сказал он медленно.

– То-то они у тебя трясутся, будто кур крал...

Нижние глыбы под тяжестью верхних сплющились, как сырая глина. На стыках пучились валики, словно шрамы от старых ран. Таргитай огибал башню, от усталости цеплялся за стену, приваливался, отдыхал. Когда скрылся, Мрак и Олег услышали его предостерегающий вскрик.

Таргитай остановился, широко расставив ноги. В башне широкий проем с нависающим козырьком, дубовые ворота потемнели от жара, а широкие бронзовые полосы засовов могли выдержать удары окованного бревна.

У ворот в пыли на солнцепеке двое стражей играли в –кости. Потемневшие от солнца, в бронзовых шлемах и кольчужных сетках на голое тело, оба худые, жилистые, с выпирающими суставами – они порождение этого мира: злого, жгучего, враждебного. Обнаженные мечи лежали рядом, оранжевые искры плясали на острых как бритвы лезвиях.

Таргитай смотрел раскрыв рот, Мрак боролся с забытьем, а Олег сказал торопливо:

– Без головы – не ратник. А убежим, то и воротиться можно.

– Убежим, – прохрипел Мрак. – Тут и ползать... Надо идти на риск...

– Риск здорово, когда рискую не я... И не ты, Мрак. Тебя любая муха свалит, даже не самая крупная.

Мрак с усилием выпрямился:

– Мир вам, добрые люди! Окажите приют бедным странникам. Боги вознаградят вас, каким бы богам вы ни молились.

Стражи бросали кости, едва не стукались лбами, кидаясь считать забитые пылью дырочки. Кружка молниеносно переходила из рук в руки. Мрак переступил с ноги на ногу, прохрипел:

– Хлопцы, что скажете?

– Уйдем, Мрак, – взмолился Таргитай. – Какие-то чудные... Будто каждый день с неба падают гости. Уйдем! Не драться же.

– А что? Если бы ты не спал всю дорогу, видел бы, куда нас занесло.

Таргитай проглотил обиду, на таком холоде только спать.

– Опять драться?

Мрак шумно вздохнул, струпья на груди лопались, проступила красная обожженная плоть. Поднял секиру, темные глаза стали желтыми, как у волка.

– Помрем как люди, а не как жабы на песке!

Мечи словно сами прыгнули в сухие ладони стражей. Узкоплечие, с иссушенными зноем и ветром лицами, ожидающе смотрели на широкого гиганта, у того при каждом вздохе лопалась обгоревшая кожа, а кровь текла по ногам на горячие плиты. Лица их странно заостренные, остроконечные уши убежали почти на затылок.

Олег предостерегающе вскрикнул. Мрак сосступил вбок, шатнулся. Оба стража одновременно вскинули над головами кривые мечи. Мрак с хриплым вскриком обрушил удар первым. От слабости не было сил на хитрости, просто рубанул сверху вниз... Страж не стал уклоняться, парировать – лезвие врубилось в плечо. Послышался глухой стук, будто по дереву. Секиру вывернуло из рук Мрака: словно бы попал по сучку!

Упал, выронив секиру. Над головой свистнуло. Будь целы волосы – срезало бы. С трудом ворочался, чувствуя злость и унижение. Над ним со звоном столкнулся металл. Полетели искры, и запахло горелым. Отчаянно вскрикнул Олег, его ноги переступали перед лицом Мрака, но молодой волхв не сдвинулся назад.

– Мрак, ты жив? – послышался встревоженный голос Таргитая.

– Уже... нет, – прохрипел Мрак.

Сильные руки Таргитая – окреп малец за дорогу! – ухватили Мрака под мышки и оттащили назад, оставив его прислоненным к стене, истекающим кровью. Таргитай козлом скакнул к Олегу. Тот пятился, отчаянно отражая удары мечей.

– Прочь! – заорал Таргитай.

Олег поспешно шарахнулся, присел, а Таргитай с криком выхватил меч. Горячая рукоять обожгла. Таргитай ощутил знакомый прилив радостной мощи богов. Тело застонало от наслаждения: свирепая сила раздувала мышцы. Закричал снова, с упоением слыша свой могучий, страшный голос. Успел увидеть страх в глазах стражей, затем меч полыхнул оранжево-красным. Коротко хрустнуло, зазвенело. Лезвие неуловимо быстро прочертило воздух крест-накрест. Шлемы соскочили, со звоном покатались по плитам, а обезглавленные туловища медленно рухнули в разные стороны.

Таргитай с сожалением отряхнул меч, но красные капли исчезли сами, словно их вобрал металл. Олег поднимал Мрака, глаза от сраженных пугливо отводил. Мрак сказал брезгливо:

– Доигрались... Ишь, две шестерки выпало! Зато мне выпало два крепких дурня за спиной. С мечами.

Мрак валился так, что едва не вогнал Олега в землю вместе с плитой. Рядом грохнуло, звякнуло, а когда рассеялась пыль, Таргитай уже маячил в темном проеме, кривился и щупал плечо. Между пальцами выступила кровь, под ногами лежали сорванные с петлями ворота. Изнутри тянуло могильным холодом, сыростью.

– Туда, – прохрипел Мрак. – Чего встали? Что не родится, то и не мрет.

– Ну да, – ответил Олег зябким голосом. – Жизнь дает лишь Род, а отнимает всякая гадина!

Таргитай исчез в полутьме, Олег и Мрак шагнули и очутились словно на дне круглого колодца. Узкая каменная лестница без перил лепилась к стене, взбиралась по спирали вверх, куда не достигал свет из дверного проема. Колодец заполнен запахами гари, ароматом смолы, словно наверху, не довольствуясь солнцем, жгли факелы.

– Хозяева на самой крыше, – проговорил Таргитай стонуще. – А ежели бы мы свалились на крышу, то те оказались бы в подвале... Почему так всегда?

Он поставил раненую ногу на первую ступеньку, с тоской глядел вверх. Мрак высвободился из рук волхва, уперся в шероховатый камень стены.

– Таргитай у нас просто герой.

– Здорово дрался, – кивнул Олег. – С мечом бога войны!

– Да нет, просто чем ленивее человек, тем больше каждый его шаг похож на подвиг...

Медленно потащился наверх, цепляясь за стену и подтягивая себя со ступеньки на ступеньку. Олег побелел, зеленые глаза не отрывались от узкой, всего в длину меча, лестницы.

– Тарху тяжело взбираться, лишь на печь влезает в охотку, но я – волхв, мне надлежит зреть грядущее... Каково катиться с самого верха?

Оба оставались теми же, какими их изгнали из Леса: одного – за лень, другого – за трусость, и Мрак буркнул, не поворачивая головы:

– Для этого надо еще получить в зубы.

Таргитай и Олег волоклись следом, как две козы на веревках. Таргитай спотыкался и падал на четвереньки: подводили раненые ноги. Олег пугливо бормотал заклятия. Мрак раздраженно бросил:

– Нишкни! Вдруг вся башня провалится до преисподней?

Сзади звучно хрястнуло – Таргитай дотесывал лбом выступы стены, а голос волхва жалобный, как у придавленной деревом козы:

– Мрак... что проку от моих заклятий?

– Тогда молчал бы.

– Боязно...

Остановившись отдышаться, Мрак повернул залитое кровью и потом лицо, жгучие черные глаза пронзили волхва насквозь.

– Земля лопнула?... Лопнула. А во второй раз стены рухнули.

– Я при чем? Земля и без заклятий в жару идет трещинами! А при пожаре стены всегда рушатся.

Сверху донесся приближающийся топот, лязг металла. Олег и Таргитай друг за дружкой выползли вперед, заслонили Мрака. Таргитай нехотя потащил из ножен страшный меч, а Олег взял палицу обеими руками. Мрак тяжело дышал, перед глазами качались, иногда раздваиваясь и расплываясь в тумане, широкие спины невров. Оба сбросили волчьи душегрейки. Мрак смутно успел подивиться, насколько же молодые парни окрепли, раздались в плечах, обросли тугим мясом. У обоих уже появились белые и сизые полоски и валики шрамов, но оба оставались теми же: один старается исчезнуть при любом намеке на драку, но, прижатый к стене, дерется, как загнанная в угол кошка, а другой, что раньше умер бы от одной мысли, что надо работать, ныне таскает, копает, рубит, на нем даже можно возить мешки. Правда, всегда выбирает поменьше.

Из тьмы выбежали трое рослых и еще более худых стражей. В шлемах, панцирях, голени закрыты металлом, круглые щиты, мечи, хищно загнутые, а сами стражи похожи на странные сухие деревца, какие видели среди жарких песков, пока летели на ковре.

– Слава богам, – прошептал Мрак в спины Олегу и Таргитаю. – Люди как люди... Никого тебе подлого –колдов–ства.

Олег оглянулся, лицо изнуренное и жалкое.

– Воротиться бы?

Мрака качнуло, уперся плечом и лбом в стену, прохрипел:

– С дор-р-роги... Усех пор-р-р-решим...

Воины остановились в трех шагах от Таргитая и Олега. Взгляды их устремились через их головы. Мрак с рычанием пытался поднять секиру. Темные сгустки засохшей крови покраснели, алые струйки сбегали на пол. Его шатнуло, с невероятными усилиями перетаскивал себя со ступеньки на ступеньку. Воины, не сводя с него вытаращенных глаз, начали отступать вверх. Таргитай с облегчением опустил меч.

– Пошли за подкреплением, – сказал Олег встревоженно.

– Засаду устроят, – прохрипел Мрак.

Ступени становились круче. Мрак все чаще впадал в забытие. Олег тащил, подставив плечо, весь побелел: левая ступня иногда зависала над пропастью. Таргитай шел впереди с обнаженным мечом.

Ступени вывели на широкую площадку. Стены башни блестели все так же золотом, глазам больно. В узкие зарешеченные окна падали оранжевые лучи. На площадку выходили две двери.

– Обе... не заперты, – выдавил Таргитай. – В ка...кую?

– Ближнюю, – сказал Олег, сам едва услышал свой голос. – В другую... не доползем...

Таргитай как шел – его качало, как Мрака, – так и грянулся о дубовую дверь. Хрястнуло, доски разнесло в щепы, а Таргитай ввалился в дыру. Олег, торопясь из последних сил, дотащил Мрака, ногой выбил остатки, расширяя проход.

В неширокой комнате, темной и странной, вскочил испуганный старик в расшитом звездами халате. Седые волосы падали на плечи, старика била крупная дрожь. Олег не сразу понял, что хозяина трясет не от страха, а от гнева. За спиной старика стол, заваленный свитками папируса, рулонами телячьей кожи, виселись горки медных, бронзовых и даже глиняных табличек.

– Кто послал? – завопил старик страшным голосом.

Вокруг его седой головы заблестели багровые, как глаза оборотней, искры. Воздух стал накаляться, как в печи. Олег опустил Мрака на пол, тот прохрипел с закрытыми глазами:

– Сами зашли... По дороге было...

– Сами? – грянул старик еще страшнее. Он стал выше ростом, с грохотом отшвырнул с дороги стул. – Сами?.. Вас послал этот ублюдок Мардух!.. Или подлый Вишандра... Сейчас я вас в жаб!..

Взмахнул костлявыми руками. Багровые искры, как злые осы, устремились на незваных гостей. Таргитай ощутил болезненные уколы, кожа сразу покраснела, волдыри не вздувались, а подпрыгивали и застывали мутными шляпками грибов. За спиной изменившийся голос Мрака прохрипел:

– Спешите, дурни... Он же нас за людей не чтет... Вам все одно, вы и так... а мне жабой как-то не по себе...

Олег трясся, белый как мел, распластался по стене, стараясь вжаться в щель. Таргитай вытянул меч, почти касаясь концом тощей груди старика.

– Видишь, еле удерживаю?.. Еще миг, выпьет твою кровь!..

Старик опустил глаза на меч. Разъяренное, устрашающе красное лицо пожелтело, челюсть отвисла.

– Не знаю, что за меч, но в нем странная и страшная мощь... Кто вы?

– Люди, – сказал Таргитай торопливо. – Помоги, наш друг умирает. Мы все трое ранены, нас били и топтали все, кто хотел.

Старик смотрел уже растерянно.

– Как может быть такое?.. Мардух, я признаю твою силу. Ты создал такое, что мне не остановить... Ежели вас не создал другой маг, мне неведомый... но это невозможно.

Мрак сказал затихающим голосом:

– Под старость ума лишился... Живые мы... Люди...

Голос прервался, голова откинулась. Из глубоких порезов на лбу все еще сочилась кровь, но лицо странного человека смертельно бледное, словно вся жизнь вытекла. Гольш все еще смотрел со страхом и недоумением. Солнце и ветер вытапливают лишнюю плоть, оставляя лишь кости и сухие жилы, туго обтянутые смуглой кожей, а эти трое словно вышли из подземного мира: непривычно широкие, светлокожие, со вздутыми, как обцелованные ветром валуны, мышцами. Таких людей просто не могло существовать в знойном прокаленном мире Песков! Но они перед Гольшем. А самое невероятное – их глаза.

ГЛАВА 2

У варвара с красными, как пламя вечернего костра, волосами глаза ярко-зеленые, как молодая трава весной, как драгоценные изумруды в пещерах маленького народца. Лицо варвара широкое, с высокими скулами и тяжелой нижней челюстью. Могуч и высок, но Гольш не мог оторвать взгляда от странных глаз, каких не могло быть у людей.

Варвар с мечом мощи, чародейским мечом, еще выше, в плечах шире, но Гольш забыл о могучих мышцах прищельца, когда встретился с ним взглядом. Волосы, подобно солнечному свету, падают на плечи, глаза как синее-синее небо. Таких глаз не могло быть у человека, разве что у джинна или ифрита, но бессмертных джинов невозможно ранить...

Третий варвар, самый могучий, лежал в луже крови на полу. Весь был словно с содранной кожей. Гольш уловил запах горелого мяса. Человек почти не дышал, жизнь собиралась покинуть покрытое струпьями тело.

– Как же... – сказал старик потрясенно. – Ежели равных нам с Мардухом нет на свете магов...

Мрак сказал в забытии:

– Думает, только он ест сено, остальные – солому...

Таргитай опустил меч.

– Что нам маги! Принимай нас как гостей, а то разнесем всю посуду.

Олег сказал просительно:

– Я вижу, ты – маг. Помоги! Нашему другу нужны целебные отвары, мази... Умрет, если не поспешить!

Старик хлопнул в ладони. В дверном проеме возник худой человек, голый до пояса, недружелюбно взглянул на гостей. Старик бросил несколько слов на странном квакающем языке. Человек исчез, полоснув по чужакам острым как бритва взглядом. Старик присел возле Мрака. Сухие костлявые пальцы осторожно коснулись могучих пластин груди, пробежали по обожженному лицу.

– От таких ран... умирают даже герои. Вы... в самом деле люди?

– Да, – ответил Олег.

– Я таких людей не встречал.

– Мы вышли из Большого Леса.

– Леса?.. Что это?

Олег в затруднении развел руками:

– Лес... это когда много деревьев... больших! Настолько больших, что не видно солнца и неба.

Старик смолчал, в глазах сомнение. Слуга принес кувшин, старик зачерпнул горсть зеленой, дурно пахнущей мази. Мрак дернулся, застонал, когда колдун начал намазывать на раны эту слизь.

– Он не умрет? – спросил Таргитай с надеждой.

Старик пожал плечами:

– Не знаю, из какого дерева тесали вас, людей Леса.

– Мы не из дерева, – ответил Олег тихо. – Даже не из костей и мяса... Из дурости, надежды, отчаяния, злости... А нельзя ли... полечить с помощью магии?

– Нельзя, – ответил старик сухо. Вмазал остатки в тело Мрака, повернулся к Олегу: – Меня зовут Гольш, я пустынный маг. Давайте посмотрим и ваши раны. Мне кажется, слабые люди могли бы от них уже умереть... Что дает силы вам?.. Что ж, раны героев заживают быстрее, чем раны побеж-денных.

Оглянулся, ощутив внезапное изменение в комнате. Лица лесных варваров изнуренные и бледные, но Гольш рассмотрел то, чего раньше не заметил. В глазах варваров унижение и боль. Золотоволосый наконец бросил меч в петли перевязи, сказал горько:

– Тогда мы – трупы.

Гольш быстро обработал их раны, у золотоволосого вытащил из голени наконечник стрелы. Все время ощущал на себе пристальный взгляд нечеловечески зеленых глаз варвара с красными как пламя волосами. Гольш спросил:

– Ты маг?

Красноволосый помялся, ответил с неуверенностью в голосе:

– Волхв.

– Что такое «волхв»?.. Колдун?

– Ближе к волшебнику, – ответил Олег осторожно. – Даже к чародею. В наших лесных краях волхвы знахарят, колдуют, ведьмачат, ворожат, кудесничают, заклинают, напускают, шепчут, акудничают, чаруют, сводничают, заговаривают, гадают, предвещают... Но волшбой – больше. Она в хозяйстве нужнее.

Мрак лежал, перевязанный чистыми тряпицами. Зеленая жижа покрыла все обожженное тело. Глаза закрыл, лицо часто кривила судорога. Таргитай доковылял к окну, ахнул. Оранжевые горы золотого песка, отсюда похожие на застывшие волны, медленно наплзали на башню! Верхушки дымились, сдуваемые ветром. Горы песка подминали под себя широкие плиты из камня.

Сзади слышался старческий голос хозяина, Гольша:

– Ежели вы не сотворенные... то можете потрапезовать со мной.

Пальцы старого мага связали в воздухе невидимый узор. Посреди комнаты возник, царапнув ножками пол, приземистый стол. Широкие дубовые доски опалены с угла, будто Гольш выдернул стол из горящего дворца, на столе блеснули старой медью четыре большие чаши с фруктами и овощами. Посередке возник узкогорлый кувшин с цветами.

Мрак завожился на ложе, приоткрыл один глаз. Затуманенное болью лицо начало проясняться. Таргитай поспешно двинулся к столу, забыв про страшные горы песка. Олег шумно сглотнул слюну, а Мрак с усилием приподнялся.

– В поле и жук – мясо... а мы в башне!

– А что едят в башне? – спросил Таргитай наивно.

Ногой подгрел лавку, ухватил чашу обеими руками. Олег подходил с осторожностью, а Мрак издали сказал –проси-тельно:

– Из меня волхв – как из Таргитая работник... Мяса магия не сопрет, разве что стрелой охотника.

Гольш взглянул недоумевающе, щелкнул пальцами. Отодвинув чашу, а кувшин даже повалился, посреди стола возник на деревянном блюде жареный поросенок: с боков печеные куропатки, зелень, в боку торчит нож размером с киммерийский акиак. Комната сразу заполнилась одуряющим запахом жареного мяса.

Таргитай шумно потянул слюни. Гольш приглашающе повел руками:

– Насытимся, затем за неспешной беседой поведем речь о деяниях дивных и необычных. Вам есть о чем сказать, а ко мне давненько не заглядывали герои.

Таргитай с набитым ртом промычал:

– Герои – это кто?

– Мы, дурень, – ответил Олег.

Мрак с усилием разрезал поросенка, кривился от боли. Гольш поглядывал то на него, то на странных спутников, явно колебался, затем перед Олегом и Таргитаем медленно возникла, словно колеблясь, разваристая каша в глубоких тарелках. Пахло одуряюще вкусно, ложек не было. Олег сердито покосился на Мрака, тот скалил зубы, зачерпнул горстью.

– Кто не хочет помереть с голоду, должен научиться жрать хоть руками, хоть клювом... хоть чем.

Рот раскрывал с трудом, алые струйки из лопнувших губ текли с подбородка. Недожаренное мясо брызгало кровью, смешивалось с кровью Мрака. Оживал на глазах, голодный блеск в глазах разгорался ярче.

– Не горюйте, – сказал невнятным голосом. – Вы оба – волхвы, а я – черт-те что и сбоку пряжка. Мясо мешает волшбе, от него звереют. Это знает даже лавка, на которой мыслят ваши задницы.

Он ел быстро, жадно. Вместо вытекающей крови в разодранный рот вливалась ярая мощь, двигался живее. Крепкие волчьи зубы звучно перемалывали кости, остатки выплевывал на середину стола. Можно бы из чести к старому хозяину швырять под стол, но пса не видно, к тому же не волхв, чтобы предвидеть, что там с ними будет. А здесь все ясно: маг шевельнет ушами, дунет-плюнет – и все: стол исчезнет вместе с обедками!

– Да и что за поросенок, – сказал быстро, видя, что Таргитай уже отодвигает тарелку с кашей. – Худой, как все здесь... Мелковат. Мне одному на кутний зуб. К тому же мне выздоро-равливать надо, а вы оба как бычки на выгуле.

Яблоки и груши хрустели на его зубах, как мелкие орешки, выплевывал одни хвостики. Гольш хмурился, ерзал. По-стариковски насытился горстью зерен. Наконец стол исчез, к удовольствию Мрака – с обедками. Старый маг спросил нетерпеливо:

– Поведайте же, откуда и куда изволите странствовать таким дивным способом. И почему позволили себя так ранить?

Мрак откинулся, упершись спиной в стену. Быстро засохшая корка зеленой мази лопалась, в щелях краснела плоть, уже не кровоточила. Грудь медленно поднималась и опадала.

– Рази это дивный? – буркнул окрепшим голосом. – Рази раны? Таргитая девки сильнее...

Умолк, кивнул Олегу. Молодой волхв живет умом, а не сердцем, а ум может вытерпеть больше, чем сердце. У Таргитая от горечи в глазах темно, самому жить не хочется, а Олег лишь стискивает зубы, хмурится, но учится на своих ошибках и на чужих.

– Для нас все здесь дивное, – сказал Олег. – Как вышли из Леса... Первое диво – сама Степь. Разве мы могли подумать, что есть места, где деревья не теснятся, не смыкаются кронами так, что неба не видно?.. Разве могли знать, что на свете есть еще люди?.. Мы били зверей дубинами, а птиц – стрелами с наконечниками из кремня, деревья рубили каменными топорами!

В единственном окошке за решеткой медленно загорались звезды. Гольш слушал, переводил потрясенный взгляд с одного на другого. Лица странных гостей мрачные, как грозовые тучи, но молнии жгут и терзают их изнутри. В каждом поселилась боль. Похоже, что вся их звериная мощь растоптана, унижена, а надежды на скорую победу развеяны в дым. Больше всех страдает золотоволосый варвар. Гольш не мог выносить его ярко-синих глаз, полных недоумения и обиды. Лучше всех держится волхв с зелеными глазами, но лишь держится: умеет скрывать боль и разочарование.

– Вам горько? – спросил Гольш сочувствующе. – Взрослеете... Человек взрослеет, когда больно. Да что там взрослеет! Человек живет, когда ему горько и больно. Тогда лишь человек, когда болит душа.

– Почему? – спросил Таргитай испуганно.

Гольш пожал плечами:

– Не знаю. Душа – странная вещь. Есть лишь тогда, когда болит. Иначе ее нет вовсе. И человека нет.

Мрак перестал сыто отдуваться, буркнул:

– Тогда мы существуем. Еще как существуем! Я вообще, наверное, бессмертный.

Скривился, осторожно отклеился от стены. На каменной плите остались красное пятно и темные сгустки зеленой слизи. Олег осторожно уложил друга на лавку, Мрак закрыл – глаза.

Гольш поднялся:

– Почивайте. Утром я зайду.

Мрак прошептал угасающим голосом:

– Захвати... три... савана...

Рука Мрака метнулась к секире. Боль стегнула по всему телу, зарычал и открыл глаза. На пороге высился худой старик. Мрак выругался и разжал пальцы. Тяжелая секира с лязгом обрушилась на каменные плиты.

– Что ты... крадешься?.. Могу зашибить спросонья!

Гольш изумленно покачал головой:

– Я вошел абсолютно неслышно!

– А чесноку и аджики выжрал целый горшок? Запахом чуть дверь не сорвало с петель!

Гольш осторожно опустился на лавку. Олег спал на полу, под головой был мешочек с травами, Гольш еще вчера хотел узнать про них, а третий, Таргитай, спал на спине, разбросав руки и глупо приоткрыв рот. Его страшный меч едва высывался из-под крупного тела варвара, из-за пояса выглядывала дудочка – деревянная, простенькая.

– Ковер сохнет на крыше, – сообщил Гольш. – Слуг я восстановил, мази для тебя сотворил с ведро. Сможешь поведать, что с вами стряслось?

Мрак в затруднении покосился на спящего волхва. Язык у того, как у лягушки, подвешен задним концом, соврет – не моргнет, а ему, простому, и даже очень простому, не сболтнуть бы лишку.

– Не поверишь. Нас старейшины послали мир поглядеть, себя показать. Далеко послали! Всей деревней до околицы провожали. Мы перестарались: вовсе далеко забрались, так что Лес кончился вовсе... Вышли в Степь, узрели другие народы. Ну, сам понимаешь, когда не все ясно в жизни других, то обязательно где-то нарвешься. Слово за слово, поцапались, разнесли одно гадючье местечко, сами, как видишь, едва унесли ноги.

– Что заставило вас поцапаться? – спросил Гольш требовательно. – Деньги?.. Женщины?.. Власть?

Мрак с неловкостью отвел глаза:

– Не поверишь, батя... Мы три дурня, которым взбрендило поратоборствовать за правду, счастье. Не за свою, а вообще.

– Разве такая бывает?

– Не знаю, тебе виднее, ты – маг. А нам показалось заманчивым одним ударом добыть счастье сразу для всех.

Гольш нахмурился: не нравилась злая ирония в голосе варвара. Самые опасные люди на земле, знал, именно те, кто брался добывать счастье для всего человечества. Вдвойне опасны, ежели сами к тому же честны и бескорыстны. Предельно опасны, хуже пожара, ежели ищут, как заполучить счастье и завоевать правду одним ударом. Такие ищут простых путей, а к счастью простых и коротких путей не бывает. Тем более к счастью для всех.

– Эти... тоже такие?

Мрак пнул ногой Олега:

– Жизнь проспишь. Без тебя не обойтись.

Олег открыл глаза, словно и не спал, лишь мгновение смотрел снизу вверх в недоброе лицо старого мага. Сказал чистым ясным голосом, словно не спал, думал:

– Великий, нам просто необходимо познать тайны магии! Не для себя – для всего мира надобно.

Сел, упираясь в стену. Зеленые глаза неотрывно следили за лицом Гольша. Таргитай всхрапнул во сне как конь, перевернулся, попал на твердые плиты и уставился удивленными глазами на Гольша.

– Зачем? – спросил Гольш.

– Уничтожить Зло, – ответил Олег неистово. – Добыть счастье для всех. Одним махом все злые обычаи, войны, все гадкое и злое...

– Такое возможно?

– Мудрый, мы уже делали невозможное.

– Гм... Как ты мыслишь уничтожить Зло?

Олег оглянулся на друзей. Мрак кивнул, глаза Таргитая еще затуманены сном.

– Найти магов, что сеют Зло! Теперь ведаем, что каганы и цари – лишь придурки в руках магов. Маги – владыки всему! Они отвечают за все.

Гольш слушал, в запавших глазах поблескивали странные искорки. Лицо неподвижно, но нервы чувствовали, что в мозгу старого мага зреет решение. Гольш заговорил медленно, осторожно:

– Вы увидели перед собой реку – переплыли. Увидели вооруженных врагов – схватились за мечи. Теперь перед вами... маги. Хотите овладеть искусством заклинаний?

Все трое дружно кивнули, Таргитай мотнул головой так старательно, что едва не свалился. Гольш смотрел неотрывно, подозрительному Мраку показалось, что старик что-то замыслил.

– Вообще-то мы можем малость, – напомнил на всякий случай. – В прошлый раз Олег чихнул – дворец киммерийского кагана разнесло вдребезги. А Таргитай хотел заклятием спину почесать, а взамен землю расколол. Поверишь, в ширину шагов двадцать, а в глубину... твоя башня вся бы там спряталась!

Таргитай сморщился – Мрак врет чересчур нагло, Олег отвел глаза, а Мрак сказал предостерегающе:

– Э-э, не чихни снова!.. Ты бы пересел, от окна дует.

Таргитай сказал торопливо:

– Мудрый Гольш, обучи нас волхвовству!.. Не такому, как у Олега, а настоящему. Заплатить мы не можем, сами голые, но отработаем!

Мрак заверил очень серьезным голосом:

– Верно, Таргитай что хошь отработает. Любое дело у него горит... синим пламенем. Да и мы с Олегом заплатим сразу после дождика в четверг, когда рак свистнет и зацветет сухая верба!

Гольш посматривал, побряхтывал, сказал с недоумением:

– Боги вам дали звериную силу, но странное у вас – ве-селье.

Под его испытующим взглядом все трое мрачнели, опускали головы. Олег шумно вздохнул, поднялся и ушел. Дверь висела на плотно подогнанных петлях, никто вроде бы не вышибал, не вламывался. Мрак повозился, устраивая обожженное тело, но старый маг не отводил взора – роется в мыслях, будто в кишках.

– Батя, – сказал Мрак с неудовольствием, – мы – смертники. Живем после отпущенного срока. Потому жизнями не дорожим.

– Почему?

– Человеку нельзя без родины, знаешь. Так завещано Поконом, так есть и так пребудет. Мы уже умирали, когда вылезли из Леса в бескрайнюю Степь: с каждым шагом отдалялись от родины!.. Степь, правда, оказалась не пуста – люди, звери. Но чужие люди, чужие звери. А наш Таргитай, у него царя в голове недостает, предложил считать их не чужими, а... своими. Мол, вообразим себе, что это тоже наша деревня, только очень большая. Таргитай у нас вообще... вроде бы по земле ходит, а голова в облаках. Сказанул дурость, но что нам оставалось? Попро-

бовали думать по-дурачки, сразу полегчало. Будто и наши души не лишние на свете!.. Правда, тогда не знали, что придется взять к сердцу и беды Большой Деревни.

Гольш покачал головой. Варвары изумлены, насколько мир велик, но еще не знают, насколько огромен в самом деле. Нельзя всех считать своим народом, нельзя заступаться за всех сразу, а все беды брать к сердцу. Такое человеку не выдержать.

– Понятно... Когда приперт к стене, а нож у горла, что еще остается?

– Да. И так тошно, а ежели смолчать о кривых, как у степняка, ногах Олега, то остается только головой о стену.

Олег как раз вошел в помещение, нес два пучка сухой травы, наклонился, с удивлением глядя на свои ноги, хрястнулся головой о стену. Мрак гулко захохотал, улыбнулся и добрый Таргитай. Гольш морщился: шутки варваров слишком просты, но даже их волхв засмеялся – недалеко ушел, как учить такого магии?

– Научить можно не всякого, – сказал он размеренно. – Вон у золотоволосого волхва за пазухой дудочка. Проще ее нет на свете, но всякий ли на ней сыграет?

Мрак перебил:

– А наш великий волхв Боромир говаривал, что ежели зайца бить, косой весь лес спалит!.. Ежели бить Олега, то и его можно как зайца...

Гольш усмехнулся:

– Считаю, что первое испытание уже прошли. Только лодырям и дурням, а вы на них смахиваете здорово, кажется, что магом надо родиться. На самом деле магия – тяжелый труд, а трудиться никто не любит.

– Есть, кто любит, – покачал головой Мрак. – Таргिताю только дай приложить к чему-нибудь руки.

Гольш кивнул, догадывался, что варвары так шутят.

– Все-таки даже охотником становится не каждый, верно? Хорошим охотником. Но обучиться охотиться может каждый. Если не на львов, то хотя бы на зайцев, улиток, а то и вовсе на грибы.

– Это мы, – сказал Мрак уверенно. – Это про нас! Только нам искать справедливость для всего людства!

– Справедливость? Вы еще надеетесь встретить?

– Ну, мы прошли так мало...

– Боги создали мир таким.

Олег осторожно вклинился в разговор:

– Боромир рек, что боги погода ужаснулись содеянному.

Гольш подошел к окошку, выглянул. Старый маг выглядел встревоженным. Глаза погасли, а голос стал глухим:

– Подумайте еще. Магов ненавидят и боятся. На беду, не зря. Любой маг овладевает разрушением раньше, чем созиданием.

– Ломать – не строить, – хмыкнул Мрак. – Даже Таргитай умеет.

– Самые первые чары, простые, всегда разрушительные. Творящим учатся потом. Но многие дальше не учатся. Зачем, когда и так боятся, гнут спину, приносят дары? Простой люд уверен, что колдуны только и умеют, что наводить порчу, калечить скот, насыщать саранчу, град, засуху. Еще землю трясут...

Олег подпрыгнул, с подозрением смотрел на старого мага. Гольш выглядел серьезным, осуждающе покачивал головой.

– У меня получилось само!

Мрак сказал угрожающе:

– Не обучишься творить – придушу.

– Само не бывает, – обронил Гольш. – Ковер Олег заставил лететь, подслушав чужое заклятие, но землю расколол... Ты в самом деле это сделал?.. Землю расколол своей мощью. Жаль, не знаешь, как тебе это удалось. Странно такое проявление силы у варвара. Магия, в отличие от силы, редко идет в ногу с дикостью.

– Не знаю, – ответил Олег. – У нас словно пелена с глаз упала! Когда увидели, что не цари правят миром...

– Да. Мы – творцы инструментов. Простой люд видит лишь наши жезлы да халаты, но инструменты у нас... совсем-совсем другое. Богатство, бедность, войны, мир, драки за трон, честолубие, гордость... даже кровавые войны – наша поварешка, которой перемешиваем племена, вливая свежие струи в застойные народы!

– На то и щука в реке, чтобы карась не дремал, – вставил Мрак. – Ему это не большое удовольствие, зато быстрее плавает.

– Твой народ в Лесу живет как звери, а понимает многое. Странно... На сегодня с вами закончим. Отдыхайте, набирайтесь сил. А ты, красноголовый маг... или волхв, вслушивайся в слова! В этом соль всей магии. Учись видеть связь слов, скрытый смысл. Твой раненый друг сказал «удовольствие», а знаешь ли, что удовольствие, удалец, удача, удило, уды, удочка – одно слово в разных личинах? Узрите связь – сумеете извлекать магию, лишь переводя одно слово в другое!

Дверь за ним бесшумно захлопнулась, словно вросла в косяки. Мрак попытался встать, явно жаждал проверить, но перекосялся от боли, посерел и со стоном опустился на ложе. Мягкие ковры сползли на пол, Мрак не замечал раньше, не давал себе потачки, а сейчас и на коврах обгорелое мясо жжет, ноет, печет и дергает, будто всего натерли красным перцем и посыпали крупной солью.

Олег проверил дверь – открывается, опасливо высунул голову в коридор, Таргитай и Мрак следили за волхвом с тревогой. Олег всегда прятался за их спины, сейчас единственный оказался цел – ни единой царапины; пока они вдвоем, спина к спине, рубились во дворце кагана, он то прятался под столом, то бегал в башню Мардуха за ковром. Сейчас суетится, вынужденно высовывается, хотя весь трясется, как бурундук на морозе.

– Ушел, – сказал с облегчением и одновременно с жалостью. – Как много знает! И умеет.

– Еще бы, – буркнул Мрак. На темном обгорелом лице появилось мечтательное выражение. – Целого поросенка с хреном!.. А мог бы, наверное, и двух... Ради этого стоит в –маги.

Борясь со сном – лег с обнаженным мечом у двери, Олегу пришлось переступить, – Таргитай сказал:

– Надо научиться. Побьем злых магов, тогда всласть отоспимся, отъедемся, отдохнем, всех девок перешушаем, перемнем, пережмакаем, будем жить-поживать да добро наживать.

– А я все книги перечту, – сказал Олег.

Мрак молчал, боролся в черном забытии со смертью. Но когда в дверь стукнули и вошел слуга, Мрак ожил, сказал раздраженно:

– Ну-ка, рыло, принеси устриц. Только без шуточек! Не слишком толстых... в прошлый раз подал кабанов, а звал устрицами, но и не худых, как наш волхв. Жирных не люблю, тощих не ем. Крупных не приноси, ну а мелочью брезгаю. Самых-самых, понял?

– Понимаю, – ответил раб с поклоном. – С жемчугом или без?

– С жемчугом, – ответил Мрак, не заметив издевки. – С черным! Сперва повыковыривай и выброси.

ГЛАВА 3

На другой день утром старый маг объявил с порога:

– Научить попробую. Но какой магии хотите? Есть всемирная, а есть мелкая, племенная. Всемирную творят маги-гиганты неслыханной мощи. Таких очень мало, единицы, но все же любой деревенский колдун легко ограждает от нее свою деревню.

Олег насторожился:

– Как же так?

– Своя шкура всем ближе к телу. Свои интересы всегда дороже, чем интересы племени, союза племен.

Лесные люди переглянулись. Обожженный хмыкнул, а синеглазый отрок с золотыми, как солнце, волосами наклонил голову, пряча лицо. Лишь волхв с зелеными глазами смотрел неотрывно, выражения не менял, но Гольшу показалось, что и ему неловко за него, старого и умудренного жизнью мага.

Хлопнуло, запахло жареным. Среди комнаты возник накрытый стол. В середине лежала молодая косуля. Вкусно пахло. Правый бок слегка обгорел, в спине торчал узкий нож. Вокруг теснились тушки мелких птиц вперемешку с яблоками, грушами. Из воздуха появились два узкогорлых кувшина, на блюде – устрицы, орехи.

– Кости не разгрызать, – предупредил Гольш хмуро.

– Там же самая сладость, – возразил Мрак.

– Быть магом – горько.

Таргитай выдрал ногу косули, грыз мясо быстро и жадно. Рот перепачкался жиром, губы и щеки блестели. Олег с любопытством взял на ладонь устрицу, Мрак скривился:

– Что в них доброго? Вчера я сдуру сожрал дюжину, до сих пор в пузе тяжело.

– Протухли, – сказал Олег. Укоризненно взглянул на старого мага: – Еще не поправился, а тут снова... Какого цвета были, когда расковыривал?

– Расковыривал? А что, их надо расковыривать?

Таргитай обглодал кость, швырнул на середину стола, подражая Мраку, а друга поспешно ухватил за руку:

– Ты что? Маг велел...

– Забыл, – буркнул Мрак. Бросил перегрызенную крепкими зубами берцовую кость. – Тяжко быть магом!

На следующее утро Гольш разбудил их рано, еще упыри с жабами не дрались. Вдоль стен, повинаясь едва заметному движению бровей мага, вспыхнули смоляные факелы. Запах потек сладковато-тошненький, словно Боромир долго и нудно говорил о неустанном труде на благо общины.

– О плате потом, – сказал Гольш нетерпеливо. – Что с вас взять, если к магии окажетесь не ближе, чем к соловьиным песням?

– Ты не только великий, но и мудрый, – сказал Мрак. На глазах веселел: маг из него – как из Таргитая работник, а из Олега – кулачный боец. – Это сокол вроде Олега с лету хватает, а такая ворона, как я, и сидячего не поймает. Я же понимаю, что кому-то бог дал, а мне лишь показал... Зато такое показал!

Глаза его лихорадочно блестели. Все чаще вставал, пробовал ходить – весь покрытый коркой из засохшей мази и темных сгустков крови. Иногда корка лопалась, показывались алые капли. На нем заживало как на собаке, говорил Олег, а Таргитай с гордостью за Мрака всякий раз поправлял: как на волке!

Таргитай хромал на обе ноги, его бил озноб. Мрак тоже кутался в толстое одеяло Гольша, выздоровление отнимало силы. Гольш для них трижды менял стол, а лесные люди все еще

умирали от голода. Мрак ворчал: пошто не поплевать над его сгоревшей кожей и царапинами Таргитая? А еще маг... Не желает тратить волшебство на чужаков?

Гольш напряженно всматривался в гостей. Запавшие глаза старого мага буравили их, Олег преданно и неотрывно глядел в ответ. Он уже начал учиться, он всегда и всему учился, даже когда в Болоте тонул – познавал Болото и топивших их упырей...

– В тебе больше всего странной мощи, – сказал Гольш, указав на Мрака. – Ее природа мне неведома.

Мрак отшатнулся:

– Перегрелся, мудрый?.. Солнце тут дикое, на людей кидается. Ты прямо пальцем в небо, зато – в самую серединку. Из меня волхв – как из Олега ратник. К этим тихоням приглядишься. У рыжего умная книжка была, пока не сперли... как он у кого-то раньше. А у Тарха – дудка хитрая. То ли умеет на ней волхвовать, то ли дудка сама, во что я, зная Таргитая, поверю скорее...

Таргитай обиженно поерзал по лавке, словно пытался зацепить шляпку гвоздя и выдернуть, дабы поковыряться в зубах.

– Все-таки Таргитай, – сказал Олег, в голосе волхва было недоумение. – Я пробовал посопилить на его дудке, но Мрак решил спросонья, что больной пес пробует петь.

– В тебе, обгорелый, мощи больше, – сказал Гольш настойчиво. – Ты умеешь трансформировать живое. Не знаю, ведаешь ли сам об этом.

Мрак неосторожно повернулся, взвыл, сказал сердито:

– Транс... слова-то какие, на морозе и не выговоришь. самого себя разве что. По-нашему, перекидываюсь – туды–сюды.

Гольш вытаращил глаза, подскочил:

– Себя? Так это ж труднее всего! Других мы беремся учить, переделывать, вести охотно, но себя перебороть?

Мрак разочарованно отмахнулся:

– Все перекидываются. Это ж так просто! В личине волка побегаешь, потешишься, задержишь какую-нибудь зверушку. Потом домой в людской личине, чтобы все как у людей. Волчий нрав в Лесу являешь, когда тебя никто не зрит. А ежели всю жизнь человеком, то рехнуться можно.

Олег и Таргитай мерно кивали, словно их тыкали в миски. Гольш перевел потрясенный взгляд с Мрака на их спокойные лица:

– У вас все так могут?

– Все, – подтвердил за Мрака несчастливо Олег. – Мы живем в Лесу, со зверьем все еще в близком родстве. Потому так... Правда, нам с Таргитаем не удастся, хотя причины у нас разные... За это, что не умеем перекидываться, нас изгна... послали учиться в другие края.

– Еще как послали, – подтвердил Мрак с непонятной улыбкой. – Всей деревней. За околицу провожали.

– Пользуетесь магией, не зная, что это магия?

Мрак ответил вместо Олега:

– Разве это магия, когда умеют все? Вот верблюды – магия! Или еще видел у кагана говорящую птаху. Попугаем кличут, хотя никто не сказал, пошто ее пугать. Я сперва не верил, спросил прямо в лоб, как вот тебя: верно, дурень в перьях, что умеешь говорить? А он мне: я-то умею, дурень в шерсти, а вот ты умеешь летать?

Гольш нервно бегал взад-вперед по комнате. Из-под подошв вылетали длинные, шипящие как змеи искры. Старый маг воздевал глаза к небу, бормотал:

– Когда чудо обыденно, уже не выглядит чудом... хотя все еще чудо. Разве сама жизнь не чудо? Разве мы сами не магические существа? Разве наша обыденная жизнь не является для существ другого мира адом... а для других – раем?

Мрака снова била дрожь, кутался в длинное цветное одеяло, поджимал ноги.

– Великий и мудрый, это для нас чересчур умно. У нас тоже один волхв чуть не рехнулся, разгадывая, почему от коровы всегда теленок, от козы – козленок, а никогда не перепутываются. И как из крохотного зернышка вырастает дерево?.. А нам, простым, и даже очень простым, чего-нибудь попроще, но побыстрее и побольше. Тебе в башне не дуется, хотя не могу понять, как терпишь такую жару, а нам делов непочатый край. До самой могилы, которая, правда, рядом, будем обязаны, ежели научил бы нас... хотя бы вызывать стол с кабанчиком! Лучше, если можно, с двумя.

Олег сжался, в комнате чуть померкло, как и лицо старого мага, но Гольш лишь вздохнул, сказал осуждающе:

– Если здесь возникло, где-то исчезло.

– А ежели не воровать? Боромир брался творить хоть из камня. Правда, ничего не получалось.

– Законы богов не сломить. Ежели создать здесь, то где-то рассыплется в прах. Ежели сохранить жизнь раненому здесь... или обгорелому, то где-то умрет или погибнет другой.

Олег вздрогнул, побледнел. Таргитай беспокойно ерзал, кривился, словно находил гвозди и дергал один за другим, лишь Мрак равнодушно пожал плечами. Исчезло у чужих, что за беда? Скорее всего, сперли у кагана, откуда у бедняка такой откормленный поросенок? А богатых грабить не зазорно. Может быть, от позорной смерти спасли: от обжорства тоже мрут!

Гольш рассматривал их насмешливо.

– В самом деле из Леса... Для вас как будто в самом деле все – родня. Но мир чересчур велик. Бей всякого, все равно попадешь в чужого.

Говорил с иронией, Олег же всматривался, старался проникнуть за личину. Внешность обманчива, для того и дана, язык еще брехливее, но насколько старик подшучивает?

– Решайте! Магия – горький труд, не все готовы связать с нею жизни. Одни отказываются сами. Другим... другим не дается.

Мрак хмыкнул:

– Тогда мы в самый раз. Ни бе ни ме ни кукареку. Ни сюды Микита, ни туды Мыкыта. А я вовсе ни рыба ни мясо и в раки не гожусь. Значит, только в маги.

За окном потемнело. Подул холодный ветер, донес запахи, что смутно напомнили о северном Лесе. В комнате хлопнуло, посветлело. Перед неврами в воздухе повисли три медные с прозеленью чаши. Пахнуло настолько гадостно, что Мрак отпрянул, ударился затылком о камень. Темная маслянистая жидкость беспокойно двигалась. Медленно выныривали белые склизкие комочки, словно в гнилой воде разложились толстые больные жабы.

– Что за шербет? – спросил Мрак подозрительно.

– Напиток магов.

– Воняет гадостно!

– Ты еще не пробовал на вкус, – утешил Гольш. – Передумал?

Мрак угрюмо покосился на его злорадное лицо:

– У нас тоже горьким лечат, а сладким калечат.

Рывком ухватил чашу, Таргитай и Олег раскрыли рты. У Мрака красное злое лицо: обгорелое, в шрамах, но твердое, как вырезанное из хорошего старого дуба.

В зеленой густой жиже высовывались облепленные ряской головы улиток, мелькали красные дождевые черви. Мрак осушил, не поморщился. В чаше Олега плавали дохлые мухи, выдранные с мясом лапы кузнечика. Желтый, как покойник, Олег глотал судорожно, кадык дергался.

Таргитай сделал первый глоток. Холодное гадкое тело улитки скользнуло по горлу. Судорожно пытался протолкнуть глубже, но следом попался клубок шевелящихся червей.

– Глотайте, все глотайте, – донесся как издали голос старого мага. – Чтобы досуха.

Таргитай скакнул к окну, ударился лицом о металлическую решетку. Вниз хлынул водопад, в котором ему виделись жабы, лягушки, улитки и тритоны. Ухватился за прутья, ноги стали ватными.

Мрак сидел как камень, неподвижный и твердый. В глазах злое торжество, губы застыли узкой щелью, словно по коре старого дуба рубанули секирой. Олег стоял, его шатало, мотало из стороны в сторону, по горлу вверх-вниз катались толстые шары.

– Горько? – донесся все еще далекий голос Гольша. – Ничего, это сперва горько и гадко, зато потом будет еще хуже. Маг должен постоянно одолевать все и всех, но сперва должен научиться одолевать себя. Вы двое можете начинать первый урок. А ты, золотоволосый отрок, возьми метлу, убери комнаты и лестницы. Отсюда и до...

– До обеда?

– Нет, до подвалов.

Таргитай старательно дудел, хотя малость осип, когда в коридоре слышались тяжелые бухающие шаги. Кто-то несет на плечах мешок с песком или оленя?

На пороге возникли две сторбленные фигуры. Таргитай с горестным воплем кинулся навстречу, захопотал, подвел к лавке, а Мрака укутал в одеяло.

Мрак прохрипел:

– Ежели такова магова жизнь, то лучше волком!

– Я не доживу до утра, – сказал Олег со стоном.

Таргитай поспешно спрятал дудочку – еще побьют от зависти, – услужливо укутал Мраку ноги толстой шкурой.

– Эт ничо, ничо! Гольш рек, что это сперва трудно, зато потом будет совсем тяжко.

– Тебя бы в волхвы-предрекатели... забили бы враз.

– Таргитаю всегда везет, – сказал Олег едва слышно. – Что Гольш с нами не вытворял! Кол на головах тесал, орехи колол, мордой о стол... Но все-таки обещал научить!

– Как я обещал заплатить? – буркнул Мрак. – Чую, нашла коса на камень.

Таргитай недолго нежил, как кот на печи. Неспособный к магии может оказаться полезным на работе попроще: таскать воду из подземелья на самый верх, убирать, перекладывать камни.

– Не наглей, Тарх, – сказал Мрак предостерегающе. – В тепле да уюте охомячиваешься быстро.

– Как по Степи бегал, – напомнил Олег. – Как лось! А по Горам? Вылитый козел. Прыг-скок, прыг-скок, только рогами потряхивал.

– То по нужде!

– Да, здесь по нужде далековато.

Таргитай зябко передернул плечами: утром Мрак едва не сбросил его вниз, когда пытался справить малую нужду прямо из окна башни. Мрак и раньше ярился, когда мужики ленились сойти с крыльца. Волчья привычка не оставлять следов сказывалась в любой личине.

Гольш сердился, в комнате всякий раз темнело, а под высокими сводами слабо блистало, гремел гром. Мрак, на которого возлагал особые надежды, не мог сдвинуть заклятием даже волосок. Олег же, напротив, тряхнул башню, да так, что по стене пошла трещина. Гольш побелел.

– Ломать – не строить, – повторял настойчиво. – Ты обязан овладеть своей яростью.

– Ярость? – удивился Мрак. – Скорее зайцы пойдут гонять медведей, чем Олега рассердишь!

– Рассердится и червяк, если на него наступят.

– То червяк. Верно, Олег?

Олег с неудовольствием пожал плечами:

– Ярость – свойство неумных. Так учил Боромир.

Длинные черные тени от его высокой фигуры скользили по стенам, жутко ломались на углах, страшно и хищно перепрыгивали. Олег временами походил на свою тень, в его лице Гольш замечал напряжение и нечто скрытое, но тут же в глазах молодого волхва проскакивала беспомощность. Скрывал ее тщательно, в отличие от золотоволосого Таргитая, что жил бездумно и беспечно.

– В тебе слишком много скрытой ярости, – сказал Гольш нерешительно. – Ты сложнее своих друзей и... опаснее. Они чисты, оба как на ладони. А ты темен. Даже для себя, как мне кажется, темен.

– Еще бы, – буркнул Мрак с удовольствием. – Такой волхв, что правую руку от левой не отличит! А уж ноги и вовсе...

– Нет, заклятия ни при чем. У тебя все наружу: душа нараспашку, сердце на рукаве, секира на перевязи. А ваш Таргитай и вовсе зайчик с дудочкой. Олег же в неустроенности, ум в смятении, от него не знаю чего ждать...

– Значит, – подытожил Мрак, – всего! Зато от нас с Таргитаем – ничего. Эй, зайчик с дудочкой! Принеси труженикам магии напиток. В горле как три кошки гадили. Это все еще от того напитка магов!

– Воды? – пискнул Таргитай. Мечтательный взор погас. С великой неохотой спрятал дудочку.

– Дурень, напиток, а не мыться.

Таргитай, обливаясь потом, потащился вниз. Одно утешение, что наиграется всласть, пока спустится до самого низа. Как раз начали складываться слова в новую песню, непохожую на прежние. А внизу, в подземелье, где бьет ледяной ключик, прохладно и знакомо, словно вернулся в родной Лес...

Мрак проводил Таргитая подгоняющим взглядом: ползет, как больная черепаха с перебитыми лапами! Если бы мог взглядом дать пинка – певец катился бы кубарем до самого подвала.

– Хоть один при деле. Мы что, мы – маги, можно и дурью маяться. Почтенный Гольш, не обессудь за смелость, мы ведь простые, и даже очень простые, но ты в благородной рассеянности не замечаешь мелкой мерзости с крылышками – откуда в таких жарких Песках? – но меня комары заели. Это ж не комары, а прямо верблюды с крыльями. Сообразил бы заклятие, дабы враз под корень? Можно под крылья.

Гольш сидел насупленный, злой. Кустистые брови торчали как частокол, глаза недобро сверкали.

– Нет таких заклятий!

– Неужто доселе никто не придумал? Тогда сочини сам. Или давай разведем пауков.

Губы Гольша слились в прямую линию, голос неприязненный:

– Не стать тебе магом.

Олег встревоженно поворачивался то к Гольшу, то к Мраку, не желал ссоры, но и вмешиваться боязно между такими грозными противниками, а Мрак беспечно заявил:

– Все, утоплюсь с горя! Я уж размышлял, что горами буду трясти, как Таргитай веником. Ну, буду трясти, а что толку?.. Олег тоже тряс. Сильного на свете много, умного тоже много, доброго – мало. Олег, помнишь сильномогучего Святогора? Или великана Горыню? Вот уж оба уродились и сильными, и даже мудрыми.

Олег понурил голову:

– Мрак, они ж не маги! А нам позарез надо стать магами, ежели опосля хотим спокойно жить-поживать да добра наживать. Пока в мире такое творится, разве совесть не заглохнет?.. А магам подвластно исправить мир. Им все подвластно. Ведь все, мудрый?

Багровые угли бросали пляшущий пурпурный свет на лицо Гольша. Взглядом менял цвет пламени, вздымал щелкающие искры. Сухие старческие руки бессильно свисали с коленей.

– Все, – подтвердил отстраненно. – А что неподвластно, то нам и не надо.

Олег спросил быстро:

– Неподвластно?

Гольш поморщился:

– Одна вещь на всем белом свете. Но не по силам даже богам. Даже самому богу богов – Роду. Она вовсе не из нашего мира.

Мрак встрепнулся, Олег вовсе вытаращил глаза:

– Такое возможно? Что это?

– Яйцо.

– Просто яйцо?

– Второе Яйцо. Из первого когда-то возникли небо и звезды, боги, люди, звери... Весь мир. А это Яйцо... гм... словом, такое же.

Мрак с недоумением повертел головой:

– Зачем?

Гольш неотрывно глядел в жарко пылающий огонь, но плечами передернул, словно повеяло холодом.

– Даже богам неведомо. Наверное, скоро вспыхнет новый свет.

– А наш?

Пламя начало прижиматься к раскаленным углям. Гольш подбросил сухую ветку, сказал все тем же отстраненным голосом:

– Яйцо спрятано в самом глухом месте на всем белом свете. Там дремучий Лес, полный колдовства. Стерегут невиданные чудовища, а крылатые звери из-под облаков ревниво просматривают каждую тропинку... Да там и нет тропинок. К тому же Яйцо скрыто у людей, страшных в своей мощи. Никто не знает ее пределов. Даже эти люди не знают! Яйцо под надежной защитой.

Мрак не слушал, осторожно сдирал корочку с раны. Показалась нежная розовая кожа.

– Нам нет дела до яиц, кто бы их ни снес. Злую магию бы порушить. Срубить, как сорную траву! А там можно и помереть. Не для жизни вышли из Леса – для смерти...

Гольш ушел молча. Невры провожали сгорбленную фигуру уважительными взглядами: старый маг истязал себя работой. До утра из его комнаты слышались хлопки круглых молний, шипение, лязг, звон, из-под двери выползал зеленый дым, каменные плиты либо крошило, либо превращало в золотые.

– Я видел внизу подле башни косую, – вспомнил Олег. – Хромала, как Таргитай.

– Ну и что?

– Мне показалось, у нее перебита берцовая кость. Или разгрызена.

Уже неделю подолгу рассматривал с крыши незнакомое небо. Звезды втрое крупнее, ярче, их целые рои. Небо черное как деготь, без привычной пронзительной синевы Севера. Иногда сзади над ухом слышалось тяжелое дыхание. Таргитай простудился, шмыгал носом, путался в соплях, иной раз лихо со всего размаха бил их о каменные плиты, но чаще просто выдувал через край башни, поочередно зажимая ноздри большими пальцами.

Могучий Мрак быстро очищался от жуткой коросты. Все еще чудно и непривычно видеть его безволосым, но черная шерсть на глазах пробилась сквозь струпья на широкой, как дверь, груди. На обгорелом лице наметились широкие брови.

Комната Гольша на самом верху, поближе к звездам, негры жили поверхом ниже. Еще в башне имелись чуланы, глубокие ниши, потайные каморки, три зала – Мрак излазил всюду, перетрагал все, что можно потрогать, изучил запоры, засовы, ставни. В залах на стенах висели мечи, булавы, оскепы, оскорды, клевцы, кинжалы и щиты всех размеров и форм. Мрак сперва удивлялся: зачем такое магу, да еще старому? Правда, все под таким слоем пыли, что могло уцелеть с той поры, когда Гольш не был ни старым, ни магом.

Гольш донимал их утром. С полудня и до глубокой ночи сновал вокруг котлов с варевом, в камине выплавлял чудные металлы, заманивал в башню и ловил летучих мышей. Невры, будучи гостями, пробовали помогать – без дела сидеть умел лишь Таргитай, зато еще как умел, но слуг у Гольша хватало, к тому же старому пню, кроме своей магии, почти ничего не требовалось. Да и магией, по понятиям невров, не занимался. Докапывался до чего-то, терзался, ярился и бил посуду. Мрак предположил, что старик пытается овладеть теми силами, где кончается магия, а начинается черт-те что и по бокам пряжки.

На седьмое утро из комнаты Гольша слышались скрипы, треск, в щель под дверью выполз черный дым. Янтарные глаза, вмурованные в металлическую дверь, дважды вспыхнули оранжевым, налились кровью. Донеслось раздраженное бормотание, дверь с треском ударилась о стену.

Маг был в черной мантии с золотыми звездами, остроконечном колпаке. Длинные рукава развевались, как крылья издыхающей летучей мыши. В руке сжимал резной посох, отделанный медью и золотом.

– А, лесные варвары, – буркнул Гольш, его глаза смотрели сквозь гостей. – Отбуду на три дня. Живите как жили. Магия вам ни к чему, накормят слуги. Поупражняйтесь сами, у вас получается. Вся башня пропитана магией, даже воздух насыщен чарами. Что-нибудь да получится.

– Получится, когда загнемся вовсе? – пробормотал Мрак, а громко сказал с подъемом: – Какая жалость, что отбываешь! Каждый вечер засыпаю с мыслью: скорее бы утро да снова за учебу. Мол, бог даст день, а демон... гм... Гольш – работу. Но раз надо, то надо. Не отказывай себе, мудрый! Иной раз нужно уйти в такое, чтобы встряхнуться, а то от нашей собачьей... или собачачьей – как правильно, чтобы получилась магия? – жизни рехнуться, как два пальца замочить.

– С вами это просто, – буркнул Гольш. – Из башни не выходить, я прочел в небе опасность. Стены крепкие, слуги вооружены, магией пропитан каждый камень. Или это уже говорил? На кухне не шарьте, вас накормят... Правда, жрете, как... Ладно, еще двух поваров сотворю.

Перешагнул порог, в два широких шага пересек площадку. Мрак раскрыл рот; старый маг вспрыгнул, словно взлетел, на широкий подоконник. Толстые металлические прутья исчезли, тут же возникли снова – несокрушимые с виду, кованые, – пропустив тощую фигуру.

Гольш постоял на самом краю, четко вырисовываясь на слепяще голубом небе. Факелы бросали в спину багровые сполохи, хвостатые звезды шевелились как живые. Вдали прогремел гром, прокатился, громыхая глыбами, снова треснуло – ближе. Полыхнула белая как снег, холодная молния. Снова затрещало, будто великан разрывал над башней гигантскую шкуру.

Невры от блеска зажмурились. Когда темные пятна перестали плавать в глазах, набежавший ветер смахнул с подоконника горстку оранжевого песка.

– Дунул-плюнул, оседлал молнию, – сказал Мрак завидующе. – И уже за тридевять земель! Сидит себе в корчме... Дурацкий колпак, что под стать разве что Таргитаю, спрятал в мешок, сам прикинулся ворюгой или разбойником. Тех уважают. Пьет вволю, баб лапает, а ежели что не по ндраву – морду бьет. Хоть и старый, а по чужим огородам не прочь... еще как не прочь!

– Мрак...

– А что? Это волхв, я понимаю. А мы сюда двое суток на дырявой тряпке перли! Помнишь, как Таргитай приучался гадить с середины ковра, страшась задницу высунуть? До сих пор тошно.

Олег пошел вдоль стены, шупал массивные глыбы, несокрушимые и надежные, сотворенные еще первыми богами. На окне потряс металлические прутья.

– На ковре – не пешком, как ты гнал нас через Лес. Завалы, буреломы, болота! А как пробирались по Степи? А что на ковре под грозой побывали, тебе же лучше. Раны промыло.

– А вороны клевали? – напомнил Мрак. – До самых Песков целая стая гналась! Тарх до сих пор просыпается с воплем.

– Ему снится, что начал работать. Мрак, мне почему-то не по себе. Все время мерещится, что вот-вот стрясется беда.

– Пуганая ворона куста страшится.

– Я в самом деле чую недоброе!

– Добрый нос за три дня кулак чует.

Олег, не слушая, обошел комнаты – лишь свою Гольш запер магическим словом, – спустился на поверх, порыскал, проверил и перепроверил решетки на окнах. Не поленился сойти вниз, ощупал массивный запор на воротах. На всякий случай – береженого все боги берегут – подпер ворота бревном. Магия магией – когда получается, когда нет, – а бревно на то и бревно, что не подводит.

ГЛАВА 4

К вечеру Олег не находил места, вздрагивал при каждом шорохе. Таргитай и Мрак велели слугам накрыть стол да не забывать, что они грубые варвары, а не утонченные маги. Олег пожевал травки – вылитый маг, снова отправился крепить запоры, закрывать щели. Друзья остались за столом: им-де поправляться надо. Олег, ныне чуткий к словам, обронил язвительно, что поправляться – толстеть, жиреть, но оборотень и певец трудились в поте лица, даже упреки, за ушами лящало так, что по всей башне гуляло эхо, распугивало привидения.

Воздух сухой, прокаленный. Небо начало темнеть, когда Мрак насторожился, потянул ноздрями воздух, с грохотом отодвинул стол. Секира словно сама прыгнула в широкие ладони.

– Беда? – спросил Таргитай с набитым ртом.

– Что-то приближается. Запах вроде бы конский... но сверху, будто скачут по облакам.

Подошел к окну, отшатнулся. Уцелевший клочок шерсти на загравке встал дыбом. Когда повернулся к друзьям, глаза горели желтым волчьим огнем, а в горле клокотало.

С высоты к башне падали, словно скользили с крутой горки, крылатые звери. Шерсть блестяла как золото, а громадные оранжевые крылья, пронизанные веревками сухожилий, мощно вминали воздух. Звери похожи на крупных летучих мышей, но у всех птичьи головы с хищно загнутыми клювами. На головах и шеях сверкала серебряная чешуя. Четыре когтистые лапы, похожие на львиные, звери прижимали к белесым животам.

– Грифоны! – закричал Олег в страхе.

Таргитай, дурной до бесстрашия, охнул с жалостью:

– Аримаспов бы сюда! Они с грифонами усю жизнь бьются. Наловчились, если верить Боромиру. А мы бы поглядели. Страсть люблю смотреть, как другие бьются.

– Без сопливых скользко, – буркнул Мрак.

Встал наготове у запертой двери, расставил ноги. Олег обежал взглядом комнату. Два узеньких окна, тоже в толстой решетке, грифонам не пролезть, разве что выломают. Единственную дверь сторожит Мрак, едва на ногах держится, но не пропустит, озверел. Крылатые звери могут ворваться в башню снизу. Что им взбежать по узкой винтовой лестнице?

Таргитай растерянно топтался среди комнаты. Пальцы все еще бережно держали сопилку. Мрак, полоснув косым, как чужой меч, взглядом, рывкнул:

– Дурень, где твой Меч?

– Он... он внизу. В нашей комнате...

На глаза Таргитая навернулись слезы. Не сводил глаз с Мрака, ожидая, что скажет могучий друг.

– Почему не с тобой?

– Тяжелый. Спину трет...

Мрак рывкнул люто:

– Дурень, беги за ним хотя бы сейчас! Ты видывал, чтобы я далеко ходил за секирой?

Таргитай опрометью выскочил через заднюю дверь. Олег, чувствуя, как леденеет от страха, заставил себя выйти и заспешить вниз. Каменные плиты, что служат здесь лестницей, торчат из стены иной раз всего на локоть. Защищать такое легче, но разве что тому, кто сам носится по стенам как паук. Олег прыгал по ступенькам, постоянно стукался плечом, смотрел вперед и на мелькающие слева плиты, только бы не видеть страшной пустоты справа.

На три поверха ниже загремело. Донесся тяжелый удар, грохот, крик и страшный визг, где смешался птичий клекот огромной хищной птицы и рев чудовищного зверя. Олег пригнулся, ноги подкосились: грифоны вышибли дверь быстрее, чем ожидал! Мрак отчаянно защищает пролом, но что может раненый измученный человек против могучих зверей?

Пересилил себя, заставил бежать быстрее. Один раз так ударился плечом о стену, держась от бездны подальше, что едва не слетел в нее же: сорока от своего языка гибнет, а трус – от боягузства. Похоже, скоро окажутся в западне: грифоны поднимутся по ступеням. Надо решать правильно, всю жизнь этого боялся, прятался за Боромира и других волхвов. Сейчас обязан решить верно. Не потому, что умеет, просто по трудной дороге с ним идут Мрак и Таргитай: один – сама отвага, но только отвага, другой – добрая лень во плоти!

Снизу раздался треск, грохот, звон. В прохладе колодца пахнуло зноем, жарким песком. Послышался сухой шорох крыльев. Олег на бегу ворвался в волну мощного звериного пота.

Снизу бежали, прыгая через три плиты, два могучих золотых зверя. Когти скрежетали по камню. В полутьме искры выскакивали багровые, жуткие, словно звери острили мечи на точильном камне. Сложенные крылья задевали за стену. Задний, более быстрый, едва не кусал за лапы бегущего перед ним, но обогнать по узкой винтовой лестнице не мог.

Увидев человека, передний распахнул клюв. Клекот вырвался жуткий, такого Олег не слышивал: полурев-полукарканье. Глаза зверя вспыхнули как факелы. Ноги Олега подкосились. Побелевшие губы едва шевельнулись, с великим трудом произнес заклинание и, как учил Голыш, простер –руки.

Под ногами загремело. В ноздрях защекотало каменной пылью. Торопливо раскрыл глаза, вскочил, снова чувствуя силы. Лестница обрушилась, в пыльном облаке хлопали изломанные крылья, взлетали перья и роилась золотистая шерсть. Внизу сквозь пыль видно, как верещат звери, выползают из-под обломков. Заклятие получилось легко, с первого раза, словно стены в самом деле помогали, как обещал Голыш.

Из пыльного облака вынырнули уже не золотые, а серые от пыли тела, блеснули налитые кровью глаза. Звери лезли прямо по стене! Острые когти с хрустом вгонялись в щели между плитами, звери поднимались с трудом, но карабкались теперь по всем стенам башни-колодца!

Он простер дрожащие руки. Только бы не переборщить, только бы надеть узду на свое умение разламывать стены и раскалывать землю! Начал выговаривать страшное слово, когда снизу раздалось мощное хлопанье крыльев.

Зверь взлетел почти отвесно. Крылья хлопали, все заволокло пылью из каменной крошки. Олег застыл в страхе, раздраженный рев прогремел почти рядом. В последнем усилии схватить врага грифон смел крыльями еще двух, что карабкались, вгоняя когти в щели, рухнул!

Когда уцелевшие снова показались из пыльного облака, Олег пришел в себя, сбросил ударом Слова. Правда, едва не рассыпалась вся башня, но старый колдун строил прочно: скрипнули глыбы, словно крепко стиснутые зубы.

Трижды звери поднимались по стенам. Олег сбрасывал заклятием, тяжелые тела ударялись внизу так, что вздрагивали ступени. Трещали крылья, уши глохли от рева. Острые когти царапали стены с таким скрежетом, что у Олега ломило зубы.

Один ухитрился в страшном прыжке перепрыгнуть провал. Олег отпрянул, упал на ступени. Зверь ухватился за край, повис, задние лапы отчаянно пытались зацепиться. Крылья шумно молотили воздух. Правое тут же сломалось о стену, серебристые перья забрызгало кровью.

Олег поспешно отполз, а зверь втащил себя наверх целиком. Их взгляды скрестились. Грифон присел на все четыре мощные лапы, обломок правого крыла упирался в камни. Олег с содроганием бросил тяжелый удар заклятия на ступени впереди себя. Треснуло, словно к весу грифона добавилась тяжесть другого зверя – невидимого. Пролет провалился в красно-желтую пыль.

Снизу донесся глухой удар. Затрещали камни и кости. От слабости перед глазами плыло, мощные заклятия истощили силы. В ушах гремела кровь, сердце то едва не выпрыгивало, то замирало, как заяц под кустом. Из пыльного облака возникла окровавленная птичья голова, крылья свисали надломленные.

Грифон увидел врага, попытался взбираться быстрее, когти скользнули, высекая сноп желтых искр, зверь исчез. Снизу донесся глухой удар.

Олег перевел дух, выждал, но из пыли никто не появлялся. Снизу трещало, доносился рев раненых. Еще не веря себе, поднялся на поверх выше, выдохнул:

– Кончились?.. Кончились?

Из последних сил прошептал заклятие. Глыбы, начиная от ног, как срезало, рухнули, исчезли, снизу донеслись чавкающие удары, треск. Олег повернулся и, уже не оглядываясь, заспешил наверх.

Огромный черный волк из последних сил отбивался от двух грифонов. Его загоняли в угол, волк затравленно хватал окровавленной пастью, отпрыгивал, острые клювы щелкали, били в голову, плечи, спину. Черная шерсть покраснела и слиплась. Он припадал на переднюю лапу.

Среди грифонов, что вламывались через оконный проем, трое несли в роскошных седлах всадников. Впереди как выюн вертелась гибкая женщина с огненно-красными волосами – миниатюрная, тонкорукая, с большими, широко расставленными глазами цвета древесной коры. В ее тонкой руке сверкал узкий, слегка изогнутый, со скошенным острием меч, с клинком в полтора локтя. Вдоль лезвия шел волнистый узор, руку защищала круглая пластина. Рукоять выложена сверкающими драгоценными камнями фиолетового цвета. Зверь под ней припадал на переднюю лапу, в шее и боку зияли кровоточащие раны, но люто огрызался, хватал страшной пастью.

– Держись, Мрак, – прохрипел Олег. – Иду...

Его бросило на стену, в глазах плясали темные мухи. Сердце выламывало ребра, в голове грохотали молоты. Сглотнул горячее, что текло по губам, ощутил соленый вкус.

Волк упал, чудом избежав хищного клюва, сбоку его прижали могучие лапы другого грифона, самого огромного, а всадница с копной огненных волос ощерила мелкие острые зубы и с наслаждением замахнулась мечом.

Раздался грохот, звон, а в помещении, жарком и наполненном запахами крови и пота, повеяло холодом. Задняя дверь рухнула. В помещение влетел, как выпущенный из катапульты валун, Таргитай. Меч в его руке рассыпал длинные багровые искры, блистал так, что глазам больно, стальное лезвие неуловимо меняло цвет от багрового к оранжевому, как кипящее золото, на миг становилось голубым, как лед, и снова окрашивалось зловеще-кровавым. Глаза певца безумно вытаращены, на губах повисла пена. Молча скакнул в самую гущу. Меч неуловимо скользнул из стороны в сторону, в мертвой тишине слышался треск и хруст: Таргитай дрался, сцепив зубы, а враги сразу умолкли.

Волк выполз из-под обезглавленного грифона, сбросил срубленное наискось крыло, пробовал отряхнуться, красные брызги полетели во все стороны. Волк не удержался на трех лапах, упал. Олег ухватил за лобастую голову, потащил вверх, в голове будто лопнул котел с кипящей ухой. От боли Олег присел, ничего не видя и не слыша, ощутил, что его уже поднимают, тащат сильные, надежные руки Мрака.

Среди трупов людей и зверей Таргитай наступал озверело, перед ним осталось трое людей и один хромающий грифон. Двое рослых мужчин своими телами защищали рыжеволосую, она сражалась, быстрая, как змейка, увертывалась. Меч блистал, как короткая злая молния.

Грифон начал подкрадываться к Таргिताю сбоку, Олег вскрикнул:

– Тарх! Зверюка сзади!

Грифон прыгнул, Таргитай изменился в лице. Меч больно вывернул кисть, защищая хозяина. Хрястнуло, в воздухе взвились золотистые шерстинки, а разрубленное туловище обрушилось на Таргिताю. Он упал, двое пытались достать кривыми мечами, звякнул металл. Один отпрыгнул, тряся окровавленной кистью.

Олег закричал, срывая голос:

– Бой кончен! Кто бросит оружие – уцелеет!

Красноволосая хищно блеснула широко расставленными, как у лесного зверя, глазами.

– Кончайте, – повторил Олег сиплым голосом. – Повинную голову меч не сечет!

Один из воинов, презирая чудо, когда волк на его глазах обратился в раненого человека, прыгнул с поднятым мечом. Мрак нагнулся к секире, провел ладонью над рукоятью, но схватил воина за руку, сжимающую меч. Хрустнуло, словно лопнуло яйцо, воин вскрикнул и рухнул на колени.

Второй побелел, совсем молод, поспешно выронил меч. Женщина люто выкрикнула:

– Трус!

Несчастный лишился бы головы, но через комнату метнулось белое. Женщина оказалась на полу под тяжестью волхва. Олег заломил ей руку, с силой выдрал из судорожно сжатых пальцев меч.

Таргитай оперся о стену, уронил руки. Меч коснулся разрубленного воина, зашипело. В зале добавилось запаха горелого мяса. Таргитай тоже, как и Мрак, не спускал удивленных глаз с Олега. Волхв по-прежнему трусит, но уже кидается очертя голову.

– Руки за голову! – велел Мрак двум обезоруженным. – Даже не мыслите о побеге! Тарх, отведи их в чулан, там крепкая цепь.

Посреди комнаты катались, сцепившись, волхв и рыжеволосая. Мрак отшвырнул пинком меч. Женщина отчаянно отбивалась, выкручивалась, молотила волхва кулачками. Мрак кривился, осторожно щупал бок, между пальцами протекла кровь.

Двое покатались, едва не сбили его с ног. Мрак обозленно занес ногу для пинка, целясь рыжей в голову. Олег предостерегающе выставил локоть, заломил ей руки за спину, связал шнуром от полога.

– И пасть заткни, – посоветовал Мрак угрюмо. – У баб такой язык... Сам пришибешь!

Олег дышал тяжело, весь мокрый.

– Нельзя женщине затыкать рот. Она умрет. Спроси Таргитая!

Мрак презрительно плюнул им под ноги.

– Я пойду за Тархом. Когда беда уходит, он сразу становится не просто дурнем, а еще и ленивым дурнем. Или дурным лодырем – вам, волхвам, виднее. А ты, пока не остыл, насильничай! Пусть помнит, у кого красть размечталась.

Удалился, прихрамывая, все так же зажимая рану. Рыжеволосая перевернулась, смотрела ненавидяще. Веревка оттягивала плечи назад, отчего грудь, крупноватая для такой хрупкой фигурки, выпячивалась острыми кончиками. На вид ей лет восемнадцать-двадцать, в мужской одежде, перехваченной широким ремнем, на ногах удобные для верховой езды сапожки без каблуков.

– Не дергайся, – сказал он хрипло, – тебе не будет больно.

– Ага, не будет, – сказала с ненавистью. – Грязное животное!

Олег дышал все медленнее, перед глазами перестали прыгать огненные мухи. Мир очистился, он видел женщину, понимал, потому бросил грубо:

– Я еще не насилую. Не собираюсь.

В ее далеко расставленных глазах мелькнуло удивление. Спросила подозрительно:

– Это почему же?

– Сам рыжий, но рыжих не выношу. И таких тощих. Ты еще и больная наверняка.

– Животное, – повторила уже не столь уверенно. – Хочешь, чтобы я поверила, а потом набросишься, как грязный зверь...

– Размечталась, – ответил Олег грубо, как ответил бы доблестный Мрак.

На него упали теплые капли. Олег поспешно встал, рядом в затихающих судорогах дергался грифон, из обезглавленной шеи брызгала кровь. По всему залу лежали убитые, кто-то из

раненых пытался ползти. Грифоны слабо трепыхали крыльями, окровавленные перья усеяли зал.

Прибежали двое слуг, быстро и радостно прирезали раненых. Олег протянул женщине руку, она отшатнулась.

– Откуда, – сказал зло, – втемяшила себе в дурную башку, что я мечтаю тебя поиметь? У тебя вся задница с мой кулак. Поднимайся, отведу вниз. Вернется хозяин, пусть разбирается.

Она поднялась сама, лицо надменное, но в глазах таился страх.

– Когда вернется?

– Как тебя зовут? – ответил он вопросом на вопрос.

Она помедлила, ответила неохотно:

– Лиска.

– Лиска? – удивился Олег. – Ну и шутники твои родители. Правда, рыжая, но ты ж злобная, как волчица!.. Или такая лиска вместо кур оленей задирает?

Ее рука вздрагивала, а когда сжимал сильнее, не давая упасть, втягивала голову в плечи. Олег держал кисти пленницы в ладони, дивился тонким косточкам пальцев. Вышивать бы такими, а не мечом размахивать, людей жизни лишать...

На пороге чулана извернулась и вцепилась зубами в его руку. Образ рукодельницы разом померк. Массивная дверь распахнулась, он впихнул Лиску, не слишком грубо, но уже как пленного воина, а не хрупкую женщину.

– Жди. Хозяин разберется.

Она едва не упала, хотя ступеньки не было, с разбега налетела на стену. Олегу крикнула вдогонку:

– Когда он явится?

– Обещал через пару дней.

Закрывал дверь, когда из подвала донесся ее язвительный голос:

– А есть не принесешь, потому что не сумел?

Олег озадаченно остановился:

– Не подумал... Надо было сразу прибить. Это я дурак, а не Тарх. Мрак тоже умнее, чем прикидывается. Живых у него не осталось.

Она надменно смотрела рослому варвару в лицо. Носик ее вздернут, а на щеках пламени веснушки.

– Можешь не кормить! Но... остальное мне не запретишь?

– Сколько угодно, – бросил сердито. – Хоть с утра до вечера. И весь следующий день!

– Где?.. Ты придешь за мной, раб?

Олег ощутил сильнейшее желание войти в чулан и дать ей по наглой роже.

– Где?.. Там, где будешь спать. Это для тебя самое подходящее место.

Ее желтые глаза прожигали в нем дыры, куда пролез бы кулак Мрака.

– Но руки мне развяжешь?

– Еще чего! Мало, что кусала, мечтаешь еще и поцарапать?

– Но как я...

Он не дослушал, захлопнул дверь, навесил на засов пудовый замок, ключ спрятал в карман. По дороге обратно сообразил запоздало, что со связанными за спиной руками вряд ли сумеет спустить портки, мужчина и то бы не смог, но чувствовал себя таким разбитым, что потащился дальше. Раз не пустила под себя лужу сразу, когда придавил к полу, то потерпит, пока вернется. Упырь знает, что проще: развязать руки или всякий раз спускать ей штаны, а затем надевать!

Не поймет, подумал кисло. Завизжит: грязный зверь пришел насильничать. Мрак прав. Такое надо решать в азарте боя. Тогда все можно, прощается и забывается. А сейчас даже Мрак не одобрит, если девке перерезать горло.

ГЛАВА 5

Остаток дня вышвыривали трупы. Мрак выломал решетки, но даже в окна проталкивать тяжелые туши непросто. Измазались кровью, грязью, вывозились в пуху и перьях, к тому же налипла шерсть: крылатые твари линяли, что ли, но все трое, вспотевшие и грязные, остервенело расчесывали себя до крови.

Предусмотрительный Олег беспокоился, что трупы завалят входные ворота. Мрак был хладнокровен: из них на прогулку в раскаленные Пески никто не жаждет, это не родной Лес, а Гольш сумеет войти в свою хату. Обещали держать внутри порядок, вот и держат. А вокруг башни пусть мертвяки хоть песок просевают.

– Да и жарко, – согласился Олег. Он стряхивал с лица крупные капли пота. – Протухнут, вони будет больше, чем от магических светильников.

– А снизу не запахнут? – поинтересовался Таргитай простодушно.

– Там муравьи за ночь сожрут.

– Ага, тех только подмани. А потом к нам залезут!

– Ну, если...

Таргитай схватился за горло. Глаза полезли на лоб, лицо разом посинело. Мрак в двух шагах повалился, как подрубленное дерево. Дыхание Олега было на выдохе, не повезло – он лишь мгновение видел лица друзей, чтобы запереть дыхание. Таргитая успел подхватить, тот даже не грохнулся, Мрака с трудом поднял – быстро поправился оборотень на харчах Гольша, весит как стадо быков!

Он потащил их к выходу, грудь разрывало от толчков изнутри, горячая кровь бросилась в голову. Пинком отворил дверь, быстро потащил через просторный зал. Грудь распирало, гонял ядовитый воздух туда и обратно, почти не помнил, как добрался до дальней двери, с силой ударил ногой.

Грюкнуло, в щель пахнуло сухим зноем. Олег с шумом выдохнул гадостное, тут же грудь поднялась так высоко, что ребра затрещали. Сделал несколько жадных вдохов, лишь тогда ударил в дверь всем телом, выволок Таргитая и Мрака на площадку.

Отсюда Гольш каждую ночь смотрел на звезды. Повсюду, куда достигал взгляд, желтое море песка – застывшие волны, их зовут дюнами, целые холмы, с одной стороны покрытые рябью.

Мрак застонал, перевернулся на живот. Его вывернуло, закашлялся. Таргитай очнулся, отполз на дрожащих руках.

– Магический яд? – раздался сзади слабый голос, в котором Олег с трудом признал Мрака.

– Да, кто-то распылил в воздухе. Закрыл двери и распылил.

– Слуги погибли? – спросил Таргитай между приступами рвоты.

Мрак сказал с досадой:

– Кто о чем, а шелудивый о бане. Сам будешь готовить, Гольш скоро вернется. Олег, кто-то уцелел?

– Присмотри за Тархом, добро? А я сбегаю. Мне кажется, я догадываюсь, где враг сейчас.

Мрак разогнулся, держась за живот. Лицо оборотня было землистым.

– Ты? Сбегаешь?

– Это надо сделать очень быстро! – ответил Олег, оправдываясь.

Мрак крикнул вдогонку:

– Может быть,ждемся Гольша?

– От башни останутся только камешки!

Побежал вниз, все еще чувствуя на себе удивленный взгляд Мрака. Да, отказывался от драки, если можно было. Но сейчас только он на ногах. К тому же затаился не маг, а мелочь попроще. С мелочью же он на равных, он сам пока что мелочь.

В коридоре едва успел скакнуть, иначе растянулся бы среди слуг – магический яд все же свалил, из какого бы дерева Гольш ни выстругал. На лестнице с разбега перепрыгнул через служанку, та прислонилась к стене, поднос с виноградными кистями сполз с колен, яблоки раскатились.

На нижней ступеньке Олег с разбега наступил на виноградную гроздь, поскользнулся, ноги взлетели выше головы. Из глаз искры вылетели, да еще проехался, стукаясь затылком и задницей о каждую ступеньку. Чертов маг, не мог построить из камня помягче.

Дверь в келью Гольша приоткрыта. Чувствуя недоброе, Олег влетел с разбега. В пустой комнате стол перевернут, пергамент лежал поверх медных и бронзовых пластинок. Под ногами хрустнули глиняные черепки.

Двумя ударами ноги Олег расколол то, что непосвященному казалось каменной стеной. Тонкие доски треснули, сунул в щель руку, вогнал занозу под ноготь, но пальцы уже сжались на резном посохе – магическом жезле Гольша.

– Только бы не мордой в грязь... – пробормотал. Его била дрожь.

Выбегая, выкрикнул заклятие всем запорам на дверях и окнах, наложил свое, как учил Гольш. Магический жезл потеплел, покалывал кончики пальцев, словно их игриво покусывал щенок.

Пробежал мимо кладовых, склада. Возле двери кухни набалдашник жезла налился кроваво-красным, а древко потяжелело. Олег отступил к противоположной стене. Сквозь толщу дубовой двери смутно видел массивную фигуру. Рослый человек с волчьей головой быстро покрывался шерстью, его пригибало к земле, на спине рос гребень.

Ощутив Олега, чудовище прыгнуло к окну, начало выдирать прутья. Заблистали синие искры и угасли: чары Гольша рассыпались. Остались заклятия его, Олега: тонкие, как паутина, но все же задержали на тот миг, пока Олег торопливо перебрал в уме заклятия, нашел и выкрикнул Слово Смерти.

Зверь выгнулся, сводя лопатки, будто ударили ножом в спину. Скрежетнули костяные щитки на спине, зверь резко повернулся. Сквозь толщу двери Олег видел красные глаза, ослепленную пасть. Олега отбросило к стене мощным ударом в грудь.

– Это я знаю, – прохрипел Олег. – А вот умеешь ли...

Жезл разогрелся, жег пальцы. Олег заставил себя подумать, что этот зверь-человек мог убить Мрака и Таргитая. Тогда он, Олег, остался бы один на всем белом свете, а одному и от воробьев не отбиться, от жабы не убежать. Отважный Мрак и добрый Таргитай лежали бы мертвыми, а это чудовище пожирало бы их трупы...

За дверью страшно вскрикнуло. Дубовые доски с грохотом разлетелись. Осколки щепы поцарапали щеку. В трех шагах по ту сторону порога появился мохнатый получеловек. Олег прервал его превращение на полдороге: на противнике шерсть, крупная чешуя и даже тонкие костяные пластинки, словно у молодой черепахи!

Жезл полыхнул пурпурным. Метнулось оранжевое пламя, вытягивалось в острие, ударило в чужака. Олег ощутил тянущую пустоту в груди, со страхом понял, что магическое пламя вырвалось из него! Сердце колотилось суматошно, жар ударил в голову, соленый пот сразу защищал глаза.

Зверь ревел, пытался укрыться за магическим щитом. Олег спешно метнул пламя еще: не дать завершить превращение, сейчас враг отбивается с трудом...

Зверь качнулся, пошел на Олега. Длинные лапы начали подниматься, горящие глаза смотрели с нечеловеческой злобой.

– Бессмертный, что ли? – проговорил Олег дрожащим голосом. – Или неуязвимый?

Жезл дергался, пытался выскользнуть из крепко стиснутых пальцев. Жгучее пламя вырывалось из груди узким языком, похожим на острие огненного меча. Зверь шатнулся, сохраняя равновесие. Шерсть задымилась, на груди появилось красное пятно. Запахло горелым мясом. Багровая рана, где поместился бы кулак Мрака, была такой жуткой, что Олега едва не стошнило. Зверь закричал дико и страшно, неуклюже прыгнул.

Волхв увернулся, чудовищная лапа пронеслась над головой, в затылке больно дернуло. В когтистом кулаке метнулся клочок его огненно-красных волос. Чудовище начало поворачиваться, в его движениях чувствовалась страшная, нечеловеческая мощь.

– Черт бы тебя побрал! – вскрикнул Олег в отчаянии.

В панике вскинул жезл, с силой ударил. Сухо треснуло, чудовище качнулось, начало медленно оседать. Олег отступил, всхлипнул от изнеможения и пережитого страха. Череп чудовища треснул посередине, словно по сырой глине ударили молотом. Из глубокой вмятины текла кровь, выползали, пузырясь, густые белесые струйки, похожие на сок молочая.

– Мрак опять прав, – прошептал Олег. – Волхв из меня – как из его... гм... кувалда. Добрый удар решает все...

Оборотень задержал лапами. Острые когти выползли и снова спрятались. Из пасти вывалился язык. Красные глаза остались вытаращенными. Олег хотел закрыть их, как покойнику, но допревращался тот до той грани, когда зверь уже считается человеком? Иначе оскорбит богов. Хотя если подумать, то звери и люди – все дети богов. Те, надо думать, не шибко различают их. Ежели глядеть сверху, то все одинаково бегают, метушатся, ищут пропитание, плодятся, дерутся, мрут...

– Гольш прав, – сказал со стыдом. – За человечество дрался слабо, а когда ухватили за волосы, тогда врезал по-настоящему...

Сверху слышались тяжелые шаги. Черт с вами, подумал вяло. Приходите и ешьте. Нет сил пошевелить и пальцем. Магический жезл высосал последние силы. А еще маг говорил, что башня защищена чарами, все здесь чарами пропитано, нужно вовремя говорить нужное Слово, и колдовство будет совершаться даже не магами!

Мрак крикнул встревоженно:

– Олег, ты ранен?

– Убит, – прошептал Олег, – размазан по стенам.

– Ничего, – утешил Мрак, – соскребем.

Участливый тон мгновенно сменился насмешливым, даже грубым. Помог подняться тоже без телячьих нежностей. Олег охнул, остервенело выдрался из медвежьих объятий, затряс рукой.

– Что стряслось? – удивился Мрак.

– Занозу вогнал, – объяснил Олег. – Под самый ноготь!

Мрак оглядел место, озабоченно покачал головой:

– Теперь конец... Давай сам зарублю, чтобы долго не мучился.

Наверх поднялись, поддерживая друг друга. Мрак еще сам не оправился от ожогов, а тут еще били, клевали и топтали. Олег двигался как пьяный, не чуял тела. Язык и нижняя челюсть одеревенели. Жезлом Гольша пользовался как клюкой, хотя Мрак сердито указал, что негоже так обращаться с боевым оружием. Жезл был в липком красном, а набалдашник облеплен жирным белым. Когда Олег понял, обо что вымазал руки, побледнел и выронил жезл вовсе.

– Еще один дурень, – сказал Мрак негодуя. – Мало Тарха! Я не понимаю, зачем резать из хорошего дерева жезлы или сопилки, если можно выстругать хорошее топориче?

Вверху загремело, слышался топот. Мрак и Олег, едва дыша, поднялись в широкий коридор. В оба окна с вывороченными прутьями и в дверной проем запрыгивали, словно появляясь прямо из воздуха, тяжело вооруженные воины. Все как один в доспехах, рослые, лица

жестокие, а по тому, как держали кривые мечи и щиты, даже Олег понял, что ворвались умелые воины.

Таргитай пятился от них, в руках была дудочка. Все еще с вытаращенными глазами, торопливо спрятал ее за пазуху, пошарил, не глядя, по стене. Ладонь наткнулась на кривой меч, тот висел среди булав и палиц, выставил перед собой.

– Кто такие? Не подходи!

Мрак, с секирой в руках, шел на чужаков.

– Тебе надо, откуда они, чтобы родню не забидеть? Бей, не нашего поля скотина!

Олег сжал жезл, собрал в груди и метнул красную молнию. Чахлое пламя с шипением пронеслось через помещение... исчезло, наткнувшись на незримый барьер. На краткий миг было видно, как пламя расплзлось как бы по стенке прозрачного бычьего пузыря, внутри которого находились враги. Воины с холодными лицами набегали на Мрака и Таргитая. Прозрачный пузырь перемещался с ними.

Сцепив зубы, Олег метнул другую искру. Мрак с ревом обрушил секиру, за миг до этого огненное жало разбилось о барьер, как жалкая струйка воды. Мрак ожидал, что и секиру отшвырнет, даже руки напряг... Секира без сопротивления прошла через стенку пузыря, исчезла.

Мрак зло и обескураженно вскрикнул. Таргитай замахнулся и ударил сбоку, лезвие рассекло стенку и... в руках Таргитая осталась рукоять с огрызком меча. Тот светился оранжевым, быстро переходя в вишневый. С конца падали капли бронзы, застывали на мраморе безобразными коричневыми бородавками.

Воины разбежались по сторонам, встали под стенами. Их глаза холодно смотрели на троих в волчьих шкурах, но никто не двигался с места.

На пороге возник – не вошел, а возник – человек среднего роста, тучный, в простой, едва ли не драной одежде. Двигался обычно, но неврам показалось, что вошла сама башня – такую мощь излучал незнакомец. Двигался легко, небрежно, но легкость была легкостью отточенного, как бритва, лезвия ножа. Мрак изумленно присвистнул. Олег и Таргитай не сразу узнали Мардуха, того самого мага, который служил – так все тогда считали – киммерийскому тцарю.

Мардух разительно изменился. Олег с содроганием понял, что маги обладают мощью менять свой облик, как меняют окружающий мир. Обладают – значит, пользуются. Нет на свете таких, чтобы умели, но не пользовались.

– Гости Гольша? – спросил он, глядя на них неотрывно. – Все еще живы?.. Поразительная живучесть. Но эту ошибку я исправлю сам. Беспольный металл оставьте.

Трое не двигались. Бросаться бесполезно, слабых мест не видать. Чистые глаза Таргитая потемнели, смотрел исподлобья, прицельно. Широкая грудь Мрака вздымалась, как море в бурю, сопел, словно лось перед прыжком на соперника.

Мардух произнес медленно, со смертельной угрозой:

– Я приказы не повторяю. Можете остаться при оружии... и умереть сразу.

Жар от раскаленного обломка меча добрался до рукояти, ожег Таргитаю пальцы. Он поспешно выронил обломок, подул на кончики пальцев, сунул в рот. Мрак скривился, словно Таргитай спел худую песню, плюнул Мардуху под ноги, стараясь угодить на расшитый бисером, как у гулящей девки, сапог, отбросил обугленное топорщице. Олег бесцельно пошарил на пустом поясе.

– Разумно, – кивнул Мардух.

Мрак и Таргитай прыгнули одновременно, а Олег выхватил из-за голенища и швырнул короткий меч-акинак. На короткий миг снова блеснула пленка бычьего пузыря, нож ударился прямо перед лицом Мардуха. Почти коснулся... запрыгал по плитам, как выброшенная на берег рыба, с хрустом рассыпался на крупные острые кристаллики. Мрак и Таргитай упали

сверху. Таргитай завопил, наколовшись, Мрак невозмутимо поднялся, отряхнул колени. Мол, не получилось, да и ладно, не очень-то и старались. Случай будет.

Мардух проговорил холодноватым чеканным голосом, словно прокаленным в горне и откованным в два молота:

– Старый дурак вас чему-то учил?.. Меня заинтересовали его жалкие попытки обойти иные законы магии. Вы можете умереть мучительно. Мои слуги почему-то обожают это нелепое развлечение. Или же быстро и без боли. Если заинтересуете меня чуть дольше.

Трое снова смотрели одинаково. Мардух стоял в трех шагах, воины застыли вдоль стен, но мага окружает чертова магия, против которой слабо даже Олегу с его раскалыванием земли и трясением башни.

– Если дурак Голыш вас чему-то учил, то я никогда никого не учу. У меня учеников не бывает. Я сам учусь всю жизнь. Век живи, век учись...

– И дураком помрешь, – закончил Мрак. – А мы спляшем на твоей могиле.

Мардух вскинул брови, рассматривал человека со свежими шрамами на обезображенном лице с живейшим интересом. Мрак покачивался от ран и усталости, но взгляд был острым, прицельным. Все еще ловил миг для нового броска.

– Даже жаль, что таких могучих дикарей придется пустить в распыл.

– Зато зачаровать нас нельзя, – заявил Мрак с угрюмым торжеством.

Мардух засмеялся. Зубы у него крупные, как у коня, желтые и ровные.

– Зачаровать? Откуда вы такие?.. Я никого не зачаровываю. У меня сотни верных слуг. Зачем тратить магические силы, когда есть чары земные: деньги, власть, бабы! Да мало ли что простым людям нужно? Я даю им почти все. Я даю все без обмана. В обмен требую совсем малое – верность. Я ее получаю, потому что могу дать то, что другие не дадут. Мне не жалко раздать земли, замки, богатства, короны царей, каганов, императоров. Мне эти детские забавки не нужны, но если простой люд их ценит – ради всех богов, берите!

Таргитай сказал неожиданно:

– Нам тоже не нужны эти... забавки. Теперь знаем им –цену.

– А что нужно вам, дикарям?

– Ты можешь смотреть глубже, – вмешался Олег. – Посмотри же в нас.

Мардух прищурился. Взгляд стал острее, в темных зрачках вспыхнули красные точки. Мгновение всматривался, даже пригнулся. Его отшатнуло, словно ударили в лоб.

– Дикари! Как можно такое желать? Ни человеку, ни магу... Даже богам такое не по зубам!

Мрак нахмурился, не сердился, когда что-то не понимал в мудрых речах Олега, но то свой. А когда умничает чужак, то дать бы в лоб, чтобы прыщи осыпались, – не издевайся, зараза.

– Зачем ты захватил чужую башню? – спросил Таргитай с негодованием. – Это нехорошо!

– Теперь башня моя, – ответил Мардух. – Как и все, что в ней. Камни, мебель, люди, тараканы... Мебель оставляю, тараканов спялю. Вы как раз между мебелью и тараканами. Решать вам, я могу вас кое в чем использовать.

– В чем?

– Вы не погибли вместе с остальными слугами и... тараканами. Но живучесть тараканов я знаю, а почему уцелели вы? Расчленения для познания тайн природы – не пытки, как думают невежды.

Таргитай ахнул негодуя:

– Ах ты, мразь! Ты не человек!

Мардух уже раскрыл рот для резкого ответа, нахмурился. Над головой с треском вспыхнул воздух, погас, оставив жар и запах гари. Но лишь вскинул брови, взгляделся в Таргитая, развел руками:

– Невероятно! Такого еще не встречал. Абсолютно чистое сердце, без единого пятнышка. Откуда вы, говорите? Из дремучего Леса? Где этот край непуганых дураков? Увидеть хоть бы одним глазом...

Трое стражей, повинуясь неслышиму неврам приказу, отделились от стены. Таргитай пытался оттолкнуть их, руки не слушались. У Мрака вытащили из сапога швыряльный нож, у Таргитая и Олега сняли пояса. Мардух с презрением вырвал из руки волхва жезл, оглядел, разломил о колено, обломки исчезли в развороченном окне.

– Бросьте в отдельные чуланы, – велел Мардух. Похоже, потерял интерес к странным людям, глаза уже стали отсутствующими, добавил: – Чтобы не перестукивались. Их ждет встреча со старым знакомым. Очень знакомым. А я отбываю в Горы.

ГЛАВА 6

Мардуха, похоже, мелочи обыденной жизни в самом деле не интересовали. На кухне насиловали кухарок, старого повара затолкали в котел, с хохотом разожгли огонь. Чужаки разбивали топорами двери, выволакивали вещи.

Массивную ляду сдвинули, снизу пахнуло холодом и сыростью. Двери отливали бронзой, засовы толщиной в руку. Надо расспросить Гольша, если доживут, зачем такие запоры. Разве что за дверями зачем-то ждут своего часа чудища, созданные магией?

Мрака и Таргитая затолкнули поочередно в каморки, Олега отвели в самый конец, там опустились еще ниже, ступеньки уже не из камня – из глины. В самой глубине виднелась дверь из тяжелой старой бронзы. Три засова, три замка в петлях.

Его ударили в спину, сзади тут же грянуло. Олег в полной темноте ударился лицом о стену, замер, ожидая, пока глаза обвыкнутся. Тесно, стены из непрочной глины, под ногами холодная жижка по щиколотку. Света нет, разве что узкая полоска под дверью; в коридоре пылает, не сгорая, смоляной факел.

Ноги дрожали, Олег обессиленно прислонился к стене. Уже не сдерживаясь, опустился в холодную жидкую грязь.

Таргитая заперли первым. Голые стены, сырая глина под ногами да зарешеченное окошко под самым потолком, откуда врывается пляшущий красноватый свет. Мрак сразу бы сказал, сколько лет сосне, из которой факел, на каких песках росла. Олег начал бы ломать голову, как это полыхает, но не сгорает, однако Таргитай не чувствовал себя ни сильным, как Мрак, ни мудрым, как Олег. Знал, что не любит работать, не утруждает голову трудными мыслями. Поест вволю, поспать всласть, тискать девок, дружить со всеми людьми – разве не так жаждет жить простой, и даже очень простой?

Пальцы привычно отыскивали дудочку. Звук в тесной каморке был глухой, печальный. Таргитай едва не сунул ее обратно, но к такой мелодии пришли и слова – грустные, печальные. Начал соединять осторожненько одно с другим, подравнивать, обтесывать края, переставлять, не забывая вплетать в мелодию.

Уже осип, но что еще делать, как не дудеть, послышался слабый голос:

– Играет!.. Да еще про коров и цветочки!

Дудочка выпала из пальцев. Таргитай завопил:

– Олег!.. Олег, как ты до меня докричался?

Он дико оглянулся, голос прозвучал еще слабее:

– Я в своей темнице. Мрак уже разбил голову и кулаки о две стены. К счастью, что двери – что голова и кулаки... Но бьется, а ты – на дуде!

Таргитай счастливо завопил:

– Олег, ты лучший из волхвов! Ты что-нибудь придумаешь!

Голос Олега донесся еще тише, медленно истончаясь:

– Я как раз придумал, но Мрак боится именно того, что я придумал. Ты пока что не бейся головой о стену, она у тебя мягкая. Голова, не стена. Я пока с Мраком...

Голос истончился до комариного писка, пропал. Таргитай в недоумении огляделся, будто Олег должен сидеть рядом. В темном углу шуршало, скреблось. Таргитай всматривался до рези в глазах, но подойти и пощупать стену не решился.

Олег напряженно метался мыслью – только мыслью! – по каменному мешку, искал щелочку. Спина затекла от неподвижности, не двигал даже глазами: отвлекало все, что напоминало о теле.

Неприятно загремел засов. Пронзительно заскрипела тяжелая дверь, появилась яркая щель. Блеснули обнаженные мечи, на пороге встала в сопровождении двух рослых воинов рыжеволосая женщина. Лиска – так она назвалась. Рядом с воинами выглядела игрушечной.

Лиска была в дорогах доспехах, сапожках, начищенном шлеме. Кольчужная сетка ниспадала на плечи, оберегая их от острого меча. Олег хмуро подумал, что это в здешних жарких песках оберегает, здесь все мелкие, а от секиры Мрака ничто не спасет. Даже он, Олег, ежели хрястнет жезлом, перебьет, как молодой стебелек...

Кроме меча на поясе Лиски висел еще и кинжальчик – в украшенной драгоценными камнями перевязи. Крупные желтые глаза блистали торжеством, пухлые губы раздвинулись, зубы ровные и белые, как у молодого зверька. Широко расставленные глаза да еще улыбочка от уха до уха так растягивали ее противное рыло, что казалось почти нечеловеческим. Зато человеческим был крупный кровоподтек под правым глазом – Олег покосился на свой кулак, в душе сладостно запели небесные девы.

– Пришла насильничать? – прохрипел Олег, не дал раскрыть рот, заговорил нагло, ехидно: – Давай, изгаляйся... Мне самому портки снять аль ты желаешь поиметь и от этого удовольствие?

Рослые стражи переглянулись. На глупых рожах появилось подобие ухмылки. Лиска вспыхнула, щеки зацвели как алые маки.

– Грязное животное!.. Я пришла показать тебе настоящее положение. Я здесь, а ты – там. Я повелительница, а ты – раб!

– Как не понять? – ответил Олег тупым тягучим голосом. Глупо раскрыл рот, подражая Таргитаю, закивал так, что ударился подбородком в грудь. – Иметь будешь сейчас? Аль потешись споначалу: яствами заморскими да напитками хмельными себя усладишь, да и меня заодно, чтобы, значитца, силы были?

Улыбки на рожах стражей стали шире. Уши выдвинулись из-под шлемов, глаза косились на Лиску. Воительница топнула ножкой, каблучок ушел в глину, дернула ногой, едва не упала, выволокла на подошве пуд желтой грязи.

– Я потешусь, – пообещала таким тихим голосом, что Олегу послышалось шуршание в углу. – Еще как потешусь!.. У нас кожу любят сдирать медленно, без спешки!

– Это хоть сейчас, – обрадовался Олег. Смотрел в ее крупные глаза, уже белые от бесильного бешенства. – Даже знаю, с какого места начнешь.

Воин справа от Лиски не выдержал, заржал как конь. Второй побагровел, раздулся как петух. Лиска метнула испепеляющий взор – хорошо, не магия, – повернулась к воинам:

– Приготовить для пытки!

Голос сорвался на поросячий визг. Пронеслась мимо стражей, как разъяренная кошка. Один подмигнул, мол, не спасешься, зато умрешь по-мужски. Олег прислушался, как звенят засовы, щелкают замки. Самолюбие заставит ее придумать самое злобное, изощренное, чтобы отплатить за удар по роже – синяк замазать не сумела, – за постыдный плен, за наглые шуточки.

Ощутил, что думает о близкой смерти и даже пытках без привычного страха. Не мог видеть крови на поцарапанном пальце, бледнел, если при нем разделявали оленя, но сейчас всего лишь тревожно. Или отупел настолько, что потерял ощущение опасности?

Снова загремел засов, грюкнуло. Дверь не успела открыться – отшвырнули. Через порог как буря перемахнул рослый воин – лик его был ужасен. Обгорелое лицо, выпирающая белая кость на месте левой скулы. Сизые и белые шрамы избородили лицо. Вместо левой брови выжженная незаживающая рана. Черные глаза полыхали лиловыми искрами.

В коридоре появились стражи – потные, взмыленные, с раскрытыми ртами. Воин вперил страшный взгляд в Олега, шумно выдохнул, словно гора упала с плеч:

– Наконец-то...

Олег ахнул. Перед ним стоял ненавистный Фагимасад, сын киммерийского кагана, полководец и воин.

– Ты?.. Уцелел?

– Лесные твари! Наконец-то я догнал вас!

Олег почувствовал, что дрожит, ладони вспотели. Вспомнил Мрака, его насмешливую манеру разговоров, заставил себя глубоко вздохнуть и сказал обыденным голосом:

– Мы просто заманивали. А теперь ты сдуру сам влез в ловушку. А мы – р-р-р-раз! – и хватанем.

Вожак побледнел, дернулся. Олегу показалось, что свирепый воин едва удержался, чтобы не отступить на шаг. Воины за его спиной обнажили оружие.

– На этот раз вам не уйти, лесные твари, – сказал сдавленным от ярости голосом. – Вы умрете сейчас!

Олег невольно улыбнулся, мучивший его вопрос разрешился сам собой. У него не было ощущения гибели от руки Лиски, потому что ее опередит этот шрамолицый. Значит, все в порядке, не потерял способности предугадывать!

Опять не успел додумать, не дают, осталось чувство, что какую-то мелочь все же упустил. Но Фагимасад опять побледнел, все-таки попятился, не так понял его ликующую усмешку. Воины уstraшились, схоронились за щитами, глаза выставили, как раки. Мечи в руках дрожат так, что звякают.

Тцаревич крепче сжал рукоять меча.

– Ты умрешь, раб!

– Сам ты раб, – ответил Олег непривычно мирно. Подумал, добавил: – И степная тварь. Противная. У тебя больше нет тцарства, Фагимасад. Ты – тварь на побегушках.

Изуродованное лицо дергалось. В уголке рта выступила пена.

– Узнай же напоследок, что за это время я кое-что узнал и о магии!

Неведомая сила подняла Олега на ноги. Стегнула боль, охнул. Невидимые руки не давали упасть, изуродованный враг стоял с мечом наготове. Тысячи острых жал впились в тело. Олег раскрыл рот для крика, но губы не слушались.

– Ну как, лесная тварь? – спросил противник почти ласково. – Сейчас ты умрешь, но будешь чувствовать свою смерть...

Боль стала такой острой, что перед глазами заплескали огненные мухи. Незримые руки сжимали даже челюсти, иначе постыдно выль бы и стонал. Жизненная мощь быстро таяла. Огненные искры погасли, пошел черный снег.

Сквозь грохот крови в ушах Олег слышал настойчивый голос, все более удаляющийся:

– Ты уже мрешь, тварь... Уже издыхаешь... Ящер тянет к тебе лапы...

Ему показалось, что доносятся другие голоса. Шум в ушах стал тише, просветлело. Олег обнаружил, что лежит на полу, у самого лица беспокойно постукивает каблучком сафьяновый сапожок. Раздраженные голоса раздавались сверху. Олег заставил себя слышать, хотя шелухнуться не мог, боль гнездилась в каждой клетке тела.

– Это мой пленник... Я должна его пытать... Оскорбил грязно... Нет, сперва я...

Олег повернул голову, вскрикнул от острейшей боли. Бывший тцаревич и Лиска, встав друг перед другом, злые, красные, готовы вцепиться друг в друга. За их спинами нерешительно переступали с ноги на ногу воины, по трое за каждым. Двоих Олег узнал, приходили с Лиской. В глазах уловил сочувствие, значит, ему в самом деле досталось на всю длину меча.

– Варваров захватил я, – раздраженно заявил изуродованный тцаревич. – Я, и никто другой! И, напоминая, я вытащил тебя из каменного мешка, куда бросил тебя этот...

– Агимас, ты дурак! Захват башни поручили мне. К тому же за мной должок, я верну все, да еще и добавлю!

Он опустил руку на рукоять меча.

– Нет. За мной должок поболе. Видишь мое лицо? Когда-то я был сыном киммерийского владыки. Наше тцарство простиралось на весь мир... почти. Наша мощь не знала пределов. Я водил армии, где воинов больше, чем песка в этих пустынях, чем капель во всех морях. Меня обожали самые красивые женщины мира, я готовился принять от отца трон. Понимаешь? Но в мою степную страну ворвались трое диких людей из Леса. Они не только разнесли дворец, убили отца и знатнейших мужей, но и разрушили тцарство! Как смутный сон вспоминаю свою одежду тцаревича, толпы нарядных людей, смех, веселье... Во дворце во время той резни, которую устроили эти трое, уцелел я один. Теперь знаю, почему боги спасли! Знаю и то, почему позволили... поцарапать меня, мое лицо. Жажда мщенья не дала мне забыть свое имя, хотя теперь его произносят иначе! Жажда отомстить помогла овладеть началами магии. Я должен отомстить! Только месть отличает зверя от человека!

Она долго смотрела в его обезображенное лицо.

– Да, Агимас, ты имеешь на них больше прав. Я тоже жажду мщенья, но твой долг древнее и больше.

Фагимасад, бывший тцаревич, а ныне наемный воин Агимас, кивнул своим людям. Мрачное лицо киммерийского тцаревича дергалось, обнажая выбитые зубы. Лиска поспешно подняла ладонь:

– погоди. Их трое. Ты бери двоих, а с этим разделаюсь я сама.

Олег потряс головой, стараясь приглушить боль и очистить глаза. Огненные мухи погасли. Двое хищников над его еще теплым трупом рычат, вот-вот вцепятся друг другу в глотки. Помочь бы! Он бы даже зубы наточил обоим.

– Нет! – отрезал Агимас. – Все трое мои! Я живу для мести! У меня не осталось ни отца, ни тцарства, ни моего народа. Я могу умереть счастливым, когда убью последнего из этих троих.

Лиска перевела удивленный взор на распростертого Олега. Лесной волхв пытался подняться на расползающихся конечностях, падал вниз лицом. Портки мокрые, от них дурно пахло.

– И этот... дрался тоже?

– Если бы не этот, все трое не ускользнули бы, – ответил Агимас угрюмо. Прожег Олега обрекающим взглядом. – До самой последней схватки прикидывался святошей, он-де служитель мирного культа!

Лиска поправила красные, почти обжигающие огнем волосы, кивнула своим воинам. Все трое обнажили мечи.

– Вот мое последнее слово, – заявила она. – Ты получишь всех троих позже. Этот лесной человек оскорбил меня. Я возьму его на сутки, отплачу, затем верну. Клянусь, ты получишь его еще живым.

Агимас покачал головой:

– Живым – мало. Мне надо, чтобы он еще и чувствовал, что именно я сдираю с него кожу!

– Я верну целым, – сказала Лиска. – Почти целым.

Агимас поколебался, оглянулся. Воины отводили взгляды. Всего лишь наемник без роду без племени! Если дойдет дело до стычки, все шестеро выполнят волю женщины с рыжими волосами.

Агимас скрипнул зубами. Губы посинели, сказал сдавленно с запоздалым сожалением:

– Их надо убивать сразу. Почему я растягивал сладкий миг?

Сильные руки подхватили Олега. Его тащили вверх, поворачивали, снова тащили. Стражи взмокли, дышали тяжело. Олег почти пришел в себя, боль затихла. К мышцам вернулась прежняя мощь, но висел в руках стражей вялый, как мокрая шкура.

– Здоровый, как бугай, – сказал один наконец с сердцем. – Говорят, он у них служитель культа?

– Ты ж слышал, – возразил второй, тяжело дыша, – прикидывался. С такой разбойничьей рожей да мышцами как у медведя – служитель?

«Это у меня-то мышцы как у медведя?» – подумал Олег с удивлением. Правда, Мрак гонял их жестоко, отрастишь хоть крылья, хоть хвост или клыки. Да и помельче народ в Степи или этих Песках, помельче. Видать, на холоде люди и звери растут лучше.

Его уронили, сверху обрушилась холодная вода. Олег тряхнул головой, огляделся. Лежал в луже перед дверью, за которой еще не бывал. Воин отшвырнул ведро.

– Повелительница, а не пришиб его наемник Агимас?

Олег медленно поднялся, посмотрел в глаза женщине с волосами, как красные осенние листья.

– Не пришиб, – ответил сипло, словно на морозе выпил холодной воды.

Она кивнула воинам. Голос был ледяным, как вода, которой окатили.

– Отведите раба. Там мое ложе, прикуйте его к ножке. Но сперва наденьте ошейник!

Олег кивнул понимающе:

– Решила все-таки жмакать до смерти. Стыда у тебя нету. Лучше отдай Агимасу, пусть живьем кожу сдирает.

Угрюмый ржанул, поспешно отступил за спину друга. Другой выпучил глаза, как исполинская сова, сдерживая смех, раздулся. Женщина метнула огненный взгляд:

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним!

– Я бы рад последним, – пробормотал Олег, – да разве удержишься?

Его втащили в комнату, большую и с камином, где полыхали обломки саксаула. Олег сразу заметил ложе на резных ножках, гору мягких шкур, расшитые подушечки – большие и малые. Перед ложем на низком столике лежали виноградные гроздья, диковинные фрукты, блестел золотыми боками кувшин.

Стражи приковали пленника не к ложу, а к стене, оттуда торчало толстое кольцо. Олега пригнули, на шею надели две толстые пластины из бронзы. Ощутил жар, тяжелые удары едва не вывернули шею. Кожу прижгло, над ухом довольный голос произнес:

– Готово. Мы не сделали больно, воин. А дальше... гм... как знаешь.

Наковальню вытащили, Олег обнаружил себя прикованным к стене, но массивная цепь позволяла отходить на три шага. До ложа не дотягивался всего на шаг. Как и до столика с фруктами.

Шаги затихли, он остался один. Без сил опустился, от прогретого камня шло живое тепло. Олег дышал глубоко, ровно, прочищал мысли. В битве с грифонами пользовался магией, но Лиска и Агимас пока что не догадываются, что сегодня может больше, чем вчера. Правда, может только против тех, кто магией не владеет. Перед Агимасом нельзя себя выказывать, тот сильнее, сомнет. Ненависть и жажда мести способны, оказывается, сделать из человека мага быстрее, чем желание очистить мир от Зла. Голыш верно говорил, что личные мотивы всегда мощнее, чем общелюдские.

Застучали сапожки, женщина спешила насладиться мщением. То, что не надругался над ней, ничего не меняет: таракану ясно, сделал хуже – надругался вволю над ее честью.

С открытыми до плеч руками, тонкая и гибкая, как лоза, быстро прошла к ложу, косясь желтым хищным глазом на пленника, села. Спина ее надменно выпрямилась, огненно-красные волосы стояли дыбом, обрамляя веснушчатое лицо со вздернутым носиком. Пухлые губы плотно сжаты.

Олег громко и с завыванием зевнул, шумно поскреб грудь. Присмотрелся к ногтям, присвистнул удивленно, звучно щелкнул. Для этого пришлось лишь зацепить краями ногтей, но звук получился такой, словно раздавил вошь размером с майского жука.

Женщина возлегла было, но тут же подскочила как ужаленная. Глаза метали молнии, щечки побледнели.

– Раб!.. Ты должен молить о быстрой смерти, а не...

– Молю, – сказал Олег вяло. – Хоть убей, хоть насади на кол, хоть кожу с живого, только не тащи в постель. Я служитель культа, мне нельзя.

Румянец вернулся на ее щеки, в глазах загорелось подозрение. Сказала ядовито:

– Размечтался!

– А что? Я давал обет...

– Так я тебе и поверила. Наверняка всех девок обесчестил в киммерийском – так его назвал Агимас? – царстве.

Олег возвел глаза к своду, пошевелил губами, подвигал кожей на лбу, наконец ответил с неуверенностью в голосе:

– Не. Не усех.

Дверь отворилась, угрюмый страж явился с подносом. Олег понял ноздрями: в середке ножками кверху жареные птички, на краю ломоть мяса. Воин молча оставил поднос на столике, удалился. Щелкнул засов.

Олег понимающе наклонил голову:

– Все-таки накормишь, а насильничаешь потом?

Она выпрыгнула, как дикий зверек, в кулаке блеснул кинжальчик. Люто прошипела:

– Еще одно такое слово – вырву язык!

Ее глаза сузились, как щелки, рука дрожала, а костяшки пальцев побелели. В молчании вернулась, возлегла, судорожно схватила самое румяное яблоко. Олег наблюдал, как грызла, сок брызгал, она не замечала. Раздраженно швырнула в него огрызком, цапнула другое, отшвырнула. В руке появился хлыст, снова спрыгнула с ложа.

– Встань на колени, раб.

Олег не двигался, молчал, смотрел в ее желтые глаза. Губы ее задергались, коротко взмахнула плетью. Олег зажмурился, охраняя глаза. Спину ожгло как огнем, сцепил зубы. Как это маги могут не чувствовать боли, ежели возжелают?

Открыл глаза. Женщина стояла над ним, закусив губу. Глаза ее были жестокие, дикие. Олег отвел глаза, ощутил страх. Зверь, встречал таких в Лесу, среди Степей, даже в Горах.

– На колени, раб!

Новый удар опалил жестче, а следующий пришелся на рану. Олег дернулся, наклонил голову. Плеть рассекла кожу, кровь капала на пол. Воздух свистел, тело обжигало болью.

Что-то ударило ему под колени. Рухнул, как подрубленный дуб. Удары прекратились. Поднял глаза, сбросил капли крови, что затекали из рассеченной брови.

Женщина стояла над ним – яростная, злая, белая как мел. Рука с плетью дрожала, желтые глаза распахнулись во всю ширь. Он медленно поднялся.

– На колени, раб!

Голос ее хриплый, странно изменившийся. Олег вслушался, перевернулся на бок, скривился. Ее сапожки были на уровне его лица. Медленно поднялся на колени, на мгновение задержался, переводя дух, услышал ее вздох облегчения, так же медленно встал во весь рост.

Она отступила на шаг. Олег возвышался на голову. Ее украшенный бляшками пояс мог бы надеть на бицепсы. Она невольно отступила, не в страхе – это написано на ее лице, – а чтобы посмотреть ему в глаза. Все равно приходилось задирать голову и едва не подпрыгивать.

– Так-то лучше, раб!

Ощутил неуверенность в ее голосе, смолчал. Женщина надменно возлегла, хлыст переложила в левую руку. Острые зубки снова вонзились в яблоко. Часто отводила взгляд, словно брезговала видеть обезображенное ударом хлыста лицо, но тут же снова поднимала глаза, не в силах оторваться от странных зеленых глаз, явно колдовских, потому что нет на свете людей с зеленоватыми глазами, она это твердо знала.

– Ответствуй мне, раб. Откуда и зачем вы явились?

Олег молчал, со злым сочувствием рассматривал ее, такую маленькую, худую. В детстве, видать, кормили плохо. Может быть, даже болит у нее что-нибудь. У баб всегда болит то одно, то другое. А раз в месяц особенно злые. Видать, попал как раз в такой день.

– Ну?

Голос ее был угрожающим. Олег вздохнул так, что едва не сдвинул ее ложе, сказал вялым, сиплым голосом:

– В Лесу родился, пням молился... Потом вышел в Степь, это такое голое место, что впрямь стыдно – одна трава, побывал в Горах, теперь примчался в Пески. А спешил для того, чтобы ты изломала о меня хлыст и поимела до жуткой насильственной смерти.

Она отшвырнула яблоко. Глаза снова стали дикими, как у разъяренного зверя.

– Тебе мало? Я испортила тебе кожу, но кроме плети у меня есть и меч.

– Где? – спросил Олег тупо.

Она похлопала себя по крутому бедру. Лежать с мечом явно неловко, но Лиска лежала, даже возлежала, хотя возлежать при оружии еще неудобнее.

– Видел? Ты раб, которому я могу отрезать уши, вырвать язык, выколоть глаза.

– Во злобная, – ответил Олег равнодушно. – Как у тебя с почками, не побаливают? Я волхв, знаю, почему собаки к весне бесятся. Скотину даже лечить могу. Диких лечил! Тоже твари, иные даже очень твари. Я их люблю, они счастливее нас, людей.

Лиска насторожилась, вскинула брови:

– Что ты мелешь?

– Звери в самом деле счастливее. Живут счастливо, просто живут, о завтрашнем дне не думают. Ты вон знаешь, что завтра тебя будет мучить совесть, хорошо бы заела насмерть, а звери разве мучаются? Возьми лису, которая хитрейшая из зверей, или ту же змею, что навроде мудрейшая из тварей! Разве заглядывают в день завтрашний? Или хотя бы на час вперед? Жизнь их стала бы черной как сажа. Лиса взвыла бы от тоски и утопла, а змея повесилась бы, хотя, как змее повеситься, не могу себе представить... А ты? Тебе должно быть виднее.

Она странно смотрела на него. Рот приоткрылся, почти не дышала. Наконец опомнилась:

– Ты в самом деле... волхв. Ни от кого еще не слыхивала таких умных... и непонятных речей. Ты зришь в самую суть.

Олег, сам сбитый с толку, на всякий случай кивнул:

– А чо? Работа такая. Кто что умеет. Ты – кожу портить да ранить, а я и лечить. Ежели что надо, только скажи. Я добрый, правда. Полечу. На людей кидаться перестанешь. И от людей тебе соответственно появится хоть какое-то, но все-таки уваженье. Глядишь, и замуж возьмут. Не прынцы, правда, но и калеки тоже люди, верно?

Она подпрыгнула, разметав шкуры, снова стала прежней – злой, взъерошенной, со сверкающими глазами.

– Раб! Чтобы только поцеловать мне сапог, бились насмерть знатные мужи!

Рухнула на ложе, грудь ее часто вздымалась. Олег сказал успокаивающе:

– Это ничо... Бывает. Один козу целовал, Таргитай кота за домового принял, сутки заикался. Зато не пел, правда. А тут по этой чертовой жаре... В здравом уме кто станет на чело- века кидаться с плетью?

Она отшвырнула плетень, но взамен вытащила меч. Красные блики из пылающего камина пробежали по лезвию. Ее улыбка была такой же острой и холодной.

– Поможет ли твоя отвага, если с перебитыми костями тебя бросят голодным псам?

Олег вздрогнул. В чем его не обвиняли, но в отваге даже не заподозрили. Чудно, что все еще не упал, оцепенев от ужаса. Отупел от удара дубиной?

– Только не насильничай, – повторил. Плечи зябко передернулись. – Стыдно признаться, но я в самом деле еще голой женщины не видывал. То учеба, то скитания, то интересное что-

то, а в жизни ведь все интереснее, чем эти бабы, верно? Вот ты не баба, меня поймешь. Ты зверюка лютая, воин бесстрашный! В тебе нет ничего женского, вон какая отважная и злая!

Она скрипнула зубами, хлопнула в ладони. В дверь просунулась голова угрюмого стража. Лиска повелительным жестом отправила обратно, повернулась к пленнику:

– Я вижу, чего ты добиваешься! Грязное животное! Даже в смертный час... нет, в последние смертные минуты думаешь о грязных утехах!

– Какие ж это утехи? – возразил Олег. – Как погляжу, как другие цветы им рвут, ни за что заморских птах бьют, все за-ради перьев, дурные песни для них слагают... Я уж лучше бы с козой. Громобой после женитьбы даже пел: кабы знал, кабы знал – на козе б женился! Утром встал, пое... гм... поцеловал, молока б напился! Но в нашем селе коз нету. А в вашем?

– В нашем тоже нет, – процедила она. – Наши мужчины коз только доят! Доят и ничего больше!

ГЛАВА 7

Олег лежал на полу в каморке. Сырая глина приятно холодила разгоряченное тело. Дышал медленно, почти вогнал себя в сон. Перед внутренним взором проплывали верхние поверхи, комнаты слуг, кухня, затем пошли тайные залы, куда Гольш не разрешал заходить лесным людям.

Медленно проступила, дрожа и расплываясь, комната Гольша. Дверь на площадку распахнута, оттуда сияло синее небо. Агимас переворачивал столы, расшвыривал свертки с книгами, лишь пучки трав мял, нюхал, некоторые даже лизал, но почти все вышвыривал через зияющий дверной проем, а ветер услужливо уносил.

Не шевеля губами, Олег сказал отчетливо:

– Мрак, у них двадцать два воина, три помощника Агимаса и сам Агимас наверху, а тех носит по башне. Я высмотрел, куда отнесли твою секиру и золотой Меч. Мою дверь охраняют двое, как и твою. На ступеньке из подвала сидят еще двое. Им видно всех шестерых...

Голос Мрака донесся злой, насмешливый:

– Шестерых? Тарха сторожат тоже двое?

– Да ладно тебе, Мрак. Зато отвлекают силы.

В ушах прозвучало примирительное:

– Ладно. Эта овца, ежели озверее, львов лупит как зайцев. Кагана все-таки он – как бог черепаху!

– Мрак, – сказал Олег тихо. Он не отрывал лица от пола и не шевелил губами, на случай если Агимас наблюдает. – Вырваться непросто, но я могу взломать дверь...

Голова Олега едва не лопнула от яростного вопля –обо–ротня:

– Ты?... Я сто раз пробовал!

– Да не головой я, не головой. И не кулаками. Нет, ногами тоже... И задом не стучал! Я вообще не кидался на дверь, но чую, что смогу. Не кинуться, а снести с петель! Как ты снес бы двери в собачьей будке. Может быть, даже в двух собачьих будках.

В ушах раздался рык:

– Не трепи языком, волхв! Выбей мою дверь, а дальше я сам.

– Мрак, говори тише. Выбить двери просто, но стражи поднимут крик. Наша надежда на то, что Агимас не видит во мне мага... Ладно, не видь и ты, но Агимаса можно захватить, меня недооценивает. Да, я немного стою, Мрак, но не перебивай! Дай сказать. Когда он будет чем-то отвлечен, я рискну. Вот-вот догадается, что мы опаснее...

Голос Мрака хриплый, злой, едва пробивался через хаос злых мыслей:

– Убью!.. Расплескаю по всему замку!.. Только свистни, буду ждать у двери... Погибну, но порву...

Олег ощутил, что наверху что-то изменилось. Олег поспешно отгородился от Мрака. Внутренний взор потек наверх. Олег всякий раз чувствовал странное тянущее чувство в животе, когда проникал сквозь толстый камень потолка и стен.

В комнате Гольша пусто. Разломанная мебель, раздробленные черепки на полу, истоптанные листы пергамента и папируса. Олег сжал волю в кулак, чувствуя головокружение, послал вниз, по лестницам, норам, подземным ходам.

Впереди неожиданно показались бредущие фигуры. Олег не сумел остановиться, с разгону столкнулся. Двое стражей глазом не повели, но Агимас вздрогнул, ухватился за рукоять меча, огляделся. Олег в сторонке не дышал, беспощадные глаза Агимаса пронизывали его насквозь, в сердце и животе больно закололо.

Наконец воин-маг недовольно всхрапнул, заспешил вниз. Олег проводил его взглядом с немалым облегчением: Агимас пока что не всемогущ!

– Мрак, – позвал он настойчиво. – Мра-а-ак!.. Все поменялось. Этот злодей идет вниз. С ним никого. В своей мощи уверен, а мы безоружны. Но если зайдет ко мне, я попробую захватить его врасплох...

Мрак клокотал, окрашенные в багровый цвет слова завивались в смерч, мелькали оголенными краями. Олег отстранился, шаги Агимаса звучали совсем близко. Олег мысленным взором увидел, как тот ступил в подвал, пошел вдоль ряда тяжелых дверей.

Олег напрягся, сжал волю в кулак и метнул ее в Агимаса. Остановись у его двери, отопрь, войди!

От усилий разогрелась голова, на лбу вздулись жилы. Крупные капли пота покатались по лицу, поползли по волосатой груди. Шаги Агимаса замедлились. Он остановился перед дверью, в задумчивости почесал лоб, пожал плечами, развернулся и отправился в начало коридора. Олег разжал кулаки, где ногти врезались в ладони, в бессилии и отчаянии откинулся на стену. Всей его мощи не хватило, чтобы просто остановить Агимаса! Тот отмахнулся, как от назойливой мухи, даже не заметив, что это чужая воля, а не его минутное колебание!

Агимас кивнул стражам, те кинулись отодвигать засовы. Едва свет факела упал в темницу, Агимас коротким словом пригвоздил пленника к полу. Колени Таргитая подогнулись, не вынеся чудовищной тяжести, он упал, распластался. Агимас осторожно соступил на ступеньку. Стражи с обнаженными мечами каждым жестом выказывали готовность по любому знаку разорвать пленника на части.

Агимас с наслаждением рассматривал распростертого невра.

– Дрожишь, червь?.. Умрешь сегодня. Вы трое слишком опасны.

Таргитай вяло проговорил в пол:

– Тогда убей сразу. Что мешает?

– Сразу нельзя, – ответил Агимас с сожалением. – Это не победа, а так... ее треть. Я должен насладиться, а ты должен видеть приближающуюся гибель. Медленную и неотвратимую! Тогда это победа. Я знаю вкус победы! У меня было их много, я знаю этот сладкий вкус.

Таргитай не отвечал, его вдавливали в сырой пол, голову повернул, чтобы не наглотаться мокрой глины. Агимас удовлетворенно соступил еще на ступеньку. Явно хотел потрогать пленника носком сапога, но, хотя стражники с обнаженными мечами дышали в затылок, несмотря на свои доспехи мага, не решился.

Таргитай выдавил сквозь стиснутые зубы:

– Дурак... Провались к Ящеру.

Агимас вскинул брови:

– Впервые слышу такое заклятие. Ты уверен, что действует? Даже не защекотало. Ну-ка, доставай свою дудку!

– Пошел...

Руки Таргитая сдавило как в тисках. Пальцы скользнули за пазуху, пытался противиться чужой воле, но сопилка уже поднялась к губам. Попробовал повернуть голову, однако шею держали невидимые руки.

Агимас засмеялся, глаза блестели.

– Ну как? Теперь, тварь, запоешь.

Грудь Таргитая поднялась, набирая воздух. Из сопилки вырвался тоскливый собачий вой. Его сдавило сильнее. Таргитай захрипел, сопилка мертво застыла в деревянных пальцах. Агимас нахмурился:

– Противишься?.. Мне еще никто не мог противиться.

Таргитая скрутила судорога. Пальцы забегали по дырочкам, из сопилки полился испуганный визг, словно псу прищемили лапу. Агимас отшатнулся:

– Вот как? Сейчас получишь, сейчас узнаешь мою мощь...

Перед Таргитаем поднялась черная стена. Отступил, оглянулся, такая же черная надвинулась сзади. Его раздавило, расплющило, кости затрещали и превратились в муку, а кровь и сукровицу выжало досуха. Но он жил, его мяло, сворачивало, рвало, как гнилой лоскут кожи, горел в огне, падал на окровавленные колья, его живым ели черви, холодные мертвецы тащили в могилу, с него сдирали кожу. Терял сознание, приходил в себя, а двигалось время или остановилось – не знал, не помнил, не ощущал.

Тьма отхлынула. Он лежал, пахло рвотой и мочой. В двух шагах на ступеньке сидел Агимас. Лицо мага было измученным, глаза потухли. Глубокие морщины избородили лоб. Бледные стражи стояли в дверях, на Таргитая смотрели с ужасом.

– Либо ты под заклятием, – хрипло сказал Агимас, – либо... Но я подчинял своей воле царей! А уж вождей племен, знатных силачей – без числа. А тут какой-то вшивый дудошник...

Таргитай с трудом оторвал налитую свинцом голову от пола, прошептал:

– Не мучай меня... Убей, сдирай кожу, но заставить петь нельзя...

– Заставлю, – пообещал Агимас. – Еще не вечер, как говорил ваш человек-волк.

Таргитай вскрикнул в страхе:

– Не надо! Я же делаю все, что велишь. Подчиняюсь, разве не видишь?

– Но ты не поешь, раб.

– Силой да магией можно заставить любого, и меня тоже, вырыть яму или наколоть дров! Можно заставить строить дом, укрощать коней, драться с людьми. Но заставить петь невозможно!

Агимас спросил раздраженно:

– Какая разница?

Таргитай заторопился, захлебываясь и глотая слова, спеша объяснить то, что ясно как день, но так же трудно объяснить:

– Когда копаю яму, то это я копаю, но когда пою, то пою не я, а что-то другое поет во мне, а я разеваю рот!.. Правда, кое-как спеть могу и сам, уж запомнил, как это делается, но сам спою так, как поет ворона, когда подражает соловью!

Агимас яростно смотрел в его невинное лицо, испачканное блевотиной.

– Да, похоже.

– Но я иначе не умею! Может быть, все-таки пою я, но не весь, а только часть меня? Лучшая часть, что живет во мне, как червяк в яблоке... нет, как спелые зерна в яблоке...

Агимас поднялся, рыкнул громко, изрезанное шрамами лицо стало белым как полотно:

– Стража! Приковать дикаря к стене. За руки, чтобы не мог играть на проклятой дудке. А дудку положите ему под ноги. Пусть сам возжелает играть, пусть затоскует, пусть готов будет сочинять любую хвалебную песнь обо мне, Великом Истребителе Народов!

Олег заговорил непривычно жестким голосом, какого от него Мрак никогда не слышивал:

– Агимас терзает Тарха! Мрак, я не могу сдвинуться. Мне удалось установить каменный забор поперек коридора... мысленный, конечно, едва держу. Агимас не услышит, если даже разнесем в щепки. Сможешь выломать дверь и обезоружить стражей?... Дверь сможешь выбить, если попадешь точно на высоте колена.

Мрак ответил с такой мощью, что Олег дернулся от боли в ушах:

– Я их раздеру, как жаб!.. Но дверь – не знаю. Я ее по-всякому пробовал.

– Жуки источили брус, он снаружи несокрушимый, как киммерийская держава. Труднее со стражами, их двое. Дремлют на той стороне напротив двери. Мечи в ножнах. Еще двое возле моей двери. Понимаю, тебе обидно, но Агимас не знает, что самый сильный и отважный – ты. Эти двое увидят, ежели вырвешься в коридор...

Голос Мрака скомканный, Олег едва различал слова:

– ...шагов от... до моей?

Олег мысленно пробежал по коридору.

– Шагов сорок.

– Держи забор, сколько можешь. Двум... не бывать, а мимо одной все одно не проскочишь!

Олег чувствовал, как тяжелая масса ринулась через темень. Удар, грохот, яркая вспышка света – факелы в коридоре. Дверь уже поперек коридора, все-таки оборотень забыл про источенный брус, ударил со всей дури. Мрак подхватился, выставил дверь как щит, выругался и обрушился на стражей.

Захрустело. Мрак развернулся и с дверью перед собой понесся по коридору. Воины увидели бегущего на них полуголового озверелого варвара, но не трусили – Агимас подобрал храбрцов, – а выхватили мечи и встали под стенами. Варвар вместо оружия держит всего лишь дверь!

Мрак на бегу резко повернул дверь поперек. Отпрыгнуть стражам некуда: дверь перегородила коридор от стены до стены. Мрак почувствовал двойной удар, его потрянуло, наступил на еще живое.

Отшвырнув исполинский щит, повернулся к двери, мимо которой едва не пробежал. Ударил ногой, запоры выдержали, заорал: «Отойди!» – налетел как лавина.

Олег стоял в углу, бледное лицо поднял к потолку. Мрак влетел с грохотом. Олег вздрогнул: Мрак был в красной каменной крошке, плечо снова сочилось кровью!

– Зачем вышибал? С той стороны только отодвинуть засов!

Мрак поднялся, проворчал:

– Это ты, волхв, умный сразу, а я – потом...

Олег выбрался за ним в коридор, лицо все еще задира к потолку. Мрак в коридоре поднял дверь, под которой корчились искалеченные. Их мечи легковаты, но Мрак забрал и кинжалы, у одного нашел кошель с монетами, взял.

Олег отстранил его руку:

– Держи оба меча... Мне бы забор...

Глаза ввалились, лицо словно из старого воска. Горошины пота выступали на лбу, скапывались. Смотрел перед собой неотрывно, не мигал, рифленные желваки вздулись. На плечи давила невидимая тяжесть, колени подгибались, дышал надрывно.

Мрак подставил плечо, потащил, оба доковыляли до поворота. В двух шагах сидели, лениво беседуя, двое. Мрак сейчас вспомнил, волхв предупреждал об этих, поспешно уронил Олега и ухватился за меч. Воины бросились бесстрашно, сразу, не раздумывая, – не новички, умелые бойцы. Мрак оценил, потому сражаться легким мечом даже не пытался: отбил один удар, свободной рукой ухватил за горло.

Под пальцами хрустнуло, словно давил гусиное яйцо. Меч выпал из ослабевшей руки. Мрак поспешно повернулся к другому, одновременно пригибаясь и подставляя меч, чтобы отбить удар. Второй страж почему-то медленно сползал по стене, оставляя кровавый след из разбитого затылка. Нос и переносица вбиты в кровавое месиво, только что бывшее лицом уса-того красавца.

Мрак изумленно покачал головой:

– Знал бы Громобой! Такого кулачного бойца деревня потеряла!

– Мрак, не позорь меня... Я волхв...

Глаза Олега мгновенно расширились, а рот раскрылся для крика. Мрак обернулся, как испуганная мышь, успел подставить лезвие под падающий на голову кривой меч. Третий страж – откуда взялся этот дурак? – надел, быстро-быстро орудуя легким мечом, выбирая момент для решающего удара. Успел бы, если бы не осторожничал, – Мрак сроду не держал в руках такого меча.

Олег скользнул под стеной со спины, ударил. Меч Мрака упал врагу на голову запоздало, но милосердно: воин с перебитой спиной уже опускался на пол.

– Быстрее наверх! – вскрикнул Олег отчаянно. – Я не удержал забор, этот помешал... Агимас уже знает!

Олег снова покрылся липким потом, но все же, к удивлению, из мертвецки-желтого наливался жизнью. Крутые подъемы – не магия.

В тесном коридорчике буквально размазывали стражей по стенам, бега не сбавляли. Наконец группа вовсе загородила проход, закрывшись щитами и выставив кривые мечи.

Мрака неожиданно обогнал Олег. Меч в его руках заблистал, как укороченная молния, словно у человека в звериной шкуре не две руки, а дюжина. Ряд изломался, двое осели, зажимая раны. В брешь, словно падающая скала, вломился Мрак, расшвырял, как медведь деревенских собак, проскочил, оставив Олегу добивать ошеломленных таким ураганом.

– Налево! – крикнул Олег в спину. – Подожди меня...

Отразил слабый замах, ударил локтем, ногой, последнего просто толкнул к стене. Страж хрястнулся о камень, как еловая шишка. С него слетел шлем, пряжки панциря лопнули.

Мрак увидел знакомую дверь, куда затолкали Таргитая, ринулся, нагнув голову. Олег остановился как вкопанный, обеими ладонями сжал голову. Лицо сразу побледнело, глаза выпучились, как у большой совы.

Дверь перед Мраком засветилась багровым. Пахнуло сухим жаром. Мрак с разбега ударился о раскаленную, как заготовка меча, дверь. Кожа на плече не успела зашипеть, как Мрак влетел сквозь исчезающие под сдвоенным ударом плеча и магии обломки.

Таргитай был распят на противоположной стене. Металлические цепи растянули его в стороны, на ногах висели тяжелые валуны. Перед Таргитаем спиной к двери в просторном кресле Гольша сидел Агимас. На грохот удивленно оглянулся, уцелевшая бровь взлетела вверх. Воин-маг, поглощенный сладкой местью, так и не заметил их побега! Мрак с ревом кинулся на мага. Олег в страхе похолодел: оборотень не успеет, поспешно собрал остаток сил и метнул огненную стрелу в Агимаса.

Агимас пошатнулся. Тут же над головой Олега с треском раскололась каменная плита. Лицо Агимаса в ужасе перекосилось, он подхватился на ноги. Олег успел увидеть перед собой стену яростного огня. В ушах прозвенел испуганный вопль:

– Не наступите на мою дудочку!..

Слепящая молния пронзила Олега, рухнул на пол и понял, что умирает.

Взмыленный Таргитай таскал ледяную воду, благо близко, еще издали с разбега выплескивал на Олега. Олег застонал, открыл глаза:

– Я ж не рыба...

– Живой, – обрадовался Таргитай. – Живой! Я ж не как рыбу, а сверху, как бог жабу. Если бы как рыбу, я бы тебя вовсе в колодец...

– Тарх, – прошептал Олег. – Лучше молчи. Или пой. Но не умничай. Умнее тебя на цепи сидят. Где Мрак? Что случилось?

Вслед за тяжелыми шагами появился Мрак – забрызганный кровью, пудовые кулаки со свежими ссадинами на костяшках.

– Что делать с Агимасом?

Олег с трудом пошевелился, чувствуя себя истерзанным, словно Ящер на нем возил воду для всего подземного мира.

– Еще жив?

– Да, по твоей дурости. Не мог его сразу?.. Он шарахнул в тебя молнией, я почти сразу его... Как кабана. Сейчас оклемавается, но я погладил пару раз еще. Не молнией. Обухом.

– Связанного?

– Дурень, он маг! Язык не свяжешь.

Олег попросил слабо:

– Мрак, заткни ему рот, чтобы ни одно заклятие не вылетело. Руки свяжи так, чтоб не шевельнул и пальцем!

– Уже сделал. А если пошевелит бровью? Или вообще поколдует мысленно?

Мрак кивнул, для него решение очевидно. Таргитай вскрикнул отчаянно:

– Мрак! Убьешь безоружного, связанного? Пленника?

Мрак угрюмо пожал плечами:

– А что еще?

– Мрак! Но мы же... Вся жизнь людская висит на волоске правды. Да, гонялся за нами, чтобы убить... содрать шкуры, но мы не он, мы люди! Это не победа, Мрак. Вся жизнь наша будет отравлена...

Олег повернул шею, в голове стрельнуло острой болью. Когда туман расчистился, увидел хмурое лицо Мрака, отчаянные глаза Таргитая. В дальнем углу лицом вниз распластался человек. Олег встретился глазами с Мраком, тот кивнул. Связанный по рукам и ногам Агимас лежал с кляпом во рту.

Мрак хлопнул себя по лбу:

– Придумал!

Переваливаясь с боку на бок, как большой медведь, пробежал по комнате, заглянул в кувшины, посуду, кубки.

– Напоить как распоследнего! Мысли разбегутся как тараканы. Двух слов не свяжет, куда уж заклятия... Жаль, конечно, переводить доброе вино... Гольш натаскал лучшего, знал, откуда красть.

Держа одной рукой кувшин, выдернул кляп. Таргитай заботливо приподнял Агимасу голову. Агимас закашлялся, вино брызнуло на грудь. Мрак, видя бесцельную гибель доброго вина, мощно схватил врага за горло:

– Не выпьешь – удавлю! С удовольствием. Клянусь богами Леса, Степи, Гор и детками Ящера!

Агимас посмотрел в бешеное лицо. У сжимавшего его горло человека были глаза лесного зверя. Передернулся, начал глотать. Таргитай наблюдал, как постепенно вздувается живот, веревки врезаются туже, но Мрак все не убирал кувшин, пока не запрокинул вверх дном.

– Все вылакал, – сказал со злостью. – А еще в маги подался, в мыслители! Чем мыслит, когда так надирается?

– Мрак, – возразил Таргитай, – ты ж сам заставил!

– Ну и что? Мог бы воспротивиться.

– Ты бы удушил...

– Зато уважал бы. Надо быть стойким. Мужчина он или нет? А то поддался, видите ли! Глазами не зря лупает: козни плетет! Дать по башке на всякий случай. Надежнее.

ГЛАВА 8

Мрак замер, подхватил секиру. Таргитай не успел раскрыть рот, как оборотень исчез в коридоре. Там послышался звон металла, короткий вскрик, топот бегущих ног. Таргитай подхватился, его как ветром выдуло вслед за Мраком.

Олег проводил их сожалеющим взглядом: самое трудное опять ему! Сцепив зубы, ударил Агимаса кулаком в лоб. Голова мотнулась, едва не слетела с плеч. Бывшего тцаревича отшвырнуло к стене, там и остался с неестественно вывернутыми руками. Глаза бессмысленно смотрели в потолок.

– Мог бы подсказать решение лучше, – сказал Олег с упреком, стараясь снять чувство вины. – Сам видишь, надо спешить.

Когда он добежал до комнатки, куда убрали их оружие, оттуда неслись, как два вихря, Мрак и Таргитай. В руках оборотня страшно блистала гигантская секира, а Таргитай сжимал золотой Меч – уже обнаженный, рассыпающий синие и темно-красные искры.

Когда Олег с бронзовым посохом взбегал вверх, оттуда неслись крики и лязг металла. По ступенькам скатывались убитые и раненые. Олег перепрыгивал, прижимался к стенам, пропускать и мчался снова, но догнать не мог – лютый волк-оборотень и дудошник рубили растерявшихся врагов, как сочную траву.

У последнего зала ноги скользнули по лужам крови, внутренностям и соплям, хрустели выбитые зубы. Впереди слышен страшный крик умирающих от жутких ран, ругань, звон металла. Пахло потом, кровью, неизбежной смертью. У Олега сжалось сердце и подогнулись колени.

Врагов осталось пятеро, но, когда Олег подбежал, двое рухнули, а еще двое сдвинулись, пытаясь закрыть Лиску, – красноволосая сидела на полу, опираясь о стену. Лицо было бледным, губа закушена. Шлем съехал на ухо, выпустив на свободу роскошные ярко-красные волосы. В левой руке вяло сжимала узкий меч.

– Держитесь! – заорал Олег еще издали.

– Да уж, – прохрипел Мрак. Наискось рубанул еще одного. – Пропадем без тебя.

Лиска, завидев Олега, как зверек взвилась на ноги. Правая рука висела как плеть, на бледном лице желтые глаза вспыхнули, как два солнца. С хриплым криком шагнула вперед, еще один рухнул под ударом Таргитая, она осталась одна против троих людей в звериных шкурах.

Мрак и Таргитай разом отступили. Дышали тяжело, с хрипами. Кровь забрызгала обоих, а до пояса в крови так, словно переходили красную реку. Переглянулись, словно два хитрых волка, замысливших пакость. Олег увидел на лицах одинаковый хищный оскал. Отступили еще, оружие опустили, а Таргитай с великим облегчением еще и вложил Меч в ножны, лихо швырнул за плечо.

Рыжеволосая вскрикнула жалобно, как раненая птица:

– Умри, противный раб!

Олег едва дышал от бега по лестнице. Колени подгибались, с трудом отбил посохом слабый удар ее меча. Она замахнулась снова, дважды парировал вялые удары – она, как и он, едва держалась на ногах.

– Опять сцепились, – сказал Мрак все еще тяжело, но оживал на глазах. – Тарх, принеси стулья! Будем смотреть.

– Какие стулья? – не понял Таргитай.

– Удобные. Это надолго, не видишь?

– Не дождетесь, – процедил Олег, едва дыша. – Зрелище им подавай!

Шагнул в сторону, парировал удар, а левой рукой наотмашь ударил ее по лицу. Лиска отлетела к стене, ударилась и медленно поплыла вниз. Олег подхватил, не дал растянуться на

залитом кровью и слюнями полу. В ее крупных глазах, затуманенных болью, четко увидел свое лицо – искаженное, звериное, с кровью на лбу и оскаленными, как у зверя, –зу–бами.

Мрак крикнул сожалеюще, но с одобрением:

– Жаль, недолго музыка играла... Зато по-мужски! Сразу по рылу. Чем бабу сильнее бьешь, тем борщ вкуснее.

– Какой борщ? – спросил от двери Таргитай недоумевающе. Он не знал, идти ли за стульями или уже все кончилось, смотреть не на что.

– Ты прав. Эта не то что борщ – шнурки сама не завяжет.

Рыжеволосая тряхнула головой, желтые глаза прояснились. Олег похолодел, ощутив неприятное щекотание под нижним ребром. Женщина меч не выронила, острие больно кольнуло. Некоторое время они смотрели друг другу в глаза. Мрак и Таргитай застыли, вмешаться не успеют, далеко. Олег видел себя в ее зверино-желтых глазах. Она неотрывно смотрела в его зеленые, как молодая травка, глаза. Очень медленно пальцы разжались, меч звякнул о камни.

Мрак шумно выдохнул, Таргитая даже покачнуло ветром.

– Видал?.. А ты говоришь, маг из него... Какую зверюку укротил одним взглядом!

– Подумаешь, – фыркнул Мрак. – Я видал, как обыкновенный уж жабу с твоей сапог зачаровал! Пищала от страха, но сама в пасть лезла.

– Влезла? – поинтересовался Таргитай.

– Да. Только уж лопнул.

Таргитай нехотя шарил среди убитых и раненых, подбирая оружие. Мрак выворачивал карманы, срезал кошельки с монетами. Меч за спиной Таргитая беспокойно ерзал: чуял живых, жаждал добыть.

Олег неуклюже сорвал с воительницы перевязь, связал ей руки. Чувствовал себя глупо, но в глаза старался не смотреть. Она тоже отводила взгляд, морщилась, словно не могла понять, почему бросила оружие. Меч Мрак сразу поддел пинком так, что тот исчез за развороченным окном.

– Бить будет? – услышал громкий шепот Таргитая.

– Как пить дать, – ответил Мрак деловито. – Поимеет, выпорот, снова насильничает.

– Наш Олег?

– А что? Долг надо возвращать сторицей. Представляешь, сколько ему придется ею заниматься?

– Мрак, неужто она...

– Я рази подглядывал? Ты певец, сам догадайся. Аль придумай.

Они ушли, нагруженные оружием, дорогими доспехами. Женщина тряхнула головой, волосы огненным водопадом упали на плечи. Полные губы, сейчас бледные до синевы, изогнулись в презрительной гримасе.

– Тебе не уйти, раб. Агимас вас ненавидит люто. От него не спрятаться.

– О нем позаботились, – сообщил Олег все еще с неловкостью. – Прости, что я тебя так по харе. У нас женщин не бьют. Непривычно, у меня и сейчас сердце колотится как у зайца.

Она подняла голову, взглянула снизу вверх в непривычно зеленые глаза.

– Да? Мне показалось, что ты ударил с удовольствием.

– Ну, значит... Ладно, пойдем.

Он повел ее, придерживая сзади за связанные руки. Она взглянула искоса, повторила:

– Ты в самом деле ударил с наслаждением! Тебе нравится меня бить.

– Не напрашивайся, – ответил Олег сухо. – Я хожу со своими богами.

Когда проходили внизу по длинному коридору, наткнулись на распластанного в крови вооруженного человека. Напарник сидел, прислонившись к стене. Половина черепа снесена вместе со шлемом.

– Здесь держали Таргитая, – буркнул неохотно. – Он у нас певец.

Дальше по коридору она на миг запнулась, взглянула испуганно. В неестественных позах лежат двое в доспехах, лужи крови текут вдоль коридора. Вместо двери в темницу зияет темный провал. Косяки разворочены, словно оттуда вырвался слон в доспехах.

– Здесь заперли Мрака, – объяснил Олег.

В конце коридора стены забрызганы кровью, выщерблены. Четверо лежали так, будто их разбросала, разрывая на части, неведомая сила: обломки мечей, искромсанные щиты, смятые в лепешки шлемы. Один воин разрублен пополам, крови набежала глубокая лужа.

Лиска зябко передернула плечами:

– Здесь, как я понимаю, держали тебя?

– Сами напали, – ответил Олег пугливо. – Я вовсе не хотел... Я волхв, не мое это дело – драться.

Она скосила глаза, пытаясь рассмотреть вспухшую щеку, смолчала. Олег отыскал уцелевшую комнату, впихнул Лиску, приготовился захлопнуть дверь. Она посмотрела ему в глаза:

– Ты в самом деле не собираешься...

– Не собираюсь, – ответил Олег поспешно. – Сам рыжий, но рыжих не терплю.

Задвинул засовы, повесил замок, а ключ положил в карман. Когда поднимался по ступенькам, сверху донесся лязг. Похоже, оружие сволакивали в кучи. Слышался раздраженный голос Мрака – гонял лодыря.

Когда Олег вернулся, Мрак выламывал решетку из единственного уцелевшего окна. Каменная крошка запорошила волосы, он казался не то залитым кровью, не то рыжим, как Лиска. Красный от натуги Таргитай подтаскивал к окнам трупы, панцири, доспехи. Пол красный и скользкий. Олег сразу споткнулся о шлем, едва не упал на кривые мечи. Таргитай заулыбался. Олег понял, ухватил сразу двух, потащил. Мрак подхватил одного, просунул в тесное окно. На загнутых прутьях остались окровавленные клочья одежды. Олега передернуло, Мрак сказал торопливо:

– Надо все делать быстро. Били по головам – спешили? Провожать надо еще быстрее. А разжалобишься – хоронить придется.

Таргитая передернуло, с удвоенной скоростью начал таскать убитых. Шлемы и доспехи хватал едва ли не зубами, спеша унести побольше. Олег от жутких ран отворачивался, старался держать мысли занятыми. Не замечать бы, что порой пальцы погружаются в еще теплую плоть!

Еще чистили башню, когда раздался строгий скрипучий голос:

– Что происходит?

Гольш возвышался на подоконнике. Вокруг мага струился и блистал воздух. Зал наполнился запахом сладкого дыма и тлеющих тряпок. Жезл в руке мага почернел, обуглился, от золотого набалдашника торчал огрызок.

Таргитай с поворота бросал последний труп – наловчился попадать в окошко не глядя. Тело обрушилось на Гольша, залило кровью. В следующий миг маг был в чистой одежде, серебряные волосы причесанно струятся по плечам, а на месте трупа взвился и растаял легкий дымок.

Олег опустил руки, бессильно прислонился к стене. Гора свалилась с плеч, не гора – горный хребет. Мрак широко заулыбался, расправил плечи, даже не поморщился от новообретенных ран и царапин.

– Ворюги приходили, – сообщил буднично. – Решили, раз хозяин на гуляках, пошарят по сусекам... Дурачье, что собака из кузни сопрет? У тебя ж здесь ни удавиться, ни зарезаться нечем. Зато застали нас троих, злых и замученных непосильной учебой в поте твоего лица!

Гольш переводил потрясенный взгляд с одного на другого. Стены забрызганы кровью, словно здесь забили стадо скота. Зал от трупов очистили, но в лужах крови белели зубы, высывались кисти рук, плавали носы и уши. В углу на высоту роста нагребена куча разбитых щитов, кривых, целых и побитых мечей.

– Кто? – выдохнул он.

– Назвался Агимасом. Правда, мы его знавали под другим именем... И бивали тоже под другим.

Гольш шатнулся, будто ударили по голове. Худой, еще больше иссохший за эти три дня, затрепетал, как осиновый лист на ветру, прошептал:

– Где... он?

– Внизу. Тут жара собачья, а то и собачья, мы его поместили в лучшие покои, где прохладнее. В подвал.

Гольш подпрыгнул, оглянулся по сторонам так, будто со всех сторон ползли змеи.

– Что он там делает?

– Спит. Ты, хозяин, не сумлевайся. Угостили на славу, рази не понимаем? Гость, а для гостей надо расшибиться в лепешку!.. Вот мы и расшибли его дружков. Они сейчас внизу, у подножия твоей каменной норы навыворот.

Гольш поворачивался на месте, смотрел обалдело на сияющих невров. Все трое глядели влюбленными глазами. Теперь и убирать ему, великому магу. Дунул-плюнул – и все, как говорил Мрак. Знали бы, что вот-вот явится, не истязали бы себя, выпихивая из тесных окон столько народу.

– Этого не может быть, – прошептал Гольш. – Агимас, правая рука Мардуха...

– А чо? – не понял Мрак. – Он завсегда чья-то правая рука. Никак человеком не станет, все рука да рука.

Гольш заспешил к выходу. Обугленный жезл сломался. Мрак едва успел подхватить мага. Старика шатало, но он остановил жестом, прошептал:

– Я взгляну сам. Вы убирайте, убирайте.

Лица у всех вытянулись, как у коней, которым вместо сена дали солому. Слышно, как в коридоре шаркающая походка прерывалась, старик часто хватался за стену, отдышал.

– Перелет через тыщи верст отбирает силы, – произнес Олег сочувствующе, но зависти в его голосе побольше. – Иначе очистил бы зал одним словечком.

Мрак раздраженно хмыкнул:

– Перелет! Знаю я эти залеты-перелеты. На другой день голова гудит-гудит, а в кармане тихо-тихо. И ноги дрожат, будто у мага. Какие уж силы...

– Мрак, – сказал Олег укоряюще, – зачем ты так на старого человека?

– Седина в бороду, а бес в ребро. Маг тоже человек.

– Тарх, принеси воды. Вымоем полы, раз уж увильнуть не удастся, сами помоемся. Я так намахался, что руки отваливаются.

Олег раньше Таргитая собрал ведра – спешил уйти, чуял укоризну. Мол, даже не пытается пошептать, помахать, поплеваться. Вдруг да очистилось бы? А о том забывает, что разок башню потряхнул ненароком. Ежели потряхнет еще... Сил у него после драки не больше, чем у Гольша после перелета. Если попробует уничтожить кровь и грязь, то могут исчезнуть и плиты под ногами. На дурь, на поломки сил почему-то хватает не только у него. А пока долетишь до самого низа, одни косточки упадут на горячий песок.

Мрак проводил его задумчивым взглядом:

– Ишь, как будто бы за водой побег. Будто не знаем, что девку запер близ родника. Ворвется сейчас – злой, горячий...

– Пойдет насильничать? – не поверил Таргитай. – Олег?

– Должен же вернуть долг сторицей? Это займет его надолго. Во жизнь у волхва! То его на ложе, а он упирается, то он ее...

– Нехорошо завидовать, – укорил Таргитай. – Давай уберемся, пока Гольш не воротился.

От вымытых холодной водой стен и пола веяло прохладой, когда старый маг втащился в зал и тяжело рухнул на дубовую скамью. Руки Гольша дрожали. Мрак подал кувшин, Гольш

припал жадно, кадык заходил вверх-вниз. Мрак многозначительно посмотрел на Олега. Волхв отвел глаза: в кувшине была не вода, совсем не вода. Мрак называл это огненное зелье молоком от бешеного змея.

Когда маг оторвался от кувшина, тот стал вполовину легче. Мрак ухмыльнулся шире, злораднее, а Олег потупился вовсе. За старого учителя было неловко. Возможно, и другие гнусности, которые придумал Мрак, в какой-то мере... Маги тоже люди, то да се, трудно быть все время умным да правым, иной раз и волком надо перекидываться, чтобы человечность сохранить...

– Агимас в беспамятстве, – сообщил Гольш потрясенно, – злую женщину связали тоже надежно. Как все случилось? И как вам удалось?

Мрак и Таргитай одновременно посмотрели на того, чья мощь все больше перемещалась на кончик языка. Олег откашлялся, коротко и буднично пересказал случившееся. Сам удивился, что уложился в несколько слов, будто не разгромили дважды силы вторжения, а всего лишь подмели зал в три веника.

Гольш бледнел, желтел, глаза лезли на лоб, челюсть отвисала – все так быстро, что невры едва успевали замечать. Начал переспрашивать, уточнять. Мрак не вытерпел, прервал грубо:

– Дело ясное, что дело темное. У вас такие драчки часто? Предупредил бы. Теперь секиру буду класть в постель!

Маг метнул на грубого человека в волчьей шкуре недовольный взгляд:

– Мы, маги, не воины. Мы не опускаемся, чтобы воевать мечами. Все равно что зубами и когтями. Воюем своими творениями, а они бывают разными... Если убиваем, то крайне редко. Когда нет иного решения.

Мрак хмыкнул, указал взглядом на развороченное окно. На прутьях еще болтались клочья иных решений. Сами иные решения заваливали вход в его башню неопрятной горой. Если Гольш не убрал, конечно.

– Вас приняли за творения, – объяснил Гольш, что для невров прозвучало неубедительно. – Мы уничтожаем творения других, дабы утвердить свои. Так совершенствуется и проверяется магия.

Снизу через окно доносились хлопанье крыльев, гортанные крики орлов-стервятников и наглых ворон – цариц неба. Пернатые поедали несчастные творения, хотя Мрак сильно сомневался, что вороны станут клевать отесанные чурки.

– Что-то знакомое, – пробурчал Мрак. – Уничтожать другое, дабы утвердить свое?.. Слишком просто. Я бы тоже так поступил, а я не всегда прав, когда решаю... сразу. Да и не верится, что нас приняли за деревянных чурбанов. Разве что Олега? Та девка, рыжая? Да и не зря Олег возле Тарха терся...

Гольш подумал, покачал головой:

– И мне не верится. У вас есть могущественные враги среди магов? Или волшебников?

Невры переглянулись – вопрос чересчур неожиданный. Олег ответил без колебаний:

– Ты первый из магов, с кем мы встретились. У нас нет ни друзей, ни врагов среди них.

Таргитай напомнил:

– Двоих издали видели. У одного из них увели ковер! Хоть и по крайней нужде, шкуры спасали, но маг мог обидеться? Правда, ковер старый, потертый, на нем какая только собака не спала, но есть же на свете жадные?.. Он еще служил у киммерийского кагана. Мог обидеться за то, что каганство проклятое порушили... Оказывается, это было, как ты говоришь, как раз его творение.

Гольш отмахнулся, словно отогнал назойливую муху:

– Киммерийского каганата нет. Тамошний маг создал нечто другое... Более забавное, как считает. Ага, тюринское тцарство. Отныне правит не каган, а тцарь. Говорят на другом языке –

тюринском. Одежда тюринская, оружие тюринское... Но не скажу, что придумано такое уж новое. Опять в Великий Поход на Восток, опять поклонение Мечу...

В башне повисло тягостное молчание. Лица невра, хотя в синяках и ссадинах, разбитые в кровь, но полные жизни, потемнели, как тучи. Горькие складки легли даже возле рта юного Таргитая, а Мрак и Олег стали похожи на разбитые молнией обугленные деревья. Голыш смотрел с удивлением и непониманием.

ГЛАВА 9

– Вот так, – нарушил черную тишину, пропитанную ядом, Мрак. – Выходит, мы в самом деле, как Олег говорит, разрушили очередную забавку тамошнего мага... Едва жилы не порвали, пупки поразвязывали, а он дунул-плюнул – опять дворец краше прежнего прет прямо из песка! Чертов каган – ну пусть теперь тцар, тоже чертов, – в том дворце еще толстопузее, а горлохваты с мечами – втрое злее. Чего мы добились?.. Эх, не обгадиться бы на этот раз!

В зале потемнело, сгустились сумерки. На темно-синем, как окалина, небе заблистали холодные льдинки звезд. Одна мигала зловеще красным: сулила кровь, пожары, мор.

Гольш очнулся, вздрогнул:

– Разве что ковер обладал неведомой мне мощью?.. Нет, я бы ощутил. Или ценный, как доставшийся от великих прашуров?.. Чем-то вы его задели. Не знаю, магов простому человеку трудно оскорбить. Нас оскорбляют, а мы не оскорбляемся! Сами знаете, собаки лают, а караван идет. Но вы сумели если не остановить, то замедлить караван! А это не по силам простому человеку.

Невры снова переглянулись, Олег пробормотал несчастливо:

– Знать бы, чем сумели! Не так бы жгло изнутри.

Мрак спросил сурово:

– Этот маг, Мардух, тебя побьет?

– Не схлестывались, – ответил Гольш и отвел глаза. – Не спорю, он великий маг. Возможно, даже сильнее меня. Наверняка сильнее, если верно, что я о нем слыхивал. Но чтобы побить, да еще в моем доме, надо быть сильнее вдвое. А таких на свете нет. Не понимаете? Здесь каждый камень пропитан магией, защищен заклетами. Почему ваш юный Олег с такой легкостью обрушивал лестницы, следил мыслью, пушал огненные стрелы? Это здесь, в башне. Дома и стены помогают, верно?

Олег помрачнел, разочарованно опустил голову. Мрак хлопнул по спине, Таргитай коснулся плеча.

– Ничо... Взойдет солнышко и над нашими воротами!

– И у нашей козы хвост вырастет, – поддержал Мрак. – Кто сказал, что волхв здешним магам рога не посбивает?.. Но подучиться малость надо. Наша деревня не сразу строилась. Но как случилось, что даже не Мардух, а какой-то сопливый Агимас... в магии сопливый, сумел вломиться в твою башню?

Гольш скривился, словно хлебнул уксусу:

– Иногда мы, маги, слетаемся на Лысую гору. В эти ночи решаем, делим, скрепляем. Наши норы в эти часы приходи и бери голыми руками. Почти голыми, конечно. Никто из смертных не войдет, здесь поляжет любая армия кагана, тцаря или императора. Башню захватить под силу другому магу. Но все маги – а мы за этим следим! – слетаются на Лысую гору. Понимаете?

Мрак и Таргитай ожидающе глядели на Гольша. Олег кивнул:

– Агимас стал магом недавно, его не учили.

– Верно. К тому же привел с собой странных зверей. Видать, из преисподней, против них заклятий в моей стране просто не создано.

– Грифоны, – буркнул Мрак. – У полян скот таскают. При случае даже курами не гнушаются. Пса ленивого иной раз... Агимаса прислал Мардух за ковром?

Гольш озабоченно пожевал дряблыми губами, потерял бороду. Глаза были озабоченными.

– Опять не сходится. Обратился бы ко мне, я отдал бы без драки.

– Нас?

– Ковер. Людей отдавать не принято.

– А ежели дело в Агимасе? Прошлого не забыл, кипит яростью. У него, как у кошки, девять жизней, все положил на месть. Жизней пять отдал, а то и боле.

Гольш подумал, сказал осторожно:

– Старинная мудрость говорит, что в этом мире трудно найти друга, но еще труднее потерять врага.

– Мы не сумели, – признался Олег. – В горящем дворце теряли, в пропасти его теряли, мечом по дурной башке теряли, даже в пещере дива терялся, но всякий раз находился.

Глаза Гольша странно блеснули.

– Тогда у вас настоящий враг. Старинная мудрость гласит, что друзья часто оказываются фальшивыми, зато враги всегда настоящие.

Голос старого мага дрогнул, последние слова прозвучали особенно горько. Отвел глаза, Олег успел лишь заметить блеснувшую искорку, но прочесть не сумел.

– Еще меня беспокоит, – сказал Гольш быстро твердеющим голосом, словно стеснялся минутной слабости, – зачем взяли в плен эту хищницу? Понимаю, что раз уж в пылу схватки не убили, когда оправдано даже богами, потом трудно, особенно женщин, но могли бы в камере ненароком... Это чересчур злая нечистая мощь!

Олег потупился, Мрак отмахнулся:

– Эта нечистая сила в чистых руках.

Гольш с сомнением посмотрел на волхва, потому что все смотрели на него.

– Эта женщина – одни пороки.

– Пороки разнообразят жизнь, – буркнул Мрак. – И украшают. Если верить Таргитаю, конечно. Верить ему, правда, трудно, но брешет красиво, а красивая ложь лучше горькой правды. Но как ты, мудрый, избегаешь этой нечистой силы?

– У меня есть надежнейшее средство, – ответил Гольш, но гордости невры не услышали в глухом голосе мага.

– Какое?

– Возраст.

Взгляды всех троих скрестились на Олеге. Молодой волхв вспыхнул, как алая роза, переступил с ноги на ногу и открыл рот, как окунь на берегу. Трое продолжали пялиться. По всему телу волхва забегали мурашки, прогрызли кожу, начали копать в кишках, искать червяков, бегали по сердцу, нервам.

Когда он сердито вскочил и ушел, Мрак вздохнул вдогонку:

– Как хорошо и просто было!.. Упыри, нежить, див, зверье лютное – зато никаких баб.

– Вспомнил, – сказал Таргитай язвительно. – Будет все хуже и хуже.

Мрак удивился:

– Что может быть хуже женщины?

Таргитай помолчал, подыскивая ответ, но в простой душе были только простые ответы. Ответил:

– Две женщины.

Гольш внимательно рассматривал их из-под нависших бровей. В выцветших глазах вспыхивали и гасли лиловые искорки. Что-то сильно беспокоило старого мага, но странные лесные люди вели себя непонятно, непредсказуемо. Будто бы не истребили отряд Агимаса, воина-мага! И не захватили его в плен, не понесся потерь, если не считать ссадин и царапин.

– Какая, говорите, ваша цель? – спросил напряженным голосом.

Что-то в голосе старика удержало на языке ответ Мрака, острый и малость непристойный. Таргитай тоже ощутил неладное.

– Ну... мы собрались порушить непотребную власть злых магов. Сам видишь, мы по дуруости да по серости решили, что все зло от каганов, тцарей да императоров. Ныне на синяках

да шишках нам вдолбили, что они лишь мальчишки на побегушках. Разряженные павлины, а настоящая власть не у них – у магов. Мы потратили уйму сил, едва головы не сложили, но били не тех...

Мрак добавил с горьким хвастовством:

– Хотя и хорошо били. Да, вишь, раздразили.

– Значит, – спросил Гольш с тем же напряжением, – теперь всерьез воюете с магами?

Еще не отказались от безумной затеи?

Мрак перебил Таргитая, ляпнет по дурости не то:

– Со злыми. Ты вон добрый, мухи не обидишь, сидишь себе да сопишь в две дырочки.

А есть злые...

Гольш отмахнулся раздраженно:

– Я не добрый. Я – равнодушный. У меня есть звезды, которые не предают. Есть травы, тоже не обманывают. Если сварю яд вместо лекарства, то сам виноват, траву не клян. А люди... Да Ящер с вами со всеми! Грызйтесь, царапайтесь, вцепляйтесь друг другу в глотки – я со звездами да травами, не с людьми.

– Но сам-то ты человек? – спросил Таргитай.

Спрашивал серьезно, даже глаза выпучил. Мрак похлопал его по спине, сам поморщился: лопнула коричневая корка на предплечье, потекло красное. Гольш пристально рассматривал странных гостей, в глубине зрачков блистали колющие искры. Невры замерли, в комнате запахло грозой.

Резкие складки на окаменевшем лице Гольша разгладились. Медленно поднялся, постарчески, с трудом разогнул спину.

– Отдыхайте, залечивайте раны. День был тяжкий, а за ночь ничего не стрясется. Зато надумается многое.

Мрак и Таргитай торопливо, толкаясь в дверях, выскочили в коридор. Отбежали, Мрак едва не размазал дудошника по стене, прошипел, как большая змея:

– Дурень, раскаркался! Мы-де всех магов под корень изведем, то да се. Стой да сопи в тряпочку. Теперь думай, что решит за ночь. Это у нас в Лесу утро вечера мудренее, а здесь, в Песках, кто знает! Такое надумает, что и не налезет... Сбежать, что ли?

– Мрак, прости... Повинную голову меч не сечет.

– Зато секут другое место!

Это была самая длинная и беспокойная ночь в их короткой жизни. Комары как озверели, лезли прямо из стен. Мрак беспечно храпел, руки-ноги раскидал, словно коней продал, а деньги пропил, – равнодушный ко всем комарам на свете. Крылатые твари, ленивые, как Таргитай, едва завидя его густую шерсть, еще даже не отросшую во всей волчьей красе, не пытались пробраться через этот черный лес – набрасывались на мясо понежнее.

Таргитай и Олег, вспухшие от укусов, как будто неумело воровали дикий мед, измучились. Олег начал составлять заклятие для уничтожения крылатых кровососов, хотя уже понимал горькую истину: ему, уроду среди магов, легче двигать горами, чем соломинками.

Утром, когда рассвет едва серел, в коридоре послышались шаркающие шаги. Невры вскочили, устали на дверь. Гольш вошел, окинул всех хмурым взглядом. Оборотень бодр и свеж, раны победителей всегда заживают быстрее, чем у поколоченных, а в этот раз врагов побили взаправду, но лесной волхв и ленивый дудошник выглядят бледными, как привидения, распухшие привидения.

Гольш тяжело сел на лавку. Вид у мага был таков, словно и его комары заставили провести бессонную ночь.

– Дурацкое дело затеяли. Откуда вы такие, из Леса? Расшибете голову на первом же повороте. Но у вас говорят, что лучше с доброго коня упасть, чем на хреновом всю жизнь

ездить?.. Вам пока что везет. Умные да умелые сгинули бы. Верно говорят, что против умного остережешься, а супротив таких, как вы, оплошаешь...

– Мы отмахались, – подал голос Мрак непривычно робко. – Даже злодея пымали.

– И злодейку, – подсказал Таргитай услужливо. – Олег, говорят, ее уже пытал.

Гольш поморщился – перебили, – сказал после тяжелой паузы, словно хотел переложить тяжелую весть на другие плечи, но не видел их:

– Всю ночь читал звездное небо. Искал ваши судьбы... Увы! Несчастные вы люди. О вас ни слова, ни знака.

Олег съежился, будто ударили по затылку. Таргитай спросил глупо:

– Разве так бывает?

– Я не нашел вас, – повторил Гольш. – Искал всю ночь. Выходит, вас не ведет ни Среча, ни Несреча. Никакие боги вас не защищают, никто не указывает верный путь. Вы сами отвечаете за любые промахи, ошибки, преступления.

Мрак передернулся, Олег втянул голову в плечи. Таргитай тоже чувствовал ледяное дыхание, но потому, что подавленными выглядели могучий Мрак и мудрый Олег.

– Может быть, – спросил тихонько, – ты не в ту сторону смотрел? Ежели нами двигают звезды, то у каждого есть своя звездочка...

Гольш покачал головой. Холодом пахнуло сильнее.

– Зато я увидел дивные знаки Зла. Могучие силы стягиваются, их клыки и жала нацелены сюда, на эту башню. Я жил долго, но такого не видывал. Но ведь и вас у меня не было, верно?

В зарешеченное окошко затрепетала крылышками птичка. Увидела людей, вспорхнула, стрелой исчезла из синего прямоугольника за каменным краем. Мрак проводил ее озабоченным взглядом, осторожно спросил:

– Тучи идут... за нами?

Олег и Таргитай смотрели на старого мага, не дышали. Гольш задумчиво пожевал дряблыми губами:

– Или за пленницей. В ней что-то странное... Даже магию ощущаю, хотя она над магией не властна. Даже в –ме–лочи.

– А если она принцесса? – спросил Таргитай, глаза загорелись. – Единственная дочь могущественного тцаря знатного рода?

– Умолкни, – бросил Мрак досадливо. – Это не твои песни, это жизнь.

– С женщиной проще, – бросил Гольш безучастно. – Сегодня ночью может умереть. От мстителей вреда меньше, чем от вызволяльчиков.

Олег сказал поспешно:

– Возможно, не из-за нее вовсе.

Гольш опять долго молчал, смотрел в пол. В каменной плите под ногами завертелся маленький вихрик, возникла дырочка, пошла углубляться. Послышался шорох трущихся песчинок, взвился дымок. Запахло горелым. Маг вздохнул, вихрик исчез. Края дырочки оплыли, как воск на –солнце–пеке, залепили углубление. Пахнуло жаром, как от близкой печи.

– Не позднее чем завтра, – сказал Гольш потухшим голосом, – вам придется покинуть мою башню. Возможно, туча рассеется. Возможно, уйдет за вами... Гроза бьет по высокому дереву, ему ни убежать, ни схорониться. А путников поразить труднее.

Жар истончался в нахлынувшей волне холода. Все молчали, не смотрели друг на друга. Таргитай судорожно шупал за пазухой дудочку – единственное утешение, безотказное и верное. Ощутил себя одиноким посреди враждебной Степи, где не схорониться от злых ветров и лихих людей. Рядом поник Олег, лицо было пепельного цвета. Мрак откашлялся, сказал хрипло:

– По дереву бьет, а в башню вовсе не промахнется... Спасибо за хлеб-соль. Утречком выйдем. По росе... Хотя какая в Песках роса?

Гольш молчал и не шевелился так долго, что все решили, что старый маг заснул. Наконец поднял голову, глаза блеснули странными огоньками. Голос нерешительный, озадаченный, явно старик удивлялся сам себе.

– Вы безумцы... но я, наверное, такой же сумасшедший. Ежели сумеете попасть в Гиперборею, это такая страна северных магов и волшебников, если сумеете отыскать Мировое Дерево, если добудете Магический Жезл... словом, если каким-то чудом, счастьем или везением пройдете все и принесете сюда Магический Жезл, то у вас появится крохотнейшая надежда. Супротив магов можно воевать магическим оружием!

– Что за Гиперборея? – спросил Олег озадаченно. – Как туда попасть?

– Гиперборея – страна холода, злых демонов и могучих волшебников. И величайших героев. Герои в вечной войне с колдунами! Там растет Мировое Дерево – всем деревьям начало, Перводерево. Вершиной упирается в сияющую твердь неба, корни свисают в мрачную преисподнюю. От этого Дерева пошли все деревья на свете.

Олег на глазах желтел как воск, нос заострился, стал почти прозрачным.

– Мы не успели научиться... Как туда доберемся?

– За ночь узнаю дорогу. Это все, чем смогу помочь.

Таргитай втягивал голову в плечи, все вокруг такое огромное и злое, а он – маленький, несчастный и жалкий. В уютной башне прижился, в голову не приходило, что вообще покинут. Вообще не заглядывал в грядущий день, запасов не делал. Отъевшись у Гольша – щеки на плечах, как дразнил Мрак, – со страхом вспоминал холод и голод Степи, изнурительные погони, скитания в жутких подземельях, драки со скелетами, зверями, дивами...

Достал дудочку, заиграл, будучи уверенным, что от страха не заснет, продудит ночь напролет, но свалился, не доиграв до середины.

Мрак и Олег, напротив, не спали. Мрак точил оружие: себе – секиру, Таргитаю и Олегу наострил большие засапожные ножи. К золотому Мечу не прикасался, помнил судьбу несчастных киммерийцев, а волхв, хоть все чаще сражался бронзовым посохом, при нужде хватается за что угодно. Утопающий и за гадюку схватится, так пусть же в драке под рукой окажется что-нибудь понадежнее гадюки.

Олег и Гольш провели ночь на крыше, как два загулявших кота. Ночь настолько холодная, насколько невыносимым был знойный день. Оба мага, старый и молодой, читали звездное небо, выбирали дорогу, пытались узреть грядущие беды, готовили травы: лечебные, отворотные и всякие-разные, о которых озабоченный Гольш обещал рассказать перед отъездом.

Факелы горели все: настоящие и магические, а на полыхающие жаровни слуги набросали пучки колдовских мхов. Когда тяжелый запах обрушился на оружейную, Мрак с выпученными глазами метнулся наружу, едва не снес двери. Уже на свежем ночном воздухе закончил точить секиру и – ножи.

Рассвет еще лишь угадывался, когда Гольш с Олегом спустились вниз. Мрак уже поднял Таргिताю. Тот зевал с жутким завыванием, пугая зверей пустыни, потягивался, норовил лечь или хотя бы заснуть стоя, как конь. Мрак больно тыкал под ребра.

Старый маг протянул Мраку увесистый мешочек. Гольш еще больше осунулся, отводил глаза.

– Здесь золото. Настоящее, без магии. Идите на восток, только на восток. Через два дня, если не замешкаетесь, встретите караван. Воды у них будет мало, а верблюды и кони страдают от жажды. Вам охотно продадут четырех коней. Все равно поить нечем.

– Четырех? – спросил Мрак с подозрением. – Зачем четырех?

– Рыжую ведьму заберете, – буркнул Гольш, глядя в сторону. – Можете срубить ей голову сразу, но вообще-то она знает дорогу к пустынному магу. Тот единственный на свете, кто мог бы забросить вас в Гиперборею. Как оттуда выбраться – одни боги ведают. Я ж говорил, что в вашем походе слишком много «если». Но здесь вам гибель несомненная. Да и мне с вами.

- Знает дорогу к пустынному магу, – повторил Олег медленно. – Сказала сама?
- Я знал, как спрашивать. Потом можете зарубить, надобность в ней отпадет скоро.

Мрак кивнул, все понял.

- А наши кони не падут? А то зазря деньги угрожаем.

- Когда купите коней, на другой день будет ливень.

Мрак с укором оглянулся на Олега:

– Вот что значит настоящее колдовство! Полезное. А ты – горами трясти, землю репать. Учись, телепень.

– При чем здесь колдовство? – сказал Гольш раздраженно. – Голову надо иметь. Поживи с мое, за неделю будешь знать погоду. Узнаешь, почему кости по ночам...

Пока собирали мешки, затягивали ремни, Гольш привел Лиску. Руки остались связанными за спиной, и без того крутая грудь туго натягивала тонкую красную ткань. Воительница выглядела злой и надменной. Мрак оглядел ее с головы до ног.

- Такую с собой?.. Гольш, колдани ее, чтобы –присми–рела.

Гольш смолчал, желтые глаза воительницы хищно сузились. Оглядела Мрака с головы до ног, на Таргитая повела бровью, на Олега не смотрела вовсе. Гольш привязал длинный ремешок к ее связанным кистям. Мрак отступил:

– Кто угодно, я не берусь. Лучше встречных змей спрашивать, как найти пустынного мага, чем эту...

Гольш воткнул конец веревки в ладонь Олега. Мрак и Таргитая поспешно отступили от волхва, занялись мешками, вдевали руки в лямки, кряхтели, на волхва косились настороженно и подозрительно, как бы тот, трус закоренелый, не вздумал передать веревку им.

Мрак забросил за спину самый тяжелый мешок, сказал бодро:

- Ежели через два дня караван не попадется, я свалюсь.

– Я уже свалился, – простонал Таргитая. Он прилаживал мешок поменьше, тот перекачивался, бил по шее.

- Тарх, ты набил сухими листьями?

- У Олега легче!

- Поменяйся, – разрешил Мрак. – Но возьми и змею на веревочке.

Таргитая как ошпаренный кинулся к выходу. Яркий свет ослепил, хотя солнце еще не вошло; в башне привыкли к полумраку. Горы золотого песка скрывали горизонт, в щелях меж плитами невры увидели застрявшие перья, золотистую шерсть, коричневые сгустки крови. Гольш за ночь убрал трупы людей и чудовищ, но вычистить плиты сил явно не хватило. Мрак ощутил угрюмую гордость: нагадили так нагадили! Что трое невров за день намолотят, сто магов за год не разгребут.

Воздух холодный, как ящерица, и острый, как секира Мрака. Песок скрипел, напоминая о снеге, невиданном в этой преисподней. Край дальней дюны начал искриться, в Степи в небе вспыхнуло бы облачко, подожженное спрятавшимся за дюной охотником-солнцем. Здесь же в синем, как перекаленная бронза, небе ни облачка, ни жаворонка. Соврал или не соврал Гольш, предрекая дождь через три дня?

Гольш с порога наблюдал за удаляющимися фигурками. Трое странных людей уходили и уводили на длинном ремешке опасность. Мешки у всех троих поднимались выше головы, не скрывали ни рукояти гигантского боевого топора, который звероватый оборотень упорно называл секирой, ни рукояти огненного Меча, ни посоха из закаленной бронзы толщиной в руку. Все непривычно торчали из-за плеч, судя по всему, так носят оружие на Севере.

Гольш изумленно и насмешливо покачивал головой. Молодой волхв пользуется посохом, атрибутом мага, пока что как боевой дубиной. Его посох весит больше, чем палица воина, не всякому под силу поднять, но лесной волхв упорно жаждет стать магом. Не замечает и

странного кольца на пальце – где такое взял? – от которого веет древней непонятной мощью. Сейчас чем дальше удаляются, тем ярче блестит кольцо.

Когда четыре фигурки стали едва различимы, блеск стал нестерпимым. Гольш приложил ладонь ко лбу козырьком, всматриваясь в странный белый блеск и красные сполохи пояса из темных металлических пластин – оборотень беспечно нацепил нож и флягу, хотя у странного пояса есть наверняка и другое назначение. Гольш знал пояс для хранения денег, для перевозки тайных писем, для придания силы, для стрельбы отравленными иглами... У оборотня пояс, который не только пояс, но тайны его разгадать Гольш не успел, а оставить его оборотень отказался наотрез.

Гольш вздохнул, закрыл ворота. Так слаб, что, как простой слуга, не прибегая к магии, сам задвинул засов, вдел в петли замок, а наверх потащился как черепаха, отдыхал на каждой третьей ступеньке.

Будет чудо, подумал хмуро, если люди Леса не сгинут под палящим солнцем к вечеру. Двойное чудо, если успеют на встречу с караваном, трижды чудо, если доберутся до пустынного мага. Но никакое чудо не поможет убедить пустытника отправить их в сказочную Гиперборею!

ГЛАВА 10

Солнце еще карабкалось вверх, а жгучие лучи уже прожигали троих из Большого Леса насквозь. От соленого пота распахнутые душегрейки отяжелели, на спинах выступили белые разводы соли. Крупные капли срывались с кончика носа, меж лопаток бежали ручьи, намывали на порогах позвонков валики грязи.

Таргитай брел несчастный, сгорбленный, как черепаха на задних лапах. Мрака раздражали вязкий песок, накаленный воздух, нещадное солнце. Раз-другой пнул подвернувшееся перекатиполе, неожиданно обрушился на Олега:

– Долго будешь вести этот сосуд греха, как гутарил старый маг?

– Но дорога... к пустынному магу...

– Ночью тебе первому перегрызет горло! Или пасть заткнешь? Так задохнется, вон в соплях путается.

Вздернутый нос рыжей воительницы покраснел и сильно распух. Олег посмотрел несчастливо на свои кулаки, спрятал за спину. Лиска стегнула оборотня негодующим взглядом, отвернулась. Олег виновато пожал плечами:

– Еще не вечер. Что-нибудь придумаем.

– Не вечер? Ты не доживешь до вечера!

– Мрак...

– Давай я ее сам придушу? Все зло от баб. Верно, Таргитай?

– Верно, – согласился Таргитай. Подумал, добавил: – Зато какое красивое!

Мрак сердито сплюнул. Легкий ветерок закружил песок, бросил горсть в лицо Мраку. На зубах закрипело. Оборотень люто выругался, выплюнул вязкий оранжевый комок, в сердцах предложил Таргитаю:

– Хочешь пряник, что несу в мешке? Только раз в ухо дам!

Таргитай опасливо покосился на огромные кулаки Мрака, уже крепко сжатые. Быстро поменялся с Олегом местами, поставив волхва между собой и оборотнем.

– Лучше меняйся с Олегом. Он пряник зверюке на веревке отдаст.

Мрак взвыл от разочарования, повернулся к волхву:

– Олег, у меня два пряника – оба отдам. Только раз в ухо, душу отведу!

Олег замученно покачал головой, ему хватало и туго натянутого ремешка, тоже развлечение: веселись до упаду, огрызайся на ее молчаливые упрёки. Упирается вроде ненароком, но всякий раз так, что он либо шатается, либо вовсе падает на горячий, как раскаленная сковорода, песок.

– Что за жизнь! – взвыл Мрак и вскинул умоляющие глаза к небу. – Уже двое суток, а еще ни с кем не дрался!!!

– Вчера дрались, – сухо напомнил Олег. В голосе молодого волхва проскользнуло отвращение. – Мрак, по ночам идти сподручнее. Здесь бывает такой холод, что иней выступает!

Мрак подумал, кивнул. Лицо раздвинулось в злой ухмылке.

– Что значит мудрость! Ты прав. Будем идти и ночь. А следующий день поспим... может быть.

Теперь взвыл несчастный Таргитай. Мрак оскалил волчьи зубы:

– А ты играй! Песня укорачивает дорогу.

Таргитай перехватил просительный взгляд Олега. Песня обладала странной магией, что под силу даже дурню, но ни Мрак, ни сам Олег ею не владели. Под удачную песню силы прибывали, ноги сами дергались в пляс. Под песню можно забыть о бедах, хоть на час да стать добрее. Мрак бурчит, что коня песней не накормишь, но сам слушает – за уши не оттянешь. Даже печальные песни слушает жадно, будто воду пьет в этих жарких песках.

Рыжеволосая все еще тащи́лась на туго натянутой веревке. Мрак прибил бы за такие шуточки, Олег же терпит, ведет, как упирающуюся козу. Идти легко, Олег нацепил ей мешок скорее для виду. Мол, украшает, в отместку она спотыкается, падает, а поднимается так, будто несет на плечах башню Гольша.

– А когда привал? – спросил Таргитай жалобно.

Мрак скалил зубы:

– Как только, так сразу. Высматривай рошу погуще. Чтобы как в старые добрые времена: в тени, у ручья, да чтоб рыба скакала над волнами...

Таргитай застонал, вспомнив сказочные места, которые не ценил. Сейчас ноги утопают в раскаленном песке – оранжевом и текучем, как расплавленное золото. Струйки пота бегут ручейками от ушей, сливаются в ручьи между лопаток, а по ногам уже падают ревущими водопадами. Даже оглянулся, ожидая увидеть мокрый след на горячем песке.

– Мрак, воды лишь на сегодня.

– Перебьешься. Утром напузырился сладким квасом, шербетом зовется, так, что из ушей выплескивался!

– Когда это было, – уныло протянул Таргитай. – Брюхо старого добра не помнит.

Олега дернуло, пошатнулся, едва не упал. Рыжеволосая пленница лежала вниз лицом во впадине между горками песка. Рядом с ее головой крупная зеленая ящерица поспешно зарывалась в песок. Олег со всех ног, расшвыривая оранжевые брызги, кинулся к ней, схватил ее за волосы, вздернул. Она слабо дышала, глаза закрыты.

– Эй, – позвал тихо, – Лиска! Не подыхай пока что, ладно?

Она медленно распахнула глаза – крупные, цвета расплавленного песка, слегка раскосые. Губы дрогнули, все такие же пухлые, не тронутые зноем. Олег поежился, женщина смотрела со странной насмешкой.

– Тебя укусила эта тварь? – спросил торопливо. – Покажи, где?

Она отшвырнула его ищущую руку. Упругое тело напряглось под его пальцами. Олег невольно отпрянул, будто вот-вот кинется, зашипит как змея – довела! – а издали донесся нетерпеливый голос:

– Олег! Если змеюка грызает эту... лапочку, сама тут же издохнет в корчах. Волоки ее за волосы! Вон какие патлы. Если прикинется дохлой – прирежь.

Олег вздернул ее на ноги, сказал с неловкостью:

– Я бы развязал тебе руки, но ты бегаешь быстрее любого из нас. А какую клятву взять, что не сбежишь, – не ведаю.

– Я такой клятвы не дам, – заявила гордо.

Ее вздернутый носик смотрел почти в небо, глаза хищно блестели. Отведенные назад плечи натянули тонкую ткань на груди. Олег всячески отводил взгляд, но всякий раз натывался на острые бугорки, снова с усилием отрывался, но женская магия превозмогала его силу. Он поспешил вперед, теперь уже старался держать ремень натянутым.

К полудню зной накалил всех четверых так, что воздух струился над красными обожженными телами. Таргитай падал, перед глазами плыло, а в ушах звенело. Он много и часто пил, вода тут же выступала по всему телу мутной соленой грязью, возгонялась, оставляя хрустящую корку. Что не успевало раствориться в накаленном воздухе, сползало ниже, доводя щекоткой до иступления.

– Ничего, – ободрял Мрак. – Это еще не пустыня! Вон пташка порхает...

Олег бросил короткий взор на раскаленное небо:

– Стервятник.

– Стервами, значит, кормится, – понял Мрак. – Лиска, не ходи туда. Клонет.

Все трое месили песок молча. Наконец Мрак то ли сжалился, то ли забоялся, что околеют, но велел остановиться на привал. Олег в сердцах подумал, что Мрак сам измучился, но

оборотень держался как песчаный волк. Рыжеволоску похвалил, что начала обгонять их дохловатого, но шибко мудрого волхва. Так же похваливал по дороге песчаных ящер и змей – живут, заразы! Хоть и не рыжие, как эта. Но все-таки одного корня, хоть и не сознается.

В распадке между песчаных гор легли, накрылись от солнца плащами и одеялами. Мрак натянул тетиву, пощелкал ногтем, прислушался.

– Хорошо поет. Ладно, развяжи этой зверюке передние лапы. Но объясни – белку бью на лету в глаз. А эта больно схожа, руки чешутся. А идет пусть так, чтобы я видел.

Женщина равнодушно смотрела, как молодой волхв пытается развязать тугие узлы. Олег пыхтел, едва не обломал ногти, пытался развязать зубами, наконец взрезал ножом. Опять не повела бровью, а обрывки стряхнула, когда Олег отполз к Таргитаю. Кисти распухли, ремешок взрезался глубоко. Кровь начала пробиваться в онемевшие ладони, она поморщилась, закусила губу.

Остаток дня среди пылающих Песков показался Таргитаю вечностью. Над головой в безумной выси выгнулось раскаленное до белесости небо, шел словно через раскаленное пекло. Сверху падали тяжелые капли расплавленного золота. Воздух горячий, а когда поднимался ветерок, Таргитай всхлипывал, не стыдась слез: с ветром еще горячее! Рядом колыхались в знойном мареве три тени. Вроде бы тоже падали, ползли через оранжевое солнце, расплывались.

Ноги Мрака всякий раз почти до колен погружались в раскаленный песок. Впереди торчало обгрызенное горлышко кувшина, запечатанное красной глиной. Мрак разглядел даже оттиск печатки. На ходу подцепил за горло, с натугой вытащил. Внутри вроде бы заскреблось. Сломал глину, из кувшина вывалился крохотный уродливый бесенок. Весь красный, словно испекся в этих Песках, с узкими глазками.

– Что повелите? – пропищал он.

– Нам к пустынному магу, – прохрипел Мрак.

– Тогда пойдемте, – согласился бесенок и заковылял по бархану, смешно взрывая песок. Увязал еще больше Мрака, но старательно размахивал крохотными лапками.

– Нам побыстрее надо, – сказал Мрак раздраженно.

– Тогда побежали, – предложил бесенок бодро.

Мрак ухватил его за холку, сунул в кувшин. Таргитай увидел, как Мрак широко размахнулся, кувшин вылетел из его длани, как боевой валун. За дальним барханом взвился фонтан песка и пыли.

Дальше Таргитай смутно помнил, что пришла ночь, свалился без памяти.

Олег был полумертв, пришлось Мраку самому, ругаясь и отплеываясь, связывать маленькую женщину.

– Рыжая, не шелохни и пальцем. Олег спит, а мне только дай повод. Переломаю ноги, скажу, так и было.

Она смолчала, но видел, что поняла. Его понимали всегда, в отличие от заумного волхва или недоумного дудошника. И верили всегда: у него лицо честного человека. Если скажет, что даст в лоб и уши отпадут, то так и будет. Еще и прыщи осыплются.

Мрак растолкал всех среди ночи, поднял – озябших, лязгающих зубами. Пошли быстрым шагом, сразу увязли, согрелись. Под ногами иногда похрустывало. Олег ахнул, присел перед чахлым темным кустиком – колючки блестели инеем!

Таргитай попробовал лизать, разодрал рот. Олег с маленькой рыжеволоской начали отставать. Мрак нахмурился:

– Пусть чапает впереди. Чуть что не так, я ее влет, как утку.

– Мрак, пусть писает как может...

– А никто ее в плен не тащил!

Однако отстать дал. Острые кончики ушей подергивались, ловил каждый звук. Таргитай сказал завистливо:

– Ей хорошо! Присела – и все. А вот я если не встречу деревцо, хоть паршивенькое, то уписаюсь.

– Хотя бы камень, – вздохнул Мрак понимающе.

Олег придерживал рыжеволоску, пока Мрак и Таргитай не удалились шагов на полсотни, а потом и вовсе скрылись за барханом. Лиска взглянула искоса, голос полон яда:

– Раб, ты мог бы насиловать на виду у друзей. Таких же животных.

– Это ты зверюка злобная. Я стараюсь, чтобы твой мочевого пузыря не лопнул.

Быстрый взгляд, который метнула, выдал с головой: вот-вот пустит лужу. Но снова гордо вскинула и без того вздернутый носик. Спросила ядовито:

– У меня вроде бы руки связаны. Или мне показалось?

Олег потемнел, чуя насмешку, сказал раздраженно:

– Я мог бы тебе расстегнуть... Впрочем, черт с тобой. Руки развяжу, но ремень прицеплю за ногу. Бегаешь наверняка быстрее, вон какая противная! А Мрак с его стрелами далековато.

Накрепко привязал за лодыжку, снял ремешок с рук. Она наблюдала из-под приспущенных век, дышала ровно. Олег отошел, насколько позволял ременный поводок, перевалил через гребень бархана, лег, чтобы не видеть ее. В сотне шагов удалялись, увязая в песке, Мрак и Таргитай. Мрак оглянулся, словно ощутил взгляд волхва, брови сшиблись на переносице. Олег успокаивающе помахал концом ремешка, указал пальцем через гребень.

Мрак и Таргитай остановились, поджидая. Их громадные мешки делали их похожими на горбатых медведей. Мрак дважды оглядывался, наконец заорал зычно:

– Тащи!

– Мрак, она занята. Трудится...

– Быстро, остолоп!

Олег нерешительно потянул за ремешок, чувствуя себя подлецом и дураком одновременно. Ремешок натянулся. Вдали жестикулировал Мрак, даже сделал шаг в направлении к ним. Олег перевалился через гребень, ахнул и метнулся в прыжке на рыжеволосую хитрюгу. Под ее острыми зубками как раз лопнул перегрызенный ремешок. Вскочила, Олег обрушился как лавина, сбил с ног. Она пыталась драться, он выхватил нож, другой рукой схватил за волосы и дернул, обнажив нежное горло. Лезвие коснулось тонкой кожи. Олег чувствовал сильнейшее желание нажать сильнее, покончить с нелепым делом – повод для оправдания перед собой есть.

– Застынь, стерва!

Она замерла, глядя в нависающее над нею яростное лицо с бешеными глазами. Личико с тонкими чертами дрогнуло, в желтых глазах метнулся страх. Даже не дышала, смотрела расширенными глазами. Он ударил ее по лицу, перевернул и грубо стянул руки за спиной ремнем так, что даже Мрак назвал бы себя мягкосердечной овечкой рядом с озверевшим волхвом.

Медленно высвободила лицо из песка, боясь резких движений, вздохнула. Песчинки забились в густые брови, налипли коркой на мокрые от пота щеки. Олег рывком поднял ее за связанные руки.

– Вперед, тварючка!

Мрак и Таргитай терпеливо ждали. Ветерок намел возле ног оранжевые холмики. Мрак рывкнул сердито:

– Что так долго? Вережку проглотила?

– Это я задержался, – сказал Олег.

Женщина бросила на волхва быстрый взгляд. Мрак нахмурился, оглядел их с подозрением. Ее плечи отведены назад так, что лопатки терлись одна о другую. Туго стянутые руки начали наливаться багровым, что вскоре перейдет в синеву.

– То-то Таргитай удивлялся, что на один бархан стало больше, – буркнул Мрак. – Это твой, да?.. Ты того, ремешок ослабь. Ишь как стянул! Ремешок может лопнуть, а где в дороге подберешь? Разве что из спины Таргитая нарезать, но с Таргитая пользы – как из жабы перьев...

Двинулись, ноги увязали, шли как по старому болоту. Солнце жгло непокрытые головы. Таргитай спросил Олега тихонько:

– Ничего не случилось? Правда?

Олег раздраженно буркнул:

– Ты стал подозрительный, как Мрак. Ничего, говорю тебе!

– Да? А что у тебя на подошве?

Он брезгливо сморщил нос. Олег поспешно принялся тереть подошву о песок. Лиска порозовела, смотрела в сторону. Мрак сказал одобрительно:

– Маленькая, как ворона, а... Бедный Олег. Это ж ей штаны спускал. Руки-то связаны.

– И надевал, – услужливо подсказал Таргитай им в спины.

Олег и Лиска изо всех сил спешили оторваться от насмешников. Рыжеволоска даже обогнала Олега, тот на ходу перевязал ремень, ослаблял узел. Она брезгливо выдергивала руки. Он невольно хватал за ягодицы, его уши пылали, как вынутые из горна наконечники стрел. Она удивленно косилась на раскрасневшееся лицо лесного варвара, длинные ресницы подрагивали, пряча взгляд.

Глаза оборотня оставались настороженными. Такая злая и юркая не смирится с потерей свободы. Руки связаны, но зубы целы. Удивительно, что еще ремень не перегрызла. Значит, это еще впереди.

– Сними тетиву, – посоветовал Таргитай наивно. – Растянется.

– Да? Еще и стрелы переломать? Ты скажи лучше, что с нею делать? Ты ж у нас умелец по девкам.

– Мрак, по ним умельцев не бывает. Все разные.

Мрак даже отшатнулся в великом удивлении. Дурень, конечно, но такой дури даже от дурня слышать неловкостно.

– Тарх! Запомни, они все из одного стручка. Я не всегда замечал, когда они возле меня менялись. Кличу по-прежнему, а морда вроде другая. То ли я менял, то ли сами менялись – за охотой недосуг разобраться. Это для бездельников разные. Но тут ты первый!

– Пусть решает Олег. Он самый умный.

– Как ты самый ленивый.

– Я добрый!

– Дурость и доброта лишь с виду схожи, понял?

Таргитай вспотел, язык высунул. В сторонке за барханами пронеслась быстрая, свежая, как капля росы утром, тонконогая коза с витыми рожками. Таргитай смотрел с завистью, Олег сказал знающе:

– Когда бежишь, ветерок овеивает. Вот козе и не жарко.

– Как здорово, – сказал Таргитай. – Какой ты у нас умный!

Тут же понесся, как лось по мелководью, тучи песка взлетали с обоих боков, как оранжевые крылья. Когда скрылся за барханом, Мрак сказал обеспокоенно:

– Не заблудится?

– И не мечтай, – вздохнул Олег.

Когда обогнули бархан, Таргитай лежал как рыба на жарком солнце, тяжело дышал, глаза выпучил. Когда с ним поравнялись Олег и Мрак, пролепетал:

– Я... ч-ч-что-то... н-н-н-не... пон-н-нял...

Мрак покосился, спросил Олега:

– Чего его трясет так?

Олег оглянулся:

– Ты ж видел, как неся?.. Замерз, наверное.

Не скоро их догнало шуршание горячего песка, похожее на скрип чешуек ползущей змеи. Вконец замерзший Таргитай тащился, как коза на веревке, тихонько поскуливал, что падает, мрет жуткой смертью на чужбине, что пропади все пропадом, нельзя спасти человечество, ежели через такие муки. Олег слушал сочувствующе, пленница брезгливо морщилась. Таргитай взвизгнул обрадованно:

– Мрак, вона деревья!.. Да какие зеленые! А где деревья, там и вода! Пошли, напьемся. Только и делов что пару сотен шагов в сторону.

Мрак поморщился, а Олег занудно объяснил:

– Видишь, те деревья вроде бы колышутся малость?

– Вижу. Ну и что?

– А то, что это не настоящие, – пояснил Олег. – Гольш рассказывал про такие штуки. Старые колдуны придумали, чтобы губить людей. Мираж называется. Подходишь, а эти деревья либо отступают, либо рассеиваются в воздухе. А обессиленный дурень блудит, блудит, пока от жажды не гибнет вовсе.

Таргитай слушал, кивал, соглашался, а когда Олег закончил, спросил, хлопая белыми пушистыми ресницами:

– Так мы пойдем туда напиться?

Олег с досады попробовал сплюнуть, но потом долго вытирал рожу обеими ладонями. Мрак хмурился, Лиска презрительно улыбалась. Таргитай заныл, голову едва не вывернул, рассматривая пышные зеленые деревья, проходили от них всего в сотне-другой шагов. Оттуда явственно тянуло прохладой. Мраку даже почудилось журчание ручейка.

Таргитай начал приотстаивать. Олег сказал терпеливо:

– Не вздумай. Это мираж, понял?

– Понял, – согласился Таргитай, он на все соглашался. – Так мы напьемся? Или если не хотите, то дайте бурдюк, я для вас сбегу. Я добрый!

Олег всплеснул руками, а Мрак буркнул:

– Пусть сходит. Здесь не заблудится. Но когда по этой жаре догонять будет, лучше запомнит, что такое миражи.

Олег в сомнении покачал головой. Таргитай счастливо завизжал, хотел взять бурдюк, Мрак не дал. Жалко, если дурень сгинет, но с бурдюком жалче вдвое.

Таргитай заспешил к зеленым деревьям, а Мрак чуть сбавил шаг. Они шли и шли, из-за оранжевых гор песка уже выглядывали лишь зеленые верхушки, когда наконец позади показалась темная точка.

Мрак незаметно сбавил шаг еще, но Таргитай все равно еще верст десять тащился сзади, как коза на незримой веревке. А когда догнал, вид у него был все-таки посвежевший.

– Напился? – спросил Мрак с насмешкой.

– Ага, – ответил Таргитай радостно. – Чуть не лопнул! Там такой холоднющий родник из-под земли! Зубы ломит. Зря бурдюк не дали. Хоть сами не пошли... до сих пор не пойму почему, так хоть вам бы принес!

При каждом шаге в его животе булькало. Вытащил из-за пазухи огромный зеленый лист, сочный, еще не тронутый жаром. Протянул Олегу, вдруг да пригодится в его травяных снадобьях.

Мрак, страшно багровея и раздуваясь в размерах, повернулся к Олегу. В глазах было обещание скорой смерти всем шибко грамотным. Олег поспешно отступил, упал, поднял тучу песка. Огромный кулак Мрака поднялся в воздух, но оборотень всмотрелся в даль, прорычал:

– Что-то ползет... Во-о-о-он чернеет.

– Что? – не понял Таргитай.

- Похоже на смока.
- Откеля в этих жутких Песках?
- Это... караван, о котором рек Гольш.

Олег вздохнул с таким облегчением, что песок взвился и сыпанул на друзей и пленницу. Мрак отцепил с пояса баклажку с остатками воды. Передал Таргитаю, тот посмотрел брезгливо и сунул Олегу. Тот, к изумлению и негодованию Мрака, протянул рыжей воительнице – стояла почти рядом, ровная и загорелая, как осмоленный столбик.

Мрак зло сопел. Лиска смила его надменным взглядом, гордо отвернулась.

– Сделай глоток, – почти попросил Олег. – Иначе вот-вот упадешь.

– Ага, – сказал Мрак понимающе. Его лицо посветлело. – Просто волочить не хочет, а нести сил нету.

Она разомкнула пухлые губы. Блеснули острейшие белые зубки, совсем как у Мрака, чуть помельче.

– Это вы уже падаете, бледнокожие червяки Леса.

Мрак одобрително крякнул:

– Все еще злобная.

Олег с жалким видом переступал с ноги на ногу, тыкал ей баклажку. Таргитай шумно вздыхал. Мрак грубо отобрал баклажку, прицепил на пояс.

– Не хочет, чего девку насиловать?.. Пошли, бледнокожие червяки Леса! Как она обложилась? Ворона маленькая, а рот здоровый!

Таргитай первым потащился через застывшие волны песка. Сзади шуршали шаги, с облегчением думал, что если опять мираж, то на этот раз приведет оттуда верблюда.

ГЛАВА 11

Темные точки ползли наперерез очень медленно, но Мрак заторопился: не разминуться бы. Даже если заметят пеших, то ждать не будут – интереса в них нет, а делиться водой да хлебом станет не всякий. Это не с женой.

Постепенно распознали цепочку тяжело груженных верблюдов. Около дюжины да десяток всадников на конях, полдюжины осликов – бедненьких ухастиков совсем не видно из-под объемной поклажи. Впереди трое всадников на тонконогих поджарых конях, но потом к ним прибавилось еще трое. Похоже, заметили пешую четверку. Кони плетутся вяло, приморенные, головы свесили к самой земле.

Мрак заторопился, побежал, размахивая руками. Караван шел мимо, но двое из всадников нехотя свернули, поехали к ним.

– Мир вам! – крикнул Мрак хрипло. – Я вижу, вы народ тороватый... Вон какие кони! Да и вы хлопцы на подбор. Нам бы купить у вас троих... нет, четверых конячек. У вас они налегке, зазря корм жрут. Да и вода денежки стоит.

На него смотрели изучающе, без вражды. Всадники поджарые, смуглые, с черными смоляными усами, подбородки отливали синевой. С глазами цвета старой глины.

– Наши кони стоят дорого, – сказал с расстановкой передний.

– Обходятся еще дороже, – возразил Мрак добродушно. – Вода в Песках задарма не достается. Сколько возьмете за коня? Еще лучше – за четверых?

Всадник помедлил с ответом, спросил осторожно:

– Откуда у таких странных людей деньги?

– У нас настоящие деньги, – ответил Мрак. – И получили их честно.

Всадник с сомнением рассматривал их непокрытые головы, голые до плеч руки. Из одежды – волчьи шкуры да портки из тонкой кожи. Сапоги стоптанные, мешки за плечами ветхие, а рукояти оружия, если это оружие, странные, непривычные. Женщина одета богато, но женщин всегда одевают лучше, пусть заложниц, пленниц или рабынь.

– Хорошо, – ответил всадник уклончиво. – Узнаю у хозяина.

Он не сдвинулся с места, другой сорвался с места и, настигая безжалостно коня, вернулся к каравану. Из шатра, который нес головной верблюд, высунулась голова в огромном цветном тюрбане. Всадник часто размахивал руками, указывая то на невров, то на небо. Хозяин зло гаркнул, всадник даже отшатнулся, провел ребром ладони по горлу. Всадник попятился вместе с конем.

– Не нравится мне такое, – сказал Мрак задумчиво. – Ох, почему-то совсем не нравится...

– Гольш сказал, продадут, – заикнулся Таргитай.

– Старая лиса тоже попадает в капкан. И коней не получим, и гроши отберут. Еще и пошнее наступят.

Всадник примчался на взмыленной лошадке. Явно берегут воду, кони едва держатся на ногах. Не сводя глаз с невров, что-то шепнул старшему. Тот в лице не изменился, подобрался, а пальцы поползли к рукояти меча. Его спутники насторожились.

Мрак словно бы в раздумье отступил на шаг, выставив впереди Олега с пленницей. Таргитай подвигал плечами, устраивая на этот раз поудобнее Меч за спиной. От него покатила волна жара – лезвие из небесного металла начало накаляться.

– Хозяин считает, – сказал старший всадник резко, – что вам надо остаться с нами. В пустыне умрете. Не важно, будете на конях или без них.

– А если хотим умереть? – спросил Олег. Его била дрожь, с трудом удерживался, чтобы не оглядываться умоляюще на Мрака – могучего, бесстрашного.

Всадник покосился на караван, что медленно останавливался, в задумчивости почесал нос. Лицо его посветлело.

– Наши боги не позволяют человеку оставаться без помощи!

– Разве помощь можно навязывать?

– Можно, – ответил всадник убежденно. – Дураков, женщин и детей надо спасать даже силой. Без спросу. А вы не только дураки, что видно издали, но еще и редкостные уроды. Я в жизни не слыхивал даже, что могут быть люди с красными или белыми волосами.

– Мы не пойдем с караваном.

Эти слова Олег хотел произнести громко и с достоинством, но почти прошептал – горло перехватила ледяная лапа страха.

Всадник оглянулся на караван. Из шатра высунулся человек в ярко-красном тюрбане, кричал и размахивал руками. Всадник повернулся к неврам:

– Вас продадут в рабство. Это лучше, чем умереть в Песках!

Трое всадников выхватили мечи, а старший неспешно потащил из перевязи короткий кривой меч. Над ухом Таргитая вжикнула пчела, меч старшего вылетел из руки, как серебристая скользкая рыба. Таргитай понял, что пчелу выпустил Мрак. С криком выдернул свое оружие – Меч, коротко и зло полыхнула багровая молния. Меч светился красным, от него летели искры. Всадники опешили, но один все же пустил коня вперед, очерил, пугая, желтые зубы. Таргитай широко размахнулся, всадник без труда уклонился, но лезвие достало коня. Брызнула струями кровь. Конь, обезумев от боли, взвился на дыбы, завизжал тонко и страшно. Всадник раздирает ему удилами рот, конь скакнул дважды, упал, придавив всаднику ногу.

Олег хрипло вскрикнул, посохом закрылся от второго. Металл зазвенел о металл, всадник яростно рубил, но Олег всякий раз прятался, выставив над головой жезл. Снова свистнула стрела Мрака, а Таргитай встретил натиск, отразил удар легкого меча, ударил сам...

Конец его длинного Меча достал ногу всадника и, разрубив ее до кости, рассек бок коня.

– Коней пошто бьешь? – крикнул Мрак яростно. – Еще одного покалечишь, я на тебе поеду!

Не выпуская лук, метнулся, как песчаный смерч, к каравану. Таргитай бежал хвостиком, но где тяжелый Мрак едва касался ногами песка, там Таргитай вспахивал – как будто волочили дерево. Сзади еще слышался лязг: волхв и последний из всадников, старший, сражались растерянно и осторожно.

– Мрак, – крикнул Таргитай в спину оборотню, – а пусть идут себе?

– На чем поедешь, конеубийца?

С верблюдов соскакивали вооруженные люди. Мелкие в кости, низкорослые, но защищенные бронзовыми щитками на груди и плечах, с круглыми щитами. Торопливо выровнялись в линию, выставив щиты, а острия мечей направили на бегущих.

Мрак отшвырнул лук, выдернул секиру. Воины отшатнулись – секира была в человеческий рост. Звероватый чужак налетел, как черная буря.

Двое на верблюдах поспешно направили горбатых зверей на невров. Таргитай ударил ближайшего, верблюд суетливо шагнул, и черное острие, срубив ногу, как тонкий прутик, с треском развалило верблюда бок. Из широкой раны хлынула темно-красная горячая кровь.

Таргитай застонал от стыда. Мрак заорал:

– Душегуб! Верблюда за что?

– Ты ж говорил, коней не трожь, – вякнул Таргитай в оправдание. – А это верблюд... Нечаянно!

– За нечаянно бьют отчаянно. Берегись, они схватили луки!

– Верблюды?

Мрак ухватил за ногу седока, дернул. Тот распластался в пыли, плоский, как лист дерева. Мрак одним прыжком оказался на горбатом звере, забрался в странное седло. Сонный верблюд

завизжал, почуяв хищного волка. Мрак бешено выкатил глаза, рванул за узду, направил на головного: там сгрудились конные и пешие воины, бестолково размахивали мечами.

Человек в красном тюрбане высунулся из шатра, орал, брызгал слюной.

– Хоть лопни теперь, – процедил Мрак сквозь зубы. – Кто зарится на чужую шерсть, вертается стриженным. Тарх, имай коня!.. Имай, говорю, а не...

Таргитай с раскаленным до оранжевости Мечом гонялся за конями с опустевшими седлами. Те пугались крови на руках человека и хищного металла, храпели дико, увертывались.

Мрак ругнулся бессильно: ошалевший волхв бежал прямо на кучку воинов, что окружили хозяина каравана!

– Сюда, дурень! – заорал Мрак. – Сюда!

Таргитай выпустил из рук узду – поймал-таки одного, оглянулся с недоумением и готовностью выполнять. Мрак разъяренно отмахнулся: не ты один дурень, еще один, только мудрый дурень, а ученый дурень хуже неученого, –стоеросо–вого...

Олег то ли услышал, то ли сообразил – на бегу круто свернул прямо перед воинами, те даже сделали шаг вперед, ожидая удара грудь в грудь. Волхв подбежал к Мраку, по дороге стоптал смуглолицего, тот пытался укрыться за щитом.

Весь караван заколыхался. Там заорали, защелкали бичи. Верблюды сдвинулись, пошли, все ускоряя шаг, пока не ударились в бег. Тяжелые тюки раскачивали их из стороны в сторону. Уцелевшие всадники щелкали бичами, орали, кололи верблюдов сзади мечами.

Мрак подобрал свой лук, наложил стрелу, долго целился. Когда белое перо со свистом ушло, задний на верблюде вскинул руки, словно пытался взлететь, соскочил, но в песке остался недвижим. Стрела торчала между лопаток. Еще один вскинул руки, на этот раз взывал к небесам.

– В спину, – бросил Таргитай с укоризной. – Я думал, в спину не бьешь.

– Пусть и другие так думают, – огрызнулся Мрак. – Они тоже... Когда оравой на троих, бедных и жалобных, рази не в спину?

Верблюд под ним взревел, пустился за убегающими. Мрак осторожно свесился, зацепившись ногами, ухватил заднего зверя за узду. Рука по локоть оказалась в липкой зеленой слюне. Мрак отдернул руку, выругался, вытер о лохматый бок своего зверя, такого же слюнявого, ударил, погнался, на этот раз поймал, со злостью огрел вислогубого слюнтяя по хитрой морде.

– С людьми жить – по-людски выть, – объяснил Мрак, не надеясь, что услышат. – На нашем месте даже боги на кражу пойдут.

Таргитай так и не изловил коней: упустил так упустил, в отчаянии изловчился хватануть за узду горбатого зверя. Верблюд в страхе взревел, руки чужака были по локоть в крови, оплевал с головы до ног, но Таргитай на этот раз не отпустил, страшась гнева Мрака.

Мрак подъехал, второго верблюда вел в поводу.

– Олег! Мы добрые – и для тебя конячку пымали. Правда, горбатую.

Олег подбежал, жадно хватая ртом воздух, с разбега ухватился за верблюда Мрака. Волхв был белым, губы тряслись, глаза лезли на лоб.

– Чего это они? За что?

– Не можешь опомниться? – брезгливо удивился Мрак. – Не сторговались, только и всего.

– Но мы даже не спорили...

– А за что ты его палкой по темечку? Зверь. Мозги на версту брызнули.

– Мрак, – простонал Олег, побледнел еще больше, дернулся, словно удерживал тошноту. – Не надо... Я отмахивался. Мрак, ты зря грешил на старого Гольша. Мы все-таки в седлах!

– Твой Гольш коня от верблюда не отличает? Заработался. Скоро и ты таким станешь.

Таргитай проговорил недоумевающе:

– Да и купили как-то чудно... Все деньги при нас.

Обвел взглядом песчаную пустыню. Песок взрыхлен, истоптан, пламенел пятнами крови. Около десятка людей лежали в страшных позах, два убитых коня и один умирающий верблюд, разбросанные тюки – уцелевшие и разбитые. Ветерок разматывал красный и синий шелк, катил коробочки.

– Да нет, – решил Мрак, злая улыбка осветила хмурое лицо. – Сторговались. Если еще вывернуть карманы, пошарить по тюкам и всяким шкатулкам...

Похлопал по седельной сумке, прислушался, сорвал веревочку и сунул руку в раздутый мешочек. Олег напрягся, сперва бы проверил, мало ли что там, вдруг гадюка, но Мрак вытащил горсть серебряных монет, сказал убежденно:

– Будем считать, что мудрый Гольш все предвидел. Мы купили, а это на сдачу. Тарх, откуда на тебе столько соплей?

Олег все еще с недоверием глядел на огромного верблюда. Подойти боязно, не то что влезть, Мрак сказал подозрительно:

– Мудрый волхв... а где твоя девка?

Далеко по дороге в клубах пыли удалялись остатки каравана. Всадники нещадно нахлестывали горбатых зверей, тыкали мечами. Ослики приотстали, их тащили за узду, били палками, подталкивали. Женщины с огненными волосами там не мелькнуло, наверняка где-то в голове отряда. А то и в шатре хозяина.

– Как теперь отыщем дорогу? – спросил Таргитай упавшим голосом. – Кругом Пески...

Мрак соскользнул с верблюда. Лицо оборотня землистого цвета. Окровавленная секира с размаху вошла в песок до середины рукояти. Сел на землю, уронил голову. Капли крови свернулись в темные шарики, под палящим солнцем сразу иссохли, окаменели. Окаменел и Мрак, уперев кулаки в подбородок. Глаза смотрели невидяще поверх застывших волн раскаленного песка.

Ноги Олега дрожали, но сесть боялся – вдруг да кровь хлынет в голову так, что разнесет ее вдребезги? И дикий жар раскалывает череп. Грудь ходит ходуном, в глазах мельтешат красные мухи. Голос Мрака донесся как из дальнего Леса. Жаркое отчаяние все же подломило ноги. Олег рухнул на песок, плотно зажмурился. Столько мук – и все зря?

Таргитай обыскивал мертвых, снимал фляги и тряс подле уха. В одном тюке обнаружил бурдюк, где булькало. С торжеством приволок – он, как птаха небесная, не заглядывал в день завтрашний.

– Конец дороги? – произнес Мрак горько. – Что скажешь, волхв?

Тупо смотрел перед собой. В его сгорбленной фигуре столько безнадежности, что Олег поспешно отвел взгляд. Оборотня еще не видел таким. Железный Мрак выдыхается?

Таргитай принес бурдюк. Олег жадно глотнул, в раскаленном горле почти зашипело. Пусть вино – это всего лишь перебродивший виноградный сок, в походе через Степь пили даже собственную мочу.

– Мы еще не погibli, – сказал потому, что Мрак в отчаянности впери́л взгляд в оранжевый песок под ногами, а Таргитай смотрит с ожиданием. – Мы еще можем двигаться...

– Куда? – спросил Мрак горько. – В Лесу я знал, в Степи – чуял. А в этой раскаленной печи?

Опять Таргитай смотрел на самого умного. Олег ответил вынужденно:

– Ну... шли мы вроде бы в ту сторону. Отправимся. Вдруг до песчаного мага рукой подать? Дорогу будем спрашивать...

– Есть у кого, – саркастически согласился Мрак. – Народу – не протолкнуться.

Таргитай сказал с надеждой:

– А если Олег выпросит у ящериц? Он же волхв!.. Я видел одну. Рожа – во, глаза – во, а бегаёт... Олегу не угнаться. Разве что Мраку? Но Мрак не умеет в песок зарываться.

В гробовом молчании пустили бурдюк по кругу. Ощущение беды было таким сильным, что Олег присосался дольше всех, а когда Мрак и Таргитай отвалились, оставил бурдюк у себя, потягивал из короткой трубочки. Затуманить голову, не видеть нависшей беды! Конечно, все равно не обойдет, но хотя бы не видеть. Это Мрак до сегодняшнего дня все видел и не страшился, Таргитай не страшится, как та же птичка беспечная: пока не увидит змею прямо перед собой – чирикает на дудочке, чистит перышки. Он – волхв! Чувствует, как будет умирать от жажды, иссыхать, погибать под палящим солнцем. Как, еще живого, будут рвать на куски грифы – во-о-он темнеют точки в синеве, – как вылезут из песка хищные жуки и набегут быстрые, как тени, и злые, как степняки, желтые песчаные муравьи...

Мрак медленно поднялся, неспешно расправил плечи. Суровое некрасивое лицо оборотня показалось величественным, прекрасным. Сказал сильным, чуть хрипловатым голосом:

– Ты прав, у нас есть выбор. Умереть, как старым жабам, или погибнуть на полном скаку?

Пока Таргитай и Олег вскарабкались на горбатых зверей, упрели и намучились, как медведи возле рыбы. Люди Песков влезают на верблюдов, когда те греют пузом песок, невры не хотели терять времени, не хотели утруждать зверей, а если по-честному – не знали, как заставить лечь.

Мрак пустил верблюда вперед, хотя никто не знал, в какую сторону ехать. Гольш указал дорогу до пересечения с караваном. Суровое лицо оборотня становилось все красивее, Таргитай молча любовался суровым другом, потихоньку вытащил дудочку. В голове рождались новые слова, сами лепились одно к одному.

Начали огибать бархан, когда Мрак насторожился, бросил ладонь на рукоять секиры. Из-за песчаного верха выезжал неспешно всадник. В блестящем шлеме, кольчужная сетка из тонких бронзовых колец падает на прямую спину. У бедра меч в дорогах ножнах, из-за спины выглядывает край круглого щита. На седельном крюке – короткий лук из турьих рогов и колчан со стрелами.

Всадник съехал в распадок между песчаными холмами. Солнце, бывшее неврам в глаза, осветило курносое лицо с россыпью веснушек. Мрак крикнул, начал так осторожно подвигать пальцы к колчану со стрелами, словно боялся спугнуть красивую бабочку. Таргитай растерялся, с открытым ртом смотрел то на Мрака, то на Олега. Волхв дернулся, зрачки расширились, но сам оставался неподвижным, вздувшиеся жилы на лбу выдавали напряжение.

Мрак придержал верблюда, пустил шагом. Рыжая вот-вот сорвется, натянута как тетива! Конь уже подобрался, как зверь перед прыжком. Как сумела изловить такого красавца да сперва еще руки успела развязать так быстро? Надо об этом подумать на отдыхе...

Олег увидел стрелу в ладони Мрака, сказал глухо, чтобы услышал только он:

– Не надо. Она ждет.

– Кого?

– Нас.

– Это еще зачем?

– Скоро узнаем.

– Не лучше застрелить сразу?

Женщина смотрела надменно, почти привстала, так гордо выпячивала грудь, но крупнее все равно не выглядела. Правда, люди Леса помнили, что даже маленькие гадючки валят с ног быков.

Мрак и Таргитай начали поглядывать на волхва сперва с нетерпением, затем недоумевающе. Волхв, который обычно вел переговоры, теперь молчал, словно язык прилип к гортани или, как говорил грубый Мрак, его втянуло в задницу. Мрак крикнул, прочищая горло, сказал громко, ни к кому не обращаясь:

– Гляди, коняги не испугалась!.. Бывают же такие храбрые.

Рыжеволосая игнорировала оборотня. Видел ее в седле на более страшном звере всего три дня тому. Ее глаза не отрывались от лица волхва. Олег сказал злым голосом:

– Мои травы растеряла?

Всадница хлопнула ладонью по притороченному мешку, Олег узнал свой, голос ее надменный, холодный, как северный ветер:

– Среди караванщиков был походный маг. Я добавила его травы тоже.

Олег кивнул, буркнул рассеянно:

– Покопаюсь на привале.

Она повернула коня, верблюд Олега пошел рядом, нависал, как движущаяся гора над холмиком. Лиска смотрела прямо перед собой, туда же вперил взор и Олег. Друг на друга не глядели, но Таргитаю показалось, что важнее смотреть в одном направлении, чем друг на друга, как всегда было у него с девками.

Мрак и Таргитай ехали в полусотне шагов позади. Мрак подозрительно ел глазами ее гордо выпрямленную спину.

– Что за разговор дурацкий? Ничего не пойму!

– Олег понял... вроде бы.

– Говорят так, будто заранее обо всем договорились! А мы с тобой, мол, еще в соплях путаемся.

– Мрак, не страдай.

Мрак несказанно изумился:

– Это я-то страдаю? Тарх, я страдал, когда палец прищемил! Или когда верблюд... эта верб... мне на ногу наступила.

Таргитай вытащил дудочку, спросил с надеждой:

– Хошь поиграю?

– Шпарь. Только с верб... не свались. Пока до земли долетишь, заморишься.

Оба верблюда мерно покачивали горбами, шли неторопливо, бережливым шагом, рассчитанным на долгое одоление жаркой пустыни. Мрак и Таргитай тоже раскачивались, словно клевали носами. От верблюдов пахло кислым потом, сваявшейся шерстью. Седла были неудобные, то ли женские, то ли для мелковатых людей. Мрака то и дело защемляло спереди, видел, как иногда морщится Таргитай, но старательно дудит, пальцы быстро бегают по дырочкам простой деревянной дудочки.

Раскаленное добела солнце сыпало искрами, что обрушивались на головы, как удары прокаленного молота. Под копытами верблюдов плавился песок, уже разжаренный до оранжевого огня. Воздух сухой, как над печью, выжигал изнутри грудь, царапал горло.

У Таргитая от слепящего песка, которому ни конца ни краю, слезились глаза. Мрак ехал багровый, как вынутая из горна раскаленная заготовка для меча, лишь не сыпал искрами. Пот бежал ручьем, глаза покраснели, воспалились. Пил чаще обычного, но все равно наотрез отказывался, как предложил Олег, по-бабьи повязать голову платком.

ГЛАВА 12

Олег и маленькая женщина держались все так же впереди. Конь уставал, хотя нес почти невесомую воительницу. Верблюд Олега шагал невозмутимый, сухой, даже слюни и сопли не разбрасывал, берег для удобного случая.

– Все равно не верю, – пробормотал Мрак. – Пырнет нашего дурня под ребро! Только и видели. Рыжие все такие.

– А наш Олег?

– Олег тоже хитрый. Но у него хоть глаза зеленые, как трава! А у нее желтые, словно песок.

– Мрак, у тебя уже и Олег дурень, хоть и хитрый.

– Всякий, кто с бабой связывается, – дурень. Редкостный, стоеросовый, доморощенный, круглый, непуганый.

Первым заметил над виднокраем белое пятнышко. Оно росло, темнело, ползло прямо на них. Подул ветер – горячий, злой, бросил крупинки обжигающего песка в лица. Таргитай пугливо закрывался локтем, а Мрак растянул губы в торжествующей усмешке. Еще потопчут зеленый ряст!

Гроза налетела с южной торопливостью. Небо одним взмахом потемнело. Раздался грохот, перешел в сухой злобный треск, будто боги рвали друг у друга чистые простыни. В напряженном, как Мрак перед прыжком, воздухе слепяще ярко вспыхивали белые молнии – рогатые, ветвистые, похожие на белесые корни дерева.

Впереди между небом и землей встала серая мерцающая стена. Верхушки барханов словно закипели, размылись. Стена начала стремительно надвигаться на людей. Изогнутые вершинки барханов исчезали, их сминало, втаптывало, размывало.

Олег обернулся, закричал:

– На землю! Быстро!

Мрак и Таргитай еще переглядывались, а волхв соскочил, держа верблюда в поводу, одним движением сдернул рыжеволоску. Она начала отбиваться, но Олег бросил ее на песок, навалился сверху. Мрак хмыкнул:

– А еще волхв!.. Ясное дело, под дождиком все оживает. Щепка на щепку лезет.

– А зачем нам слезать? – удивился Таргитай.

– Волхву виднее. Вдруг что-то ритуальное? Потом узнаем.

Спрыгнул нехотя, лицо такое, что если потом не понравится, то волхву достанется на орехи и на желуди. Таргитай соскочил, покатился с песчаного склона.

Серая стена надвинулась стремительно. Нижняя часть была оранжевой от взлетающего под ударами падающей воды песка. За стеной в необъятной толще угадывались частые сполохи молний. Там ревело, гукало и трещало.

Таргитай истошно взвыл; ледяная вода обрушилась с такой мощностью, что вмяло в рыхлый песок по уши. Отплевывался, жадно хватал ртом воздух, но вокруг была лишь падающая вода. Зашипело, взвились струи пара, на его разжаренных плечах тоже шипело, но скоро заледенел – вода падала из небесной проруби. Очутившись между барханами, встал на четвереньки, намотав повод на кулак – одуревший верблюд пытался бежать, словно дождика не видел. От грохота раскалывалась голова. Земля подскакивала, как конь, дергалась, била копытами.

Мрак сел на кипящий под холодными струями песок, опустил голову и накрыл ее ладонями. Вода стекала по рукам, под ним сразу образовалась лужа, не успевала уходить в песок.

Таргитай тихонько завыл, чувствуя себя заброшенным и несчастным. Боги запасли воды для этих Песков на сто лет, а по дурости или недосмотру вылилась сразу! Уже ошалел от гро-

хота и сверкания, треска, задница в холодной воде, как у лебедя, вокруг и под ним бурлит – воды больше, чем песка!

В темноте грохнуло. Таргитай ощутил страшный удар, вспикнул и упал лицом в лужу. Рядом обугленная воронка заполнялась водой, взвился шипящий столб пара, его прибила к земле стена падающей воды. Мрак ухватил Таргитая за плечи, поднял: не захлебнулся бы сонья, нашел когда спать, лодырь несчастный.

Быстро светлело, ливень прекратился, как отрезанный ножом. Завеса воды быстро удалялась, а от гордых барханов не осталось и следа. Люди и животные лежали на ровной, как стол, песчаной пустыне – волнистой, взрыхленной струями, исходящей паром.

Таргитай трясся, стучал зубами. В голове гудели огромные шмели. Солнце снова обрушилось злобным светом. Голый до пояса Олег вел в поводу верблюда. Рыжеволосая женщина хлопотала над распяленными в песчаных ямках шкурами, собирала воду в баклажки. Мрак покачивал головой, у ног лежало нечто черное, обугленное. Таргитай с ужасом узнал останки своего верблюда.

– Я ж кричал, – сказал Олег осуждающе. – Надо было их тоже уложить.

– Что это?

– Боги гnevаются, если люди в грозу не склоняются перед их мощью. У нас бьют по высоким деревьям, здесь – по верблюдам. Ежели верблюд ляжет, а ты будешь торчать столбом, то получишь вместо верблюда...

– Нешто боги не отличают?

– С такой выси разве рассмотришь? Да еще в такой дождь. Что будем делать дальше, Мрак?

Мрак двинул плечами. Словно качнулись два темных холма.

– Известно что. Нас трое, и этих коней трое.

– А...

Олег беспомощно оглянулся на рыжеволосую. Она уже затыкала баклажки, сливала остатки воды в бурдюк. Мрак посмотрел одобрительно, кивнул:

– Ладно, пушай живет. Не стоит рубить, оставим здесь живьем. Уцелеет так уцелеет.

Олег сказал напряженным, как струна, голосом:

– Мрак, она единственная, кто не растерялся, а ухитрился набрать воды. Без нее, без воды, мы бы не добрались. А так на всех хватит.

– Но не побежит же она за конем?

– Тарх пусть едет на моем верблюде. Я сяду на коня, посажу ее сзади.

Мрак с сомнением покачал головой:

– Ее зубы будут возле твоей шеи?

– Пусть посадит спереди, – подсказал Таргитай услужливо.

– Ну да, будет лапать, о нашей цели забудет.

Олег сказал настойчиво:

– Мрак, она нужна.

Мрак почесал в затылке.

– Ну, ежели так отважен... Я видел, как ты ее подмял, а она сдирала с тебя волчовку. Надо было бы и штаны снять, воды набралось бы больше.

Таргитай спросил ехидно:

– Ты пил бы воду из штанов Олега?

Мрак отшатнулся:

– Упасите боги!.. Змея все предусмотрела. Такая еще опаснее.

Лиска собрала шкуры, свернула, перетянула ремешками. Двигалась быстро, сноровисто. На невров не глядела, из последней шкуры остатками напоила коня – бурдюк и баклажки

полны. Мрак не вмешивался, лишь глядел с неодобрением, как Олег взобрался на коня, подал ей руку. Рыжая руки не приняла, прыгнула так ловко, что опустилась точно на круп позади.

Мрак поежился, словно острые зубы оказались за спиной у него самого. Отважен Олег, безрассудно отважен. Сорвиголова. Отчаюга! А какой трусливой овечкой вышел из Леса...

Вздыхнул, полез на зверя, который дважды сказал правду самому богу прямо в глаза. Иначе откуда у него два горба?

Когда конь обессилел, а последняя капля воды выпита и уже испарилась через кожу, Мрак разглядел впереди зеленое пятнышко. Мог быть мираж, сколько их встречали, но верблюды пошли шибче, даже хари вытянули, что-то зачуяли.

Оазис оказался крохотным ручейком, вокруг которого поднималось два десятка деревьев, трава росла шагов на полсотни, там ручеек рассыпался в мокром песке. Таргитай ошалело задрал голову, челюсть отвисла. Ни одной ветки, листья растут прямо из стволов, каждый лист с коня размером! А то и с верблюда.

– Пальмы, – определил Олег, подумав.

– Откуда ведаешь?

– Пока ты на дуде да это дурацкое два притопа, два прихлопа вокруг костра, я книги читал!

– Стану я глаза портить, – ответил Таргитай гордо.

Лиска легко соскочила, выжидаяще глядела на Олега. При всей заносчивости заметно трусила, старалась держаться поближе к волхву, а в присутствии грозного Мрака замирала как улитка.

Таргитай сказал Мраку с неловкостью в голосе:

– Пусть ею занимается Олег. Мы деремся не с девками, а с магами, верно?

– «Деремся», – передразнил Мрак. – Лаял пес на луну, а та и не догадывалась. Баба с воза... две бабы с воза, кобыла не заплачет. Пусть Олег с нею мается. А я малость переведу дух, в дурнях похожу.

Коня напоил сам, осмотрел подковы, расседлал, развел маленький костер из сухих стеблей жесткой, как свиная щетина, травы. Олег с головой влез в мешок караванного мага, если воинственная амазонка не ошиблась. Таргитай лежал пластом, даже дудочку не вынимал. Лиска сидела подле Олега, держа его как щит между собой и Мраком.

– Ночевать будем здесь, – решил Мрак. – Ты думай, Олег. Я, к слову о птичках, спать не лягу, пока не свяжешь свою змею по рукам и ногам, не заткнешь ей пасть и не привяжешь к дереву... ну к пальме, раз нет деревьев. Хорошо бы еще перед нею пса посадить! Да он больно ленивый.

– Мрак...

– А ты, Тарх?

Таргитай покосился на застывшую столбиком рыжеволоску, похожую на суслика возле норки. Подумал, шумно почесался, махнул рукой:

– Авось не зарежет.

– Поленится? – предположил Мрак саркастически. – Разве что поленится. Но от тебя разве что блох набралась, а лени – не знаю.

Олег покраснел, привстал, умоляюще смотрел то на одного, то на другого.

– Еще не чуете? Она уже не враг... Пусть не друг, женщина не может быть другом, как говорил Боромир, но уже не враг. Не самый лютый, а мы и самых-самых малахаями закидывали.

– Какими малахаями? – спросил Мрак сварливо. – Отродясь не видывал.

– Киммерийцы носят, – объяснил Олег. – Носили на головах. Правда, не понял зачем, ведь от удара мечом или секирой не защищает... Ритуальное, наверное.

– Ты зубы не заговаривай, – оборвал Мрак.

Сидел у костра, нахмуренный. Взгляд его не отрывался вроде бы от пламени, но все чували, что оборотень видит каждое движение Лиски. Вокруг костра сгустился воздух, напряжение стало таким плотным, что можно резать ножом.

– Он прав, – сказала она. – Свяжите руки и привяжите на ночь к дереву.

Олег дернул головой, глаза округлились. Мрак проговорил насмешливо:

– Олег даже обувается только сидя, а уж узлы... узлы лучше завяжу я.

Таргитай лег, смотрел с неловкостью. Мрак стянул ей за спиной тонкие руки ремнем, дабы не перегрызла, а веревку обернул вокруг пояса, привязал к пальме. Олег принес ей волчью шкуру: песок горячий, а волчьей шерсти боится всякая нечисть – скорпионы, ядовитые пауки, змеи.

Мрак не выпускал секиру и во сне. Уши подрагивали, ловили каждый шорох. Олег и Таргитай распластались недвижимо, словно придавленные рухнувшим небом.

Мрак проснулся от ощущения опасности. Мгновенно подгреб секиру, огляделся. Костер горел, хотя рассвет пришел на смену ночи, даже угли рассыпались в пепел. Ноздри уловили пряный запах жареного мяса с пахучими травами, пахло паленой шерстью.

Олег и Таргитай лежали в тех же неестественных позах. Женщина сидела с закрытыми глазами у пальмы. Веревка обвивала ее вокруг пояса, руки заведены за спину. Веки опущены, дышит вроде бы ровно, но край куртки часто подпрыгивает слева на груди.

На широких камнях прямо среди багровых углей темнели ломтики мяса – пахнущие, с пузырьками сока, шипящие. От багровых углей шел мощный жар.

Женщина изо всех сил притворялась спящей. Зло зыря на нее, Мрак растолкал пинками друзей:

– Сторожите?

Таргитай сонно тер кулаками глаза, зевал, потягивался, постанывал, а Олег, сразу все поняв, кинулся к пленнице. Она все еще прятала руки за спиной, но Мраку доказывать ничего больше не надо. Отвернулся, пусть Олег связывает заново, если желает. Придирчиво проверил лук и стрелы. Все на месте, тетива смотана в клубок. К тому же его лук даже Олег и Таргитай натягивают с трудом. Пыхтят и надуваются так, что либо штаны лопнут, либо...

Проверил верблюдов, те с конем вместе объели половину зеленой поляны, добрались до кустов и пальм. Когда вернулся, возле костра сидели все трое. Олег заговорил торопливо, не давая Мраку открыть рот:

– Не трогала твой лук! Ящерицы всегда подкрадываются к огню, дуреют, пока смотрят... Она их палкой, палкой!

Мрак хмыкнул:

– Со связанными руками?... Или ей восхотелось почесать пузо, пришлось перегрызть ремень? Придется зубы выбить.

Намеренно не смотрел в ее сторону. Зараза, она и его постарается уболтать или хотя бы смягчить. Волхва оседлала, тот на глазах тупеет, скоро Таргитая догонит.

Ящерицы здесь, в Песках, явно с поросят, мясо белое, как у перепелок, без жира. Мрак ел с неохотой: бабой добыто – наполовину испорчено, потом задумался, глотал вместе с костями, что и не кости вовсе, одно название. Олег и Таргитай жевали вяло, отводили глаза. Девка не успела убрать или зарыть страшные шкуры с бородавками и шипами, а кишки бросила в трех шагах. Лишь Мрак одобрительно подвигал бровями: не последняя дура, зверье помельче жратаньки тоже хочет.

– Ладно, – сказал Мрак наконец. – Можешь не связывать... В самом деле могла ночью нас всех. Но как я не слышал, когда палкой по черепам?

– Где ты зришь палку? – спросил Таргитай сердито. Сидел надутый, как сыч, не решался куснуть поджаренный ломтик, где прилипла зеленая чешуйка. – Она их давила голыми руками!

Мрак оглядел ее внимательнее. Она с усилием отвернула голову, руки застыли. Грозный человек не разговаривает с нею нарочно, дабы оставаться противником!

– Гм... у ящериц шеи в панцирях. А у тебя, Олег, как у цыпленка, голая. Да и у тебя, Тарх...

Таргитай покосился на Олега, пощупал шею:

– Неужто такая же грязная?

Мрак вытер жирные пальцы о песок, бросил благосклонно:

– Не дура, куски мяса переложил травами нашего волхва. Остальное, видать, коню и верблюдам скормил.

Олег вскочил как ужаленный. Волосы встали дыбом, от них полетели искры.

– Это лечебные травы!!!

– Верблюды тоже люди, – ответил Мрак хладнокровно. – Только горбатые. Им всякие травы нужны. Без верблюдов пропадем, обижать таких зверей нельзя. Вообще, чем больше зверей любишь и жалеешь, тем они вкуснее.

ГЛАВА 13

Когда отправились в путь, Таргитай с завистью заметил, что маленькая рыжуха крепилась недолго: сперва клевала волхва в спину, наконец обхватила руками. Мрак заметил тоже, все замечал, все видел.

– Ишь, прикидывается! Ночью вроде не спала, ящерок давила голыми руками! Думаешь, спит?

– Без задних ног, – поклялся Таргитай.

– Это ты спишь на ходу. А она сейчас как кот в траве. А цыпленок в двух шагах.

Таргитай растерянно хлопал пушистыми ресницами. Сам не прикидывался, не знал, как это вообще прикидываются, даже просто прикидываться волком не обучился, что вовсе просто, все на виду, по-честному, а человеку прикидываться человеком – надо быть вовсе хитройгой непомерной! Оставаясь в личине человека, внутри быть кем-то другим! Но вовсе уму непостижимо, как можно разглядеть такое прикидывание. Надо быть если не богом, то хотя бы магом необычайной мощи...

С опаской и тревогой посматривал на Мрака. Гольш как-то изрек, что от Мрака струится неведомая мощь. Мол, больше, чем в Олеге. Жаль, в нем, Таргитае, ничего не нашел. А то бы...

Таргитай прикрыл глаза, погрузившись в сладкие мечты. Если был бы волхвом-волшебником или хотя бы могучим колдуном, то обязательно сделал бы это... затем это... Да чтобы стал обязательно умным, сильным и красивым... Да принцессу и дворец поболе, чем у киммерийского кагана...

Верблюд соскользнул с бархана, Таргитая словно трянуло. Очнувшись от сладких грез, сказал дрожащим голосом:

– Третий день едем, никакой тучи, что пугал Гольш. Еще недельку, отыщем Жезл...

– Сплюнь, дурак, – рявкнул Мрак. – Или постучи по дереву.

– Тут нет дерева. На твоего верблюда писаю...

– По голове своей. Она деревянная. С дуплом! Сам дивлюсь, ничего не стряслось. Правда, верблюдов купили... по-пустынному... Молчи, сглазишь. У тебя глаза завидующие.

Некрупная ящерица перебежала дорогу. На вершине бархана повернулась, внимательно посмотрела на людей. Мрак насторожился, потянулся к луку. Ящерица зло пискнула, задрожала всем телом, быстро-быстро погрузилась в горячий песок.

– Это ящерица, – сказал Олег настойчиво. – Просто ящерица!

– Такая здоровая?

– Лиска была крупнее. Тут вообще ящерки с кабанов.

– Ладно, а теперь объясни мне во-о-он ту штуку.

Олег долго всматривался в темную точку на синем небе. Таргитай тоже загляделся, едва не свалился с верблюда.

– Просто орел, – сказал Олег менее уверенно.

– А пошто второй день парит, как голодная ворона?

– Это другой. Отсель не разглядишь даже ты. Надеется, что вот-вот откинем копыта, нажрется от пуза. Простой орел-стервятник!

– Может быть, просто, как раз для Тарха, а может быть, еще как непросто.

– Для тебя?

– Для тебя. Я не просто простой, я даже очень простой. Простее не бывает. Стервятник, говоришь?

– Да.

– Гм... неужто Лиску есть будет?

Горы горячего песка сменялись холмами и даже холмиками, изредка под копытами гремела накаленная земля. Но даже когда двигались по твердому, все равно взор упирался в те же бесконечные горы горячего песка. Верхушки дымились: ветер сдувал песчинки, те падали сразу за гребнем. Мрак не верил глазам, видя, как легкий ветерок перетаскивает исполинские горы песка. Они двигались, двигались, двигались – неумолимые, тяжелые, мертвые, и хотя не любил заглядывать в день завтрашний, мурашки пошли по спине, когда представил на пути этих песчаных гор людной город, поля, каналы, озера.

Встретили еще два оазиса. С заново наполненными флягами и бурдюками пустились в последний переход. Рыжеволосая хмуро указывала Олегу направление, только Олегу. По ее словам, до убежища пустынного мага осталось рукой подать. Мрак исподволь проверял, через Олега, правда, но маленькая, как пустынный зверек, женщина называла даже кусты и норы, что попадутся по дороге. Что-то в этом поразительном знании тревожило Мрака – чересчур хорошо знает Пески, человеку такое не дано. Мучился, не в состоянии выразить свои подозрения Олегу.

– А ты уверен, – спросил он наконец, – что пустынный вообще есть?

– Ну... а почему нет?

– Гольш чересчур спешил сбегать нас. Как угодно и куда угодно, лишь бы увели с собой грозу. И эту рыжую – тоже.

Олег пугливо оглянулся, словно тяжелые тучи гнались следом. Мрак невесело скалил зубы. Лучше гроза, чем нещадно раскаленное небо. Пот выедает глаза, голова раскалилась, как котел на костре. Воинственная рыжуха как-то обронила, что в этих краях все, даже мужчины, носят бабьи платки, спасаясь от солнца, но Мрак сразу понял, что девка над ними смеется. Не понял и киммерийского обычая носить шапки, но в каждой стране свой поклон.

Чем ближе оказывались к пустынному магу, тем дерганнее становился волхв. Таргитай ехал на своем «авось», играл на дудочке и не думал о дне завтрашнем. Мага пустыни может не оказаться вовсе или окажется совсем не таким, как описал Гольш. Ведь и коней купили не так, как обещал Гольш. Один Мрак доволен: деньги мага сохранили да еще и добавили!

Когда солнце опускалось за барханы, вдали блеснула искорка, кольнула в глаза. Олег завопил в седле, вытягивал шею, как гусь за сливами. Мрак нетерпеливо бросил:

– Да вижу, вижу! Если хатка, то уж больно прибитая.

– Хатка, – заверил Таргитай, едва не повизгивал от счастья, горячий песок и знойный воздух высушили мясо, ехал худой и обугленный, как головешка. – Гольш все предсказал точно!

– Как и коней, – напомнил Мрак.

– К ночи будем у мага, – сказал Тарх мечтательно.

– Держи карман шире, – сказал Мрак грубо. – Так тебя и пустит средь ночи! Громобой кровную родню зашибет, ежели разбудить впотьмах. А этому мы и не родня вовсе.

– Я бы пустил, – сказал Таргитай с жаром. – Как можно не пустить?

– Ты, дурень, и свое отдашь, чтоб чужого не брать. Вовсе ворота не запрешь, чтобы с печи не слезать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.